Лемони Сникет

Тридцать три несчастья

Предпоследняя передряга

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Итак, Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер добрались наконец до отеля «Развязка», где в четверг должно состояться решающее собрание Г. П. В. И хотя таинственная таксистка уверена, что дети могут с первого взгляда отличить волонтера от негодяя, сами Бодлеры в этом не уверены, ведь им предстоит не только разобраться, с кем они разговаривают — с волонтером Франком или с его коварным братом-близнецом Эрнестом, но и заподозрить, что два близнеца не могут быть одновременно в трех местах. За оставшиеся до судьбоносного четверга дни Бодлеры предстанут перед Верховным Судом по обвинению в убийстве, совершат несколько неожиданных для волонтеров поступков и, наконец, умчатся по воле волн. И при этом Бодлеры начинают сомневаться, не вышли ли они из предпоследней передряги последними негодяями, хотя намерения у них были самые добрые…

Конец близок!

- Лемони Сникет
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Не глава
- Глава четвёртая
- Глава пятая
- Глава шестая
- И снова не глава
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- notes
    - 1

Лемони Сникет
ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕДРЯГА

Тебе, Беатрис.

Никто не в силах был уничтожить мою любовь — и твой дом.

Санкт-Петербург, Издательство «Азбука-классика»
2007

Дорогой читатель!

Если это — первая книга, которая попалась вам под руку, когда вы думали, что бы вам такое почитать, то первое, что вам следует знать, это что эта предпоследняя книга — первое, что вам следует поскорее отложить. К несчастью, в этой книге излагается предпоследняя хроника жизни бодлеровских сирот, уступающая по количеству отчаяния, несчастья и всяческих неприятностей лишь последней из них.

Вероятно, предпоследнее, о чем вам хочется читать, — это гарпунное ружье, солярий на крыше, два загадочных инициала, трое таинственных тройняшек, прославленный негодяй и неудобоваримое карри.

Предпоследних материй следует избегать первым делом, поэтому позвольте мне посоветовать вам, во-первых, отложить эту предпоследнюю книгу, а в-последних, найти какое-нибудь другое чтение, которым могут стать, например, предпоследняя книга из другой хроники или хроника, повествующая о других предпоследних вещах, и тогда эта предпоследняя книга не станет последней, которую вы прочтете.

С уважением,

Лемони Сникет

Глава первая

Иногда полагают, будто мир — это тихий омут и будто совершить даже самый крошечный поступок — это все равно что бросить в этот омут камень, пустив по воде круги во все стороны, и поэтому даже незначительное деяние меняет целый мир.

Если это так, то книга, которую вы сейчас читаете, — идеальный предмет для бросания в омут или пруд. По поверхности пруда разойдутся круги, и мир изменится к лучшему, ведь его обитателям теперь придется читать на одну кошмарную историю меньше и еще одна тайна окажется погребена на дне тихого омута, куда почти никому не приходит в голову заглядывать. Печальная повесть о бодлеровских сиротах найдет упокоение в мрачных глубинах омута, а вы будете чуточку счастливей, если так и не прочитаете горестную историю, которую я написал, а просто понаблюдаете за тем, как поднимаются на поверхность зловонные пузыри болотного газа.

Сами же Бодлеры, уносясь в такси, за рулем которого сидела полузнакомая им женщина, вероятно, были бы рады добровольно прыгнуть в тихий омут, знай они, какой поворот событий ждет их в самое ближайшее время, а между тем автомобиль мчался по извилистым улицам города, в котором сироты когда-то жили. Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер глядели из окон машины, удивляясь тому, как мало изменился город с тех пор, как пожар уничтожил их дом, погубил их родителей, а по жизни младших Бодлеров пустил такие круги, что теперь она едва ли когда-нибудь успокоится. Когда такси свернуло за угол, Вайолет увидела рынок, где они с братом и сестрой покупали ингредиенты для обеда, который заказал им Граф Олаф, печально известный негодяй, ставший после пожара их опекуном. И хотя прошло столько времени и все это время Олаф плел бесконечные интриги, чтобы заполучить громадное наследство, которое оставили после себя старшие Бодлеры, рынок выглядел в точности так же, как в тот день, когда сирот впервые привела туда судья Штраус, их добрая соседка и судья Верховного Суда. Над рынком высилось огромное сверкающее здание, в котором Клаус узнал дом номер 667 по Мрачному Проспекту, где Бодлеры прожили несколько дней в огромном пентхаузе под опекой Джерома и Эсме Скволор. Среднему из Бодлеров показалось, что с тех пор, как Вайолет, Клаус и Солнышко обнаружили предательскую романтическую привязанность Эсме к Графу Олафу, здание ни на йоту не изменилось. А Солнышко Бодлер, которая все еще была настолько мала, что возможности

посмотреть в окно были для нее несколько ограничены, услышала грохот крышки люка под колесом такси и вспомнила обнаруженный Бодлерами подземный ход, ведущий из подвала дома номер 667 по Мрачному Проспекту к пепелищу их родного дома. Загадка этого подземного хода не изменилась, подобно рынку и пентхаузу, хотя Бодлеры обнаружили тайное общество под названием Г. П. В., которое, как полагали дети, и построило множество таких ходов. За каждой раскрытой Бодлерами тайной обнаруживалась еще одна, и еще, и еще, и еще несколько, и снова и снова — а между тем Вайолет, Клаус и Солнышко все глубже и глубже погружались в тихий омут, а город мирно дремал на поверхности, не подозревая о тридцати трех несчастьях в жизни сирот. И даже теперь, возвращаясь в город, который некогда был Бодлерам домом, сироты понимали, что разгадали лишь немногие из тайн, тенью омрачивших их жизнь. Например, сейчас они не знали, куда направляются, и не знали о женщине, которая вела автомобиль, ничего, кроме имени.

— Должно быть, Бодлеры, у вас накопилась тысяча вопросов, — сказала Кит Сникет, крутя руль руками в белых перчатках. Вайолет, у которой были незаурядные технические способности — здесь это выражение означает «талант к изобретению всяческих механизмов», — пришла в восхищение от негромко урчащей оснастки автомобиля, когда такси, сделав крутой поворот, проехало через большие железные ворота и помчалось по узкой извилистой улочке, обсаженной кустарником. — Жаль, но как следует поговорить нам некогда, ведь уже вторник. Поэтому вам едва хватит времени на то, чтобы съесть завтрак, переодеться посыльными и начать наблюдения в качестве фланеров.

— Посыльные? — спросила Вайолет.

— Фланеры? — спросил Клаус.

— Завтрак? — спросила Солнышко.

Кит улыбнулась и снова сделала крутой поворот. С пассажирского кресла на пол автомобиля соскользнули две книги: «Морж и Плотник» Льюиса Кэрролла и «Мертвая земля» Т. С. Элиота. Недавно Бодлеры получили шифрованное послание и, расшифровав его при помощи стихов мистера Кэрролла и мистера Элиота, встретились с Кит Сникет на Брайни-Бич, но теперь им казалось, что Кит по-прежнему говорит загадками.

— Один великий человек сказал: добро, потерпевшее временное поражение, сильнее победоносного зла. Вы понимаете, что это значит?

Вайолет и Солнышко посмотрели на брата, который считался в семье специалистом по словесности. Клаус Бодлер прочитал так

много книг, что стал практически ходячей библиотекой, а недавно взял себе в привычку записывать важные и интересные сведения в темно-синюю записную книжку.

— Думаю, да, — сказал средний Бодлер. — По его мнению, добрые люди могущественнее злых, даже если кажется, будто злые побеждают. Он тоже член Г. П. В.?

— Можно сказать и так, — ответила Кит. — Конечно, это утверждение идеально подходит к нынешней ситуации. Как вам известно, наша организация некоторое время назад разделилась, к вящему огорчению обеих сторон.

— Раскол, — сказала Вайолет.

— Да, раскол, — со вздохом согласилась Кит. — Когда-то Г. П. В. была единой группой волонтеров, пытавшихся бороться с пожарами — ив прямом, и в переносном смысле. Но сейчас она превратилась в две группы злейших врагов. Одни из нас продолжают бороться с пожарами, а другие заняты гораздо менее благородными делами.

— Олаф, — сказала Солнышко. Речевые способности младшей Бодлер еще не развились полностью, однако все в такси поняли, что имела в виду Солнышко, назвав имя злокозненного негодяя.

— Граф Олаф — наш враг, — согласилась Кит и, нахмурившись, поглядела в зеркало заднего вида. — Но есть и другие — многие другие, — и они не менее злокозненны, а может быть, и более. Если не ошибаюсь, с двоими из них вы уже познакомились в горах: это мужчина с бородой, но без волос, и женщина с волосами, но без бороды. Врагов у нас множество — с самыми разными прическами, усами и бородами. В давние времена членов Г. П. В. можно было, конечно, опознать по татуировке на щиколотке. Но сейчас злодеев стало так много, что следить за всеми нашими врагами уже не удается, а вот они постоянно следят за нами. По правде говоря, враги преследуют нас даже в эту самую минуту.

Бодлеры обернулись и увидели сзади — довольно далеко — другое такси. Стекла в нем, как и в автомобиле Кит Сникет, были тонированные, и сквозь них ничего не было видно.

— Почему вы думаете, будто в этом такси враги? — спросила Вайолет.

— Таксист обязан сажать к себе всякого, кто его вызовет, — сказала Кит. — В мире бессчетное множество злодеев, следовательно, рано или поздно в любом такси окажется негодяй.

— Или благородный человек, — возразил Клаус. — Наши родители однажды поехали на такси в оперу, потому что у них машина не завелась.

— Я прекрасно помню этот вечер, — со слабой улыбкой ответила Кит. — Шла «La Forza del Destino». На вашей маме была алая шаль, отороченная длинными перьями. В антракте я отправилась за вашими родителями в буфет и тайно передала им коробочку отравленных дротиков, и Эсме Скволор не успела меня перехватить. Это было непросто, но, как любит говорить один мой соратник: «Не падать духом ни перед какими трудностями, сохранять спокойствие, когда все его утратили, выходить незапятнанным из любой интриги, а достигнув цели, забывать даже о честолюбии — это ли не подлинное величие?» Кстати о величии — пожалуйста, держитесь покрепче. Нельзя, чтобы потенциальный враг выследил нас по дороге на наш важный завтрак.

Когда кто-то говорит, будто у него голова кругом идет, это выражение обычно означает, что говорящий окончательно запутался. Разумеется, Бодлеры могли бы с полным правом использовать это выражение, выслушав рассказ человека, в спешке изложившего все беды расколовшегося тайного общества и цитирующего высказывания всевозможных исторических деятелей по поводу человеческого злодейства, продолжая при этом вести такси на большой скорости навстречу загадочным и необъяснимым делам. Однако в редких случаях выражение «У меня голова идет кругом» относится к минутам, когда голова действительно кружится, и когда Кит произнесла последнее слово «завтрак», наступил как раз такой момент. Крепко сжав руль, Кит развернула такси так резко, что автомобиль закружился и слетел с дороги. Головы детей, как и все остальное, закружились вместе с автомобилем, который помчался в густой зеленый кустарник на обочине дороги. Врезавшись в кустарник, автомобиль еще кружился, и несколько секунд Бодлеры не видели ничего, кроме зеленой пелены, когда автомобиль несся сквозь кусты, и не слышали ничего, кроме скрежета веток, царапавших борта машины, и не чувствовали ничего, кроме облегчения, поскольку не забыли пристегнуть ремни, а потом головы у Бодлеров внезапно перестали кружиться, и оказалось, что пассажиры целы и невредимы, хотя и несколько потрясены, а машина наконец остановилась на пологом травянистом склоне по ту сторону кустов. Кит заглушила двигатель и глубоко вздохнула, положив голову на руль.

— Вероятно, в моем состоянии этого делать не стоило, — сказала она.

— Состояние? — спросила Солнышко.

Кит подняла голову и впервые с тех пор, как Бодлеры сели в машину, повернулась к ним лицом. Лицо у нее было доброе, но

на лбу пролегли тревожные морщинки, и казалось, что Кит уже давно не удавалось выспаться. В длинных растрепанных волосах косо торчали два карандаша. На Кит было очень элегантное черное пальто, однако в петлице торчал цветок, знававший лучшие дни, — это выражение здесь означает «Потерял почти все лепестки и заметно увял». Если бы Бодлеров попросили сказать, в каком Кит состоянии, они бы ответили, что она выглядит как женщина, которая перенесла много горестей, и Бодлеры задумались, видны ли их горести по лицу и одежде так же ясно.

— Я обезумела от отчаяния, — сказала Кит — эта фраза в данном случае означает «Я очень огорчена и расстроена». Она открыла дверь такси и снова вздохнула. — Вот в каком я состоянии. Я обезумела от отчаяния, и я беременна.

Она отстегнула ремень и вышла из машины, и Бодлеры увидели, что так оно и есть. Живот Кит выдавался под пальто — не слишком сильно, но отчетливо, — как бывает, когда женщина ожидает ребенка. В этом состоянии женщине следует избегать напряжения — эти слова здесь означают «Избегать излишней физической активности, которая может навредить и самой женщине, и ее будущему отпрыску». Насколько помнили Вайолет и Клаус, когда их мама ожидала Солнышко, она проводила свободное время, нежась на самом большом диване в библиотеке Бодлеров, а папа носил ей лимонад и ржаные гренки или поудобнее поправлял подушки. Иногда он заводил фонограф, чтобы мама послушала любимую музыку, и тогда мама поднималась с дивана и неуклюже танцевала, поддерживая живот и строя смешные рожицы Клаусу и Вайолет, которые глядели с порога, однако в целом третья беременность мамы Бодлер проходила в тишине и покое. Бодлеры не сомневались, что во время беременности мама точно не стала бы направлять автомобиль в кусты, и им было жаль, что состояние Кит Сникет не позволяет ей избегать подобного напряжения.

— Соберите вещи, Бодлеры, — сказала Кит, — и, если не возражаете, я бы попросила вас понести и мой багаж тоже: это всего лишь несколько книг и бумаг на переднем сиденье. Никогда нельзя оставлять вещи в такси, поскольку неизвестно, увидишь ли их снова. Пожалуйста, поскорее. Возможно, наши враги развернут свое такси и найдут нас.

Кит повернулась к Бодлерам спиной и быстро зашагала вниз по пологому склону, а Бодлеры в изумлении переглянулись.

— Когда мы оказались на Брайни-Бич и увидели, что нас ожидает такси, как и было сказано в послании, — проговорила Вайолет, — я рассчитывала получить наконец ответы на все наши вопросы. Но теперь у меня стало еще больше вопросов!

— И у меня тоже, — сказал Клаус. — Чего от нас хочет Кит Сникет?

— Что она имела в виду, когда говорила о посыльных? — спросила Вайолет.

— Что она имела в виду, когда говорила о наблюдениях в качестве фланеров? — спросил Клаус.

— Что такого важного в этом завтраке? — спросила Вайолет.

— Откуда она знает о том, что мы видели в горах тех негодяев? — спросил Клаус.

— Где Куигли Квегмайр? — спросила Вайолет, имея в виду одного молодого человека, который особенно нравился старшей Бодлер и который прислал троим детям шифрованное послание.

— Верим? — тихо спросила Солнышко, и это был самый важный вопрос.

Своим «верим?» Солнышко хотела выразить приблизительно «Похожа ли Кит Сникет на человека, достойного доверия, и следует ли нам идти за ней?» — а когда о ком-то задают такой вопрос, ответить на него нелегко. Решать, стоит или нет кому-то доверять, — это как решать, стоит или нет залезать на дерево, ведь можно насладиться великолепным видом с самой верхней ветки, а можно просто перемазаться в смоле, и именно поэтому люди обычно предпочитают проводить время в одиночестве и в закрытом помещении, где труднее засадить себе занозу. Бодлеры не очень много знали о Кит Сникет, поэтому им было трудно понять, каким окажется их будущее, если они пойдут за ней по пологому склону навстречу загадочным делам, о которых она упоминала.

— За те несколько минут, которые мы провели с Кит Сникет, — заметила Вайолет, — она успела направить несущееся такси прямо в гущу кустарника. В обычных обстоятельствах я бы не стала доверять такому человеку, однако…

— Афиша, — сказал Клаус, когда голос его сестры затих. — Я тоже ее помню. Мама говорила, что купила эту афишу на память. Она говорила, что ей еще не приходилось так увлекательно проводить время в опере и она не хочет об этом забыть.

— На афише был нарисован пистолет, из которого шел дымок, а из него получались слова, — припомнила Вайолет.

Солнышко кивнула.

— «La Forza del Destino», — сказала она.

Трое детей поглядели на пологий склон. Кит Сникет отошла уже довольно далеко и не оборачивалась посмотреть, идут ли бодлеровские сироты за ней. Не говоря более ни слова, дети подобрали вещи Кит — две книги стихов, которые они уже заметили, и пухлую картонную папку для бумаг. Потом они тоже

повернулись и зашагали следом за ней. Из-за кустов послышался слабый шорох, но дети не знали, разворачивается ли это такси, или просто ветер шелестит в кустах.

«La forza del destino» — это итальянская фраза, которая означает «сила судьбы», а «судьба» — это такое слово, вокруг которого ведутся споры. Одни думают, будто судьба — что-то такое, от чего не уйдешь, например, когда умирает человек или скисает молоко: и то и другое случается рано или поздно. Другие полагают, будто судьба — это такое время в жизни человека, например момент, когда он взрослеет или когда внезапно приходится делать себе укрытие из диванных подушек. А третьи считают, будто судьба — это незримая сила, вроде гравитации или боязни бумажных обрезков, которая сопровождает человека всю жизнь — принимается ли он за загадочное дело, совершает ли предательство или решает, будто книга, которую он начал читать, такая страшная, что дочитывать ее не стоит. В опере «La Forza del Destino» всевозможные персонажи спорят, влюбляются, тайно женятся, уходят в монастыри, идут на войну, объявляют кровную месть, стреляются на дуэли и роняют на пол пистолет, который случайно выстреливает и кого-то убивает, и этот несчастный случай жутким образом напоминает события, описанные в девятой главе этой самой книги, причем персонажи все время пытаются выяснить, в каких из этих горестей повинна судьба. Они постоянно ломают себе голову над всеми опасностями, выпавшими им на долю, и когда наконец опускается занавес, даже зрители не до конца понимают, каков же тайный смысл этих тридцати трех несчастий. Шагая за Кит Сникет, бодлеровские сироты не знали, какие их ждут передряги, однако ломали себе голову — как и я ломал себе голову, поспешно покидая тем судьбоносным вечером оперный театр в страхе, как бы меня не заметила некая женщина, — что же движет их историей: сила судьбы или нечто даже более загадочное, более опасное и более злокозненное.

Глава вторая

Если бы вам пришлось поднести эту книгу к зеркалу, вы бы сразу поняли, как трудно читать .дёрепан модаз ынежарто ино адгок ,аволс и ывкуб

И вообще мир в зеркале ,мёвиж ым мороток в ,тот как ,еж йокат месвос ,рим йогурд теувтсещус юьтсонхревоп йотсирберес йещюакревс аз только наоборот. Жизнь и так слишком сложна, чтобы думать о тех мирах, которые глядят на вас из зеркала, из-за чего тем, кто тратит много времени на то, чтобы смотреть в зеркало, становится трудно думать о чем-нибудь, кроме .гим йымас тотэ в хин ан тяртомс еыроток ,ыртсес или атарб огонняретоп нйат ремирпан ,ьтсоньлетацрезос яанбодоп ми теавыркто еыроток ,нйат хет

Конечно, бодлеровским сиротам в последнее время было некогда подолгу глядеть в зеркало, поскольку они были очень заняты, а эта расхожая фраза здесь означает «Из-за происков Графа Олафа оказались в отчаянных и таинственных обстоятельствах». Но даже если бы они с утра до вечера только и смотрели на собственные отражения, они не были бы готовы к необычайному зрелищу, которое открылось им на дальнем конце травянистого склона. Когда Вайолет, Клаус и Солнышко догнали наконец Кит Сникет, чувство у них было такое, словно они сами не заметили, как ступили в зазеркальный мир.

Невероятно, но факт: склон привёл детей на крышу здания, однако это здание не вздымалось к небу, а плашмя лежало на земле. Бодлеры едва не наступили на сверкающую кровлю, большая вывеска на которой гласила: «Отель „Развязка“». За вывеской находился ряд окон, причём на всех ставнях красовалась цифра 9. Ряд был очень длинный и тянулся в обе стороны от Бодлеров так далеко, что конца видно не было. За этим рядом виднелся другой, у которого на ставнях красовалась цифра 8, а за ним — следующий, с цифрой 7, и так далее и так далее, и цифры все удалялись и удалялись от Бодлеров и доходили до 0. В одном из окон с цифрой 0 торчала странная труба, из которой на детей валил густой белый дым, скрывавший лестницу, которая вела к большой крутой арке с табличкой «ВХОД» этажом выше. Дом был выстроен из странных поблескивающих кирпичей, а на фасаде там и сям виднелись крупные странные цветы и островки зелёного мха, и все это лежало на земле прямо перед детьми.

Мгновение спустя ставни на одном из окон отворились, и тут же Бодлеры обнаружили, почему вид у отеля «Развязка» такой

необычайный. Оказывается, смотрели они вовсе не на здание, а на его отражение в огромном пруду. Настоящий отель стоял на дальнем берегу пруда и отражался в нем. Разумеется, обычно отличить здание от его отражения труда не составляет, однако те, кто проектировал отель «Развязка», снабдили его несколькими чертами, которые призваны были ввести прохожих в заблуждение. Во-первых, здание стояло не прямо, а под точно выверенным углом, и поэтому в пруду отражался только отель, а не окружающий пейзаж и небо над ним. К тому же дизайн вывесок — здесь эти слова означают всего лишь «то, как они были нарисованы» — был продуман так, что все надписи читались задом наперёд, то есть правильно прочесть их можно было только на отражении в пруду, а на крыше настоящего отеля виднелись буквы ЬЛЕТО «АКЗЯВЗАР». И наконец, какой-то усердный садовник высадил прямо на фасаде отеля лилии и мох — совсем такие же, как те лилии и ряска, которые обычно плавают в прудах. Дети смотрели то на пруд, то на дом и вынуждены были несколько раз переводить взгляд, прежде чем сумели взять себя в руки, — здесь это выражение означает «Отвести глаза от необычайного зрелища и обратить внимание на Кит Сникет».

— Сюда, Бодлеры! — позвала их беременная женщина, и дети увидели, что Кит уселась на расстеленное на газоне большое покрывало.

На покрывале громоздились горы пищи, которой хватило бы на целую армию, если бы эта армия решила в то утро форсировать пруд. Три вида хлеба выстроились перед мисочками с маслом, вареньем и, судя по виду, растопленным шоколадом. Кроме хлеба, на покрывале имелась огромная корзина со всевозможной выпечкой — от пышек и пончиков до кремовых эклеров, любимых пирожных Клауса. Ещё там стояли две круглые жестянки с особой запеканкой из овощей, яиц и сыра и громадное блюдо копчёной рыбы, а на деревянном подносе высилась пирамида из фруктов. В трёх стеклянных кувшинах было три вида сока, а рядом стояли серебряный чайник и серебряный кофейник и были веером выложены столовые приборы и три салфетки с монограммами — здесь это слово означает, что на них были вышиты инициалы В. Б., К. Б. и С. Б.

— Садитесь-садитесь, — сказала Кит Сникет, откусив от плюшки, покрытой сахарной пудрой. — Как я уже говорила, времени у нас немного, но это не повод не поесть как следует. Берите что хотите.

— А откуда вся эта еда? — спросил Клаус.

— Это приготовил один наш союзник, — ответила Кит. — Такова политика нашей организации: провиант всегда следует

отдельно от волонтёров. Тогда если враги захватят провиант, то не дотянутся до нас, если же враги захватят нас, то не получат провиант. Об этом стоит помнить в ближайшие два дня, когда вы будете участвовать в деятельности, которую наши враги называют «постоянной борьбой за территорию и пропитание». Попробуйте джем, пожалуйста. Он очень вкусный. У Бодлеров все плыло перед глазами, словно головы у них ещё шли кругом после того, как автомобиль проехал сквозь кустарник, и Вайолет полезла в карман за лентой. Старшая из Бодлеров хотела сосредоточиться — так же, как если бы что- то изобретала, — поскольку разговор был слишком уж туманен. Когда Вайолет подвязывала волосы, это помогало ей мобилизовать изобретательский талант, однако не успела она нащупать ленту, как Кит с ласковой улыбкой протянула ей свою. Кит жестом пригласила старшую Бодлер присесть, и вот отчаявшаяся и беременная женщина, нежно глядя на Вайолет, сама подвязала ей волосы.

— Ты так похожа на отца, — вздохнула Кит. — Когда он оказывался в тупике, то точно так же хмурился, хотя, решая задачи, почти никогда не подвязывал волосы лентой. Завтракайте, Бодлеры, а я попробую обрисовать вам нашу затруднительную ситуацию. Надеюсь, к тому времени, как вы доедите вторую булочку, вопросов у вас больше не останется.

Бодлеры сели, расстелили салфетки с монограммами на коленях и начали есть, удивляясь тому, что голод, оказывается, мучил их не менее сильно, чем любопытство. Вайолет взяла ломтик румяного пшеничного хлеба и сделала себе бутерброд с копчёной рыбой, решив попробовать растопленный шоколад потом, если останется место. Клаус взял себе кусочек запеканки и эклер, а Солнышко принялась рыться в фруктах, нашла грейпфрут и стала чистить его своими необыкновенно острыми зубами. Кит улыбнулась детям, промокнула губы салфеткой с монограммой «К. С.» и начала рассказ.

— Здание на том берегу пруда — это отель «Развязка», — сказала она. — Приходилось ли вам бывать там?

— Нет, — ответила Вайолет. — Как-то раз родители брали нас на выходные в отель «Прелюдия».

— Да-да, — кивнул Клаус. — А я и забыл.

— Морковка на завтрак, — сказала Солнышко, с улыбкой вспомнив те выходные.

— Да, отель «Прелюдия» — очень славное место, — сказала Кит, — но отель «Развязка» — это нечто куда большее, чем просто отель. Долгие годы он был для волонтёров местом встречи, где они могли обменяться информацией, обсудить планы борьбы с врагами и вернуть книги, которые мы брали друг у друга

почитать. До раскола подобным целям служило очень много мест. Ведь честные и благородные люди могут собираться практически где угодно — в книжных лавках и в банках, в ресторанах и канцелярских магазинах, в кафе и в прачечных, в опиумных притонах и на геодезических вышках.

— Наверное, прекрасные были времена, — заметила Вайолет.

— Мне тоже так говорили, — сказала Кит. — А когда мне было четыре года, все изменилось. Наше общество пошатнулось, и это было так ужасно, словно пошатнулся весь мир, и тогда все наши прибежища были уничтожены — все, одно за другим. У нас была большая научная лаборатория, но волонтёра, которому она принадлежала, убили. У нас была огромная пещера, однако ею завладела предательская фирма по торговле недвижимостью. И ещё у нас был колоссальный штаб в Мёртвых Горах, но…

— Его сожгли, — тихо сказал Клаус. — Мы побывали там вскоре после пожара.

— Да-да, — кивнула Кит. — Я и забыла. Так вот, это было наше предпоследнее прибежище. И когда был уничтожен штаб в горах, остался лишь отель «Развязка». Теперь на всей земле лишь здесь осталось место честности и благородству. — Она вздохнула и устремила неподвижный взгляд на спокойную плоскую поверхность пруда. — И стоит нам допустить малейшую оплошность — они исчезнут навсегда. Только представьте себе мир, где неукротимо свирепствуют злоба и обман!

— Представляем, — тихо сказала Вайолет, и её брат и сестра согласно кивнули.

Дети понимали, что слово «неукротимо» здесь означало «буйно и неуёмно», и с лёгкостью могли представить себе подобный мир, ведь они сами в нем жили. Со времени первой встречи с Графом Олафом вся жизнь Бодлеров была полна неукротимой злобы и обмана, и детям было очень трудно удержаться и не стать негодяями самим. Более того, обдумывая свои недавние поступки, они не были уверены, что не совершили никакого негодяйства, хотя намерения у них при этом были самые добрые.

— Когда мы были в горах, — сказал Клаус, — то нашли сообщение, которое оставил кто-то из волонтёров. Там говорилось, что Г. П. В. собирается в отеле «Развязка» в четверг.

Кит кивнула и подлила себе ещё кофе.

— Оно было адресовано Ж. С.? — спросила она.

— Да, — ответила Вайолет. — Мы решили, что за этими инициалами скрывается Жак Сникет.

— Брат? — спросила Солнышко.

Кит печально кивнула, не поднимая глаз от плюшки.

— Да, Жак был моим братом. Из-за раскола я не видела братьев много лет, и лишь недавно я узнала, что Жака убили.

— Мы были едва знакомы с Жаком, — сказала Вайолет, припомнив то время, когда опекунами Бодлеров были жители целого города. — Наверное, это известие вас потрясло.

— Опечалило, — ответила Кит, — но не потрясло. Ведь наши враги убили столько хороших людей. — Она протянула руку и по очереди погладила всех Бодлеров. — Не мне вам объяснять, как горько потерять родственника. Мне было так горько, что я решила больше никогда не вставать с постели.

— А дальше? — спросил Клаус.

Кит улыбнулась.

— Мне захотелось есть, — ответила она, — а когда я открыла холодильник, оказалось, что мне там оставили сообщение.

— Как в Главном Противопожарном Вместилище, которое мы обнаружили в горах, — сказала Вайолет. — Тот же принцип.

— Да, — подтвердила Кит. — Вас заметил другой волонтёр. Разумеется, дети, мы понимаем, вы не имеете отношения к смерти моего брата, что бы там ни написала та дура-журналистка в «Дейли пунктилио».

Бодлеры переглянулись. Они уже позабыли о Джеральдине Жюльен, журналистке, из-за которой Бодлеров постигло столько неотвратимых бедствий, — здесь это выражение означает «Сиротам пришлось пережить много опасностей, поскольку Джеральдина напечатала в газете, будто Бодлеры убили Жака Сникета, которого она приняла за Графа Олафа». Бодлерам пришлось несколько раз маскироваться, чтобы не попасть в руки властям.

— А кто нас заметил? — спросил Клаус.

— Куигли Квегмайр, конечно, — ответила Кит. — Он нашёл вас в Мёртвых Горах, а потом, когда вы разлучились, сумел выйти со мной на связь. Мы с ним встретились в заброшенном бутике, некогда торговавшем махровыми халатами, и маскировались под манекены, пока не поняли, как быть дальше. В конце концов нам удалось отправить на подводную лодку капитана Уиддершинса Глубоководную Почтовую Весть.

— Квиквиг, — сказала Солнышко, имея в виду подводное судно, на котором она с братом и сестрой недавно провела несколько кошмарных дней.

— Мы планировали встретить вас на Брайни-Бич, — продолжала Кит, — и отправиться в отель «Развязка» на собрание Г. П. В.

— Но где же Куигли? — спросила Вайолет.

Кит вздохнула и отпила кофе.

— Он очень хотел с вами встретиться, — сказала она, — но он получил сообщение от своих брата и сестры.

— От Дункана и Айседоры! — воскликнул Клаус. — Мы так давно ничего о них не слышали! Они в безопасности?

— Надеюсь, — ответила Кит. — Сообщение обрывалось на полуслове, но, судя по всему, на них напали в воздухе над морем. Куигли вылетел к ним на помощь на вертолёте, который мы угнали из местной зеленной лавки. Если все пойдёт хорошо, то в четверг вы увидитесь со всеми тремя тройняшками Квегмайр. То есть если вы не отмените собрание.

— Как это — отменим? — спросила Вайолет. — Зачем же мы будем это делать?

— Даже последнее прибежище может оказаться небезопасным, — печально заметила Кит. — И если вы это обнаружите, то именно вы, Бодлеры, должны будете подать Г. П. В. сигнал, что собрание в четверг отменяется.

— Почему так? — спросила Солнышко.

Кит улыбнулась младшей Бодлер, открыла папку, которую Бодлеры забрали из такси, и начала просматривать бумаги.

— Все так плохо организовано, — сказала она. — Извините. Мне было некогда вносить все новости в записную книжку. Мой брат частенько говаривал, что все тайны на свете перестали бы быть тайнами, если бы у него было чуточку больше времени на чтение. Я едва успела просмотреть все те карты, стихи и чертежи, которые присылал мне Чарльз, и выбрать обои для детской. Секундочку, Бодлеры. Я все найду.

Дети продолжили завтрак, изо всех сил стараясь проявлять терпение, пока Кит просматривала бумаги в папке, время от времени останавливаясь, чтобы разгладить те из них, которые были очень уж измяты. Наконец она взяла бумажку — совсем крошечную, не больше гусеницы, — свёрнутую в рулончик.

— Вот она, — сказала Кит. — Вчера вечером мне её передал официант. Она была спрятана в печенье.

Она вручила бумажку Клаусу, а он сощурился на неё из-под очков.

— «Человек по имени Ж. С. зарегистрировался, — прочитал он, — и заказал чай с сахаром. Привет от моего брата. Искренне Ваш, Франк».

— Обычно те записки, которые запекают в печенье, — это полнейшая чушь, — сказала Кит, — но недавно в ресторане сменилось руководство. Наверное, Бодлеры, вы понимаете, почему записка привела меня в такое отчаяние. Кто-то выдаёт себя за моего брата и зарегистрировался в отеле незадолго до того, как там должно собраться все наше общество.

— Граф Олаф, — сказала Вайолет.

— Может быть, и Олаф, — согласилась Кит, — но на свете есть множество негодяев, которые готовы выдать себя за кого- то другого. Например, те два негодяя, которых вы видели в горах.

— Или Хьюго, Колетт и Кевин, — сказал Клаус, перечислив тех троих, с которыми они познакомились на карнавале Калигари и которые потом примкнули к труппе Графа Олафа и договорились встретиться с ним в отеле.

— Но этот Ж. С. не обязательно негодяй, — продолжала Кит. — Ведь в отель «Развязка» приезжают многие честные люди, и многие них заказывают сахар к чаю. Разумеется, не для того, чтобы подслащивать чай, ведь чай должен быть горьким, словно полынь, и острым, словно шпага, а чтобы подать условный знак. И наши друзья, и наши враги охотятся за одним предметом — за Глюкозно-Полисахаридным Ведёрком.

— Сахарница! — сказала Солнышко, растерянно переглянувшись с братом и сестрой.

Бодлеры поняли, что Кит имеет в виду ту самую сахарницу, которая играла очень важную роль для Г. П. В. и Графа Олафа, который отчаянно стремился заполучить ее. Эту сахарницу дети искали повсюду, от высочайшей вершины Мёртвых Гор до подводных пучин Грота Горгоны, но не сумели ни найти её, ни понять, что в ней такого важного.

— Точно, — подтвердила Кит. — Уже сейчас, во время нашего разговора, сахарницу везут в отель, и мне страшно подумать, как повернутся события, если её захватят наши враги. *Я* не могу себе представить ничего хуже, хотя если в распоряжении наших врагов каким-то образом окажется медузообразный мицелий…

Растерянность Бодлеров возросла асимптотически — в данном случае это означает «Стремительно увеличилась при мысли о том, что они должны сообщить Кит Сникет неприятную новость».

— К сожалению, у Графа Олафа уже есть образчик медузообразного мицелия, — сказала Вайолет, имея в виду смертоносный грибок, который дети обнаружили, исследуя океан. Бедная Солнышко заразилась его ужасными спорами и, вероятно, не выжила бы, если бы брат с сестрой не нашли способ обезвредить отраву. — Мы герметично закрыли немного спор в водолазном шлеме, но Олаф сумел ими завладеть.

Кит ахнула:

— Тогда нам тем более некогда. Вы должны проникнуть в отель «Развязка» и освидетельствовать Ж. С. Если Ж. С. честный человек, то вы должны обеспечить, чтобы сахарница попала к

нему в руки, но если Ж. С. негодяй, вы должны проследить, чтобы этого не случилось. Как ни грустно, но сказать это легко, а сделать трудно.

— Да и сказать не очень просто, — заметил Клаус.

— В этом-то и дело, — сказала Кит, отправляя в рот виноградинку. — Разумеется, вы будете не одни. Умение появляться заранее — признак честного человека, поэтому в отеле уже есть и другие волонтёры. Вероятно, вы даже узнаете некоторых волонтёров, которые наблюдали за вами во время ваших путешествий. Но при этом, вероятно, вы узнаете и некоторых ваших врагов, если они выдадут себя за честных людей и тоже появятся заранее. И когда вы будете наблюдать за самозванцем, другие самозванцы наверняка будут наблюдать за вами.

— Но как же нам отличить волонтёров от врагов? — спросила Вайолет.

— Как и всегда, — ответила Кит. — Разве не поняли вы, что Граф Олаф — коварный предатель, в тот самый миг, когда его увидели? Разве в ту минуту, когда вы познакомились с тройняшками Квегмайр, у вас возникли малейшие сомнения в том, что они обаятельны и находчивы? Вам придётся наблюдать за всеми, кого вы увидите, и самим делать подобные выводы. Вы станете фланёрами.

— Подробней, — сказала Солнышко, а это в её устах приблизительно означало «Извините, но я не понимаю, что значит это слово».

— В нашем случае, — объяснила Кит, — это люди, которые спокойно изучают обстановку, вмешиваясь в ход событий лишь тогда, когда это совершенно необходимо. Из детей получаются превосходные фланёры, ведь их почти никто не замечает. Вы сможете проникнуть в отель незамеченными.

— Мы не сможем проникнуть в отель незамеченными, — сказал Клаус. — В «Дейли пунктилио» напечатали наши фотографии. Кто-нибудь нас наверняка узнает и доложит о нас властям.

— Мой брат совершенно прав, — сказала Вайолет. — Трое детей не могут просто так бродить по отелю и за всем наблюдать.

Кит улыбнулась и приподняла уголок покрывала. Под ним оказалось три бумажных пакета.

— Человек, который послал мне сообщение о самозванце, член Г. П. В., — сказала она. — Он решил нанять вас в качестве посыльных. В этих пакетах ваша форма.

— Подробней опять, — сказала Солнышко.

Клаус вынул записную книжку и стал записывать инструкции

Кит. Однако он даже прервал своё занятие, поскольку нужно было объяснить сестре, что означает это слово.

— Посыльный, — сказал он, — это человек, который выполняет разные поручения постояльцев отеля.

— Это отличная маскировка, — сказала Кит. — Вам придётся делать все — от доставки посылок до рекомендации ресторанов. Вам будет дозволено появляться в любом уголке отеля, от солярия на крыше до прачечной в подвале, и никто не заподозрит, что вы за кем-то следите. Франк постарается вам помочь, однако будьте осторожны. После раскола брат пошёл на брата. Ни под каким видом не выдавайте, кто вы такие, коварному предателю Эрнесту — брату-близнецу Франка, похожему на него как две капли воды.

— Как две капли воды? — переспросила Вайолет. — Но как же нам тогда отличить их друг от друга?

Кит сделала последний глоток кофе.

— Пожалуйста, постарайтесь быть внимательными, — сказала она. — Вам придётся наблюдать за всеми и каждым и самим делать выводы. Только так можно отличить волонтёра от негодяя. Все ли вам ясно?

Бодлеры переглянулись. Они никогда в жизни не оказывались в столь загадочном положении: Кит говорила все туманнее и туманнее. Клаус просмотрел заметки в своей записной книжке и постарался подытожить, какую задачу поставила перед ними Кит.

— Мы должны переодеться посыльными, — медленно и вдумчиво повторил он, — стать фланёрами и распознать самозванца, который или волонтёр, или враг.

— Помогать нам будет человек по имени Франк, — сказала Вайолет, — а его брат Эрнест постарается нам помешать.

— В отеле есть и другие волонтёры, — сказал Клаус, — но и другие враги тоже.

— Сахарница, — сказала Солнышко.

— Отлично, — похвалила их Кит. — Когда позавтракаете, переоденьтесь в форму вон за тем деревом и дайте Франку знак, что вы уже идёте. У вас найдётся что-нибудь бросить в пруд?

Вайолет порылась в карманах и вытащила камешек, который она подобрала на Брайни-Бич.

— Мне кажется, это подойдёт, — сказала она.

— Превосходно, — сказала Кит. — Франк будет смотреть из окна отеля, если, конечно, его брат Эрнест не перехватил моё сообщение и не будет смотреть вместо него. Так или иначе, бросьте камешек в воду, когда будете готовы к встрече, и он увидит круги и поймёт, что вы идёте.

— А вы с нами не пойдёте? — спросил Клаус.

— К сожалению, нет, — ответила Кит. — Меня ждут другие дела. Куигли пытается улучшить положение в небе, а я постараюсь улучшить положение на море, а вам придётся улучшить положение здесь, на суше.

— Мы одни? — спросила Солнышко. Она имела в виду «Неужели вы и в самом деле полагаете, будто трое детей могут совершить подобный подвиг без посторонней помощи?» — и брат и сестра не замедлили перевести её слова.

— Посмотрите на себя, — сказала Кит и указала на гладь пруда.

Бодлеры поднялись, подошли поближе к краю воды и склонились над ней, и на фоне крыши отеля показались их отражения.

— Когда умерли ваши родители, — сказала Кит, — ты, Вайолет, была всего лишь маленькой девочкой. Но ты повзрослела. Эти глаза принадлежат не маленькой девочке. Это глаза человека, пережившего бесконечные горести. Ты, Клаус? У тебя вид опытного исследователя, а не просто юного книгочея, чьи родители погибли при пожаре. А ты, Солнышко, твёрдо стоишь на своих ногах, а зубов у тебя теперь столько, что они вовсе не кажутся такими уж крупными, как тогда, когда ты была ещё младенцем. Бодлеры, вы уже не дети. Вы волонтёры, готовые достойно встретить все испытания, которые готовит вам этот непостижимый и отчаянный мир. Вы должны отправиться в отель «Развязка», а Куигли — в автономный летучий дом, построенный на принципе нагретого воздуха, а я — на коралловый риф сомнительного качества, где меня должен ожидать непотопляемый плот. Но если Куигли сумеет сделать такую большую сеть, чтобы в неё можно было поймать всех орлов, а я сумею связаться с капитаном Уиддершинсом и договориться о встрече с ним у определённого пучка водорослей, мы будем здесь в четверг. Гектор наверняка сумеет посадить автономный летучий дом, построенный на принципе нагретого воздуха, на крышу отеля, даже если на борту будем мы все.

— Гектор! — воскликнула Вайолет, вспомнив того человека из Города Почитателей Ворон, который был так добр к бодлеровским сиротам, и исполинское изобретение, которое унесло его прочь от Бодлеров. — Он цел и невредим?

— Надеюсь, — тихо ответила Кит и поднялась. Она отвернулась от Бодлеров, и голос у неё задрожал. — Оставьте посуду как есть, Бодлеры. Один мой соратник вызвался убрать все после нашего пикника. Он настоящий джентльмен. Если все будет хорошо, в четверг вы с ним познакомитесь. Если все будет хорошо…

Но закончить фразу Кит не смогла. Вместо слов у неё вырвался всхлип, плечи затряслись, и Бодлеры переглянулись. Разумеется, когда кто-то плачет, задача благородного человека его утешить. Но когда кто-то пытается скрыть слезы, вероятно, благородному человеку следует сделать вид, будто он их не заметил, чтобы не смущать плачущего. На миг дети растерялись, не в силах выбрать между благородным поступком, который заключается в попытке утешить плачущую женщину, и благородным поступком, который заключается в попытке не смущать плачущую женщину, но Кит Сникет плакала все горше и горше, и тогда они решили её утешать. Вайолет взяла её за руку. Клаус обнял её за плечи. Солнышко обхватила Кит за колени, поскольку выше ей было не достать.

— Почему вы плачете? — спросила Вайолет. — Почему вы в таком отчаянии?

— Потому что ничего не будет хорошо, — проговорила наконец Кит. — Вы и сами, наверное, уже поняли это, Бодлеры. Настали черные дни, черные, словно ворон, одиноко парящий в беспросветной ночи. Может быть, поступки наши и благородны, только ничего у нас не выйдет. Вероятно, ещё до четверга я увижу ваш сигнал и пойму, что все наши чаяния растаяли как дым.

— А какой сигнал? — спросил Клаус. — Каким пользоваться шифром?

— Любым, какой вы сами придумаете, — ответила Кит. — Мы будем наблюдать за небом.

С этими словами она высвободилась из рук утешающих детей и поспешила прочь от пруда, не сказав им на прощание ни слова. Вайолет, Клаус и Солнышко глядели, как она становится все меньше и меньше, удаляясь от них по склону — то ли возвращаясь к такси, то ли собираясь присоединиться к какому-нибудь загадочному волонтёру, — и наконец исчезает за гребнем пологого холма. Некоторое время дети молчали, а затем Солнышко нагнулась и взяла пакеты.

— Переодеть? — спросила она.

— Наверное, да, — вздохнула Вайолет. — Жаль, если вся эта еда пропадёт, но я больше не могу съесть ни кусочка.

— Может быть, тот волонтёр, который придёт убирать, отдаст её кому-то другому, — сказал Клаус.

— Может быть, — согласилась Вайолет. — У Г. П. В. по-прежнему столько тайн!

— Может быть, когда мы станем фланёрами, то узнаем больше, — сказал Клаус. — Если мы станем наблюдать за всем, что происходит вокруг, может быть, некоторые из этих тайн раскроются. Надеюсь.

— И я надеюсь, — сказала Вайолет.

— Тоже надеюсь, — сказала Солнышко, и больше Бодлеры ничего не говорили.

Завтрак был окончен, и они спрятались за дерево, как и предложила им Кит, и растянули покрывало для пикника наподобие занавеса, желая переодеться в относительном уединении. Вайолет, застёгивая сверкающий серебряный пояс, на котором по всей длине крупными черными буквами были вытиснены слова «ОТЕЛЬ „РАЗВЯЗКА“», надеялась, что сумеет отличить Франка от его коварного брата Эрнеста. Клаус, надевая жёсткую круглую фуражку с тугой резинкой под подбородком, надеялся, что сумеет распознать, кто из постояльцев волонтёр, а кто негодяй. А Солнышко, натягивая белоснежные перчатки, удивлялась, как это Франку удалось раздобыть ей перчатки такого маленького размера, и надеялась, что ей удастся вывести на чистую воду самозванца, который выдаёт себя за Жака Сникета.

Когда все трое детей надели форму, они вернулись на берег пруда и довершили маскировку последней деталью — тремя парами громадных темных очков, напоминавших наряд Графа Олафа, который он носил, когда притворялся детективом. Очки были такие большие, что закрывали не только глаза бодлеровских сирот, но и почти все лицо: под них целиком помещались даже обычные очки Клауса. Глядя сквозь тёмные очки на собственное отражение в пруду, дети не знали, удастся ли им при помощи маскировки ускользать от властей достаточно долго, чтобы успеть разгадать все тайны, которые их окружали, и не знали, не ошиблась ли Кит Сникет, сказав, будто они уже не дети, а волонтёры, готовые достойно встретить все испытания, которые готовит им этот непостижимый и отчаянный мир. Бодлеры на это надеялись. Но когда Вайолет рукой в перчатке взяла камешек и бросила его в самую середину пруда, дети не знали, не утонут ли их надежды, подобно этому камешку. Они смотрели, как по поверхности пруда расходятся круги, искажая отражение отеля. Дети смотрели, как покрывается рябью сверкающая кровля и как исчезает слово «Развязка», словно чья-то рука смяла бумагу, на которой оно было написано. Они смотрели, как сливаются ряды окон и как расплываются цветы и мох, а камешек погружается все глубже и глубже и круги бегут по отражению все дальше и дальше. Бодлеровские сироты смотрели, как исчезает отражённый мир, и не знали, не суждено ли и их надеждам исчезнуть в странном неверном мире отеля «Развязка» .хакдагаз и хатеркес хыннёатоп оге хесв и

Глава третья

На свете существуют места, где царит мир и покой, однако огромный вестибюль отеля «Развязка» к ним не относился. В тот день, когда Бодлеры поднялись по лестнице, окутанной белым дымом из трубы, и ступили под гигантскую арку, на которой было написано ДОХВ, или, как отражалось в громадном пруду, ВХОД, вестибюль жужжал словно улей. Как и предсказывала Кит Сникет, Бодлеры вошли в отель незамеченными, поскольку все были так заняты, что не замечали абсолютно ничего. Постояльцы, спеша зарегистрироваться и разойтись по номерам приводить себя в порядок, выстроились перед конторкой портье, над которой почему-то красовались цифры 101. Коридорные, спеша развезти чемоданы по номерам и получить свои чаевые, грузили горы багажа на тележки и катили их к лифтам, на дверцах которых почему-то красовались цифры 118. Официанты и горничные разносили еду и напитки людям, которые сидели в вестибюле в креслах и на скамейках и желали подкрепиться. Таксисты провожали постояльцев в вестибюль, где они тоже вставали в очередь, а собаки тащили хозяев прочь из вестибюля на прогулку. Заблудившиеся туристы стояли столбом, в недоумении глядя на карты, а непослушные дети играли в прятки среди деревьев в кадках. За роялем, на котором красовались цифры 152, сидел человек в смокинге, наигрывая бодрые мотивчики на радость всем, кому хотелось его слушать, а целый штат уборщиков и уборщиц отдраивал зелёный деревянный пол, инкрустированный цифрами 131, на радость всем, кому хотелось при каждом шаге любоваться отражением своих туфель. В углу вестибюля сверкал огромный фонтан, вода из которого ниспадала каскадом по цифрам 131, врезанным в гладкую полированную стену, а в противоположном углу виднелась огромная женщина, которая стояла под цифрами 176 и снова и снова выкрикивала мужское имя, причём голос у неё становился все более и более сердитым. Бодлеры постарались стать фланёрами и двинулись через царивший в вестибюле хаос, но им нужно было сразу столько всего заметить, а при этом все кругом так стремительно менялось, что они не знали, удастся ли им даже приняться за своё благородное начинание.

— Как здесь, оказывается, людно и шумно, — сказала Вайолет, растерянно осматривая вестибюль из-под очков.

— И как нам выявить самозванца, когда у нас столько подозреваемых? — вздохнул Клаус.

— Сначала Франк, — напомнила Солнышко.

— Солнышко права, — сказала Вайолет. — Приниматься за поручение Кит нужно с того, чтобы найти нашего нового работодателя. Если он видел в окно, как мы подали знак, то будет нас ждать.

— Если вместо него нас не будет поджидать его коварный брат Эрнест, — сказал Клаус.

— Или оба, — сказала Солнышко.

— А как вы думаете, почему тут везде эти цифры… — начала Вайолет, но не успела она договорить, как к ним подскочил какой-то человек. Он был высокий и тощий, а руки и ноги у него торчали под странными углами, словно он был сделан не из плоти и крови, а из коктейльных соломинок. На нем была форма, похожая на бодлеровскую, но на кармане куртки было затейливо вышито «УПРАВЛЯЮЩИЙ».

— Вы, наверное, новые посыльные, — сказал он. — Добро пожаловать в отель «Развязка». Я здешний управляющий.

— Франк или Эрнест? — спросила Вайолет.

— Он самый, — ответил человек и подмигнул. — Счастлив, что вы здесь, хотя одному из вас недостаёт роста, но нам здесь недостаёт персонала. Я ужасно занят, поэтому систему вам придётся разведывать самим.

— Какую систему? — спросил Клаус.

— Это здание столь же сложное, сколь и огромное, — ответил Франк или, возможно, Эрнест. — И наоборот. Просто страшно подумать, как повернутся события, если вы в ней не разберётесь.

Бодлеры пристально оглядели нового начальника, но выражение лица у него было совершенно непостижимое, а это слово здесь означает «Такое бесстрастное, что Бодлеры не понимали, услышали они дружеское предупреждение или вражескую угрозу».

— Мы постараемся, — тихо сказала Вайолет.

— Хорошо, — сказал управляющий и повёл детей за собой через громадный вестибюль. — Вы будете в полном распоряжении наших постояльцев, — продолжал он, употребив выражение, которое означает, что постояльцы имеют право командовать Бодлерами. — Если кто-нибудь, кто угодно, попросит вас о помощи, вы должны немедленно вызваться волонтёрами и помочь им.

— Извините, сэр, — перебил его какой- то коридорный. В каждой руке у него было по чемодану, а на лице недоумение. — Этот багаж прибыл на такси, но его владелец, по словам водителя, приедет только в четверг. Как мне поступить?

— В четверг? — нахмурился Франк или Эрнест. — Простите, посыльные. Наверное, я не должен объяснять вам, насколько это

важно. Сейчас вернусь.

Управляющий вслед за коридорным нырнул в толпу, оставив Бодлеров у громадной деревянной скамьи, помеченной цифрами 128. Клаус провёл рукой по скамье, испещрённой кругами, так как на неё ставили стаканы без подставок.

— Как вы думаете, с кем мы говорили, — спросил он, — с Франком или Эрнестом?

— Не знаю, — сказала Вайолет. — Он произнёс слово «волонтёры». Может быть, это какой-то условный знак.

— Четвекстренно, — заметила Солнышко, и в её устах это значило «Он понимает, что четверг — это важный день».

— Это правда, — сказал Клаус, — но почему он для него важный — потому что он волонтёр или потому что он негодяй?

Не успели сестры Бодлер догадаться с трёх раз — это выражение здесь означает «попробовать верно ответить на вопрос Клауса», — как рядом с ними появился высокий тощий человек.

— Вы, наверное, новые посыльные, — сказал он, и дети поняли — перед ними другой брат. — Добро пожаловать в отель «Развязка».

— Вы, наверное, Эрнест, — попытала счастья Вайолет.

— Или Франк, — уточнила Солнышко.

— Да, — сказал управляющий, хотя было совершенно непонятно, с кем он соглашается. — Я так благодарен вам за то, что вы здесь. Сейчас в отеле очень людно, а к четвергу мы ждём новых гостей. Ваш пост будет у стойки посыльных номер 175, вот здесь. За мной.

Дети последовали за ним в дальний конец вестибюля, где под цифрами 175, нарисованными краской на громадном окне, стояла большая деревянная стойка. На ней имелась лампа в виде лягушки, а за окном дети увидели ровный серый горизонт моря.

— С одной стороны у нас пруд, — сказал Эрнест, если, конечно, это был не Франк, — ас другой море. Не самое безопасное местоположение, однако некоторые считают наш отель поистине безопасным прибежищем. — Франк, если, конечно, это был не Эрнест, поспешно поглядел по сторонам и, понизив голос, спросил: — А вы как думаете?

И снова выражение лица у управляющего было непостижимое, и дети не знали, кто упомянул о прибежище — волонтёр или негодяй.

— Гм… — сказала Солнышко, что иногда сходит за ответ, хотя на самом деле это совсем не ответ.

— Гм, — сказал на это Франк или Эрнест. — А теперь давайте я вам объясню, как организована работа отеля.

— Извините, сэр, — сказала какая-то коридорная, лица

которой не было видно за кипой газет. — Прибыл последний выпуск «Дейли пунктилио».

— Дайте взглянуть, — сказал то ли Эрнест, то ли Франк, вытаскивая из кипы экземпляр. — Я слышал, Джеральдина Жюльен написала о последних новостях по делу Бодлеров.

Бодлеровские сироты застыли на месте, не решаясь даже переглянуться, не то что посмотреть не то на волонтёра, не то на негодяя, который вслух читал заголовок.

— «Ходят слухи, что В ГОРОД ВЕРНУЛИСЬ БОДЛЕРЫ, — сказал он. — Согласно сведениям, которые наш корреспондент получил, разломив печенье, Вероника, Клайд и Сьюзи Бодлер, печально известные убийцы прославленного актёра Графа Омара, вернулись в город — вероятно, намереваясь совершить новую серию чудовищных убийств или предаться своему последнему хобби — поджогам. Мы советуем горожанам бдительно выслеживать этих кровожадных детей, а заметив их, сообщить властям. Если же дети не будут замечены, мы советуем горожанам ничего не предпринимать». — Управляющий повернулся к Бодлерам все с тем же непостижимым выражением лица. — Что вы на это скажете, посыльные?

— Вопрос, конечно, очень интересный, — сказал на это Клаус (это выражение тоже легко сходит за ответ).

— Я рад, что вас это интересует, — отозвался Эрнест или Франк, и это тоже сошло за ответ на ответ Клауса. Затем он повернулся к коридорной. — Пойдём, я покажу тебе стойку для газет под номером 168, — сказал он и вместе с газетами растворился в толпе, оставив Бодлеров в одиночестве глядеть в окно на море.

— По-моему, это был Эрнест, — сказала Вайолет. — Его замечание о том, что в отеле безопасно, прозвучало очень зловеще.

— Но статья в «Дейли пунктилио» его, кажется, совершенно не взволновала, — сказал Клаус. — Если Эрнест — враг Г. П. В., он бы нас выслеживал. Получается, этот человек — Франк.

— Может быть, он нас просто не узнал, — сказала Вайолет. — В конце концов, лишь немногие узнают Графа Олафа, когда он маскируется, а его маскировка ничем не лучше нашей. Может быть, мы больше похожи на посыльных, чем на Бодлеров.

— А может быть, мы совсем не похожи на Бодлеров, — сказал Клаус. — Как говорила Кит, мы больше не дети.

— Фмефно, — вздохнула Солнышко, и это в её устах означало «А по-моему, лично я ещё ребёнок».

— Ты права, — улыбнулся Клаус, глядя на сестру сверху вниз, — но чем старше мы становимся, тем труднее нас узнать.

— И тем легче нам делать наше дело, — добавила Вайолет.

— Как вы сказали? — спросил знакомый голос: то ли Франк, то ли Эрнест вернулся.

— Моя коллега имела в виду, — нашёлся Клаус, — что нам тем легче будет начать работу посыльных, чем скорее вы объясните нам, как организована работа отеля.

— Так я и обещал вам все объяснить, — сказал то ли Франк с досадой, то ли Эрнест с раздражением. — Как только вы поймёте, как устроен отель «Развязка», то сможете делать ваше дело с той же лёгкостью, с какой нашли бы в библиотеке нужную книгу. А если вы умеете искать книги в библиотеке, то уже знаете, как устроен наш отель.

— Подробней, — попросила Солнышко.

— Отель «Развязка» организован согласно Десятичной Системе Дьюи, — объяснил либо Франк, либо Эрнест. — Точно так же устроены многие библиотеки. Например, если вам нужна книга о немецкой поэзии, то начать нужно с того отдела библиотеки, который помечен номером 800 и в котором хранятся книги по литературе и риторике.

Подобным же образом мы отвели восьмой этаж отеля риторическим постояльцам. В 800-м отделе библиотеки книги о немецкой поэзии помечены цифрами 831, и если вы поднимете на восьмой этаж и найдёте 831-й номер, то обнаружите там компанию немецких поэтов. Понятно?

— Кажется, да, — сказал Клаус. Бодлеры достаточно много времени провели в библиотеках и прекрасно знали Десятичную Систему Дьюи, однако даже обширные познания Клауса не гарантировали, что он помнит всю систему наизусть. И вообще, если хочешь пользоваться библиотекой, знать Десятичную Систему Дьюи совсем не обязательно, поскольку в большинстве библиотек есть каталоги, в которых все книги перечислены на карточках или на экранах компьютеров, и их легко найти. — А где у вас каталог всех служб отеля «Развязка»?

— Каталог? — переспросил Франк или Эрнест. — Каталог вам не понадобится. Отдел библиотеки под номером 100 посвящён философии и психологии, как и первый этаж отеля от конторки портье, помеченной номером 101, как теория философии, и поста посыльных, который помечен номером 175 — как этика досуга и отдохновения, до вон тех диванчиков, помеченных номером 135 — как мистические откровения и сны, — на случай, если нашим постояльцам захочется вздремнуть или спрятать что-нибудь под диванными подушками. Второй этаж — это отдел 200, религия, и там у нас церковь, синагога, мечеть, собор, храм, вертеп, святилище, молельный дом, крикетная

площадка и апартаменты номер 296, которые сейчас занимает один эксцентричный раввин. Третий этаж отведён общественным наукам, и именно там мы разместили бальные и конференционные залы, а четвёртый — языкознанию, поэтому там живут иностранцы. Пятисотые номера посвящены математике и естественным наукам, а шестой этаж — технике и технологии, от сауны в номере 613, устроенной для заботы о здоровье, и до комнаты 697, где у нас центр управления отоплением, вентиляцией и кондиционерами. Итак, если седьмой этаж отведён искусствам, то как вы думаете, что расположено в номере 792, предназначенном для сценических представлений?

Вайолет уже хотела подвязать волосы лентой, поскольку так ей легче думалось, но боялась, как бы её не узнали.

— Театр? — предположила она.

— Вам, несомненно, уже приходилось бывать в библиотеках, — сказал управляющий, но дети не поняли, комплимент это был или подозрение. — К сожалению, не обо всех наших постояльцах можно сказать то же самое, и когда им нужно прибегнуть к нашим службам, они вызывают посыльного, а не ходят по отелю сами. Уже к завтрашнему дню вам, скорее всего, придётся побывать во всех помещениях отеля — от астрономической обсерватории в комнате 999 до комнаты служащих в подвале за номером 000.

— Там мы будем спать? — спросил Клаус.

— Рабочий день у вас двадцатичетырёхчасовой, — сказал Эрнест или, возможно, Франк. — Но по ночам в отеле очень тихо, поскольку все постояльцы спят или читают до утра. Можете вздремнуть под стойкой, а если кто-нибудь вызовет посыльного звонком, вам это будет как будильник.

Тут Франк или, возможно, Эрнест умолк и, быстро оглядевшись, нагнулся к Бодлерам поближе. Трое детей испуганно поглядели на Эрнеста или, вероятно, Франка сквозь тёмные очки.

— Должность посыльного, — сказал управляющий своим непостижимым тоном, — это прекрасная возможность спокойно изучить обстановку. К персоналу отеля обычно относятся как к невидимкам, поэтому вам предстоит услышать и увидеть много интересного. Однако не забывайте — наблюдать будут и за вами тоже. Я понятно выразился?

На этот раз выдать что-то за ответ пришлось Вайолет.

— Гм, — сказала она. — Вопрос, конечно, очень интересный.

То ли Франк, то ли Эрнест прищурился на старшую Бодлер и, кажется, хотел что- то добавить, но тут Бодлеры услышали громкий, пронзительный звон.

— Ага! — воскликнул управляющий. — Началась ваша работа!

Вслед за Франком или Эрнестом Бодлеры обошли стойку, и Эрнест или Франк показал им ряды крошечных, не больше напёрстка, звоночков, расположенные там, где у письменных столов бывают ручки от ящиков. На каждом звоночке был номер — от 000 до 999 и ещё один звоночек без номера. Этот звоночек как раз и звонил, а вместе с ним ещё и звоночек номер 372 и звоночек номер 674.

— Звонят! — воскликнул не то Эрнест, не то Франк. — Звонят! Нет нужды говорить вам, что звонок — это сигнал к действию. Нельзя заставлять наших постояльцев ждать ни секунды. Кто именно звонит, ясно по номеру на звоночке. Если на звоночке стоит номер, например 469, значит, в помощи нуждается один из наших гостей из Португалии, и вы должны сразу это понять. Вы меня слушаете? Звонок номер 674 относится к нашим союзникам из области лесной промышленности, так как этот номер согласно Десятичной Системе Дьюи означает деревообрабатывающую промышленность и товары из дерева. Нельзя же превращать важных гостей во врагов! Номер 372 относится к гостям из сферы образования. Прошу вас и с ними быть неизменно учтивыми, хотя они далеко не такие важные. Едва заслышав звонок, немедленно спешите на помощь всем нашим гостям!

— Но к чему относится звоночек без номера? — спросил Клаус. — В Десятичной Системе Дьюи есть числа только до 999!

Управляющий нахмурился, словно средний Бодлер неверно ответил на его вопрос.

— Это солярий на крыше, — сказал он. — Любители позагорать, как правило, библиотеками не интересуются, поэтому им все равно, где находится солярий. Ну же, живей, живей!

— А куда сначала? — спросила Вайолет. — Ведь наша помощь потребовалась гостям сразу в трёх местах!

— Вам, разумеется, придётся разделиться, — ответил Франк либо Эрнест с прежним непостижимым выражением лица. — Каждый посыльный должен выбрать себе гостя и поспешить в нужном направлении. Пользуйтесь лифтами — они помечены номером 118, соответствующим энергии и силе.

— Извините, сэр, — сказал ещё один коридорный, похлопав то ли Франка, то ли Эрнеста по плечу. — Звонит один банкир, который желает немедленно переговорить с кем-нибудь из управляющих.

— Надо работать, — сказал управляющий. — К вам, посыльные, это тоже относится. Чао-какао!

«Чао-какао» — это выражение, к которому прибегают люди, которым недостаёт воспитания для более вежливой формулировки, например, «Если вам больше ничего не нужно, мне необходимо вас оставить», или «К сожалению, мне придётся просить у вас позволения уйти, если не возражаете», или даже «Извините великодушно, но вы перепутали мой дом с вашим и моё ценное имущество со своим, и я вынужден просить вас вернуть мне упомянутые предметы и, если вас не затруднит, покинуть мой дом, предварительно отвязав меня от стула, так как самостоятельно я этого сделать не могу». Детям было неприятно, что с ними простились так грубо, и им неприятно было узнать, что деятельность посыльных связана с таким сложным методом организации работы в огромном и непонятном отеле. Им было неприятно, что не удалось разобраться, который управляющий Франк, а который — Эрнест, и им было неприятно узнать, что «Дейли пунктилио» подняла среди горожан тревогу по поводу их прибытия и что в любой момент их могут разоблачить и арестовать за преступления, которых они не совершали. Но самым неприятным для Бодлеров был намёк на то, что им придётся разделиться и выполнять в этом неимоверном отеле разные поручения. Они надеялись выполнять обязанности посыльных и фланёров вместе и с каждым шагом к лифту становились все несчастнее и несчастнее при мысли о предстоящей разлуке.

— Я отправлюсь в солярий на крыше, — сказала Вайолет, стараясь казаться храброй. — Тебе, Клаус, стоит заняться номером 674, а тебе, Солнышко, — номером 372. Когда все сделаем, встретимся у стойки посыльных.

— Так мы сможем больше наблюдать, — с надеждой сказал Клаус. — Если мы будем на разных этажах, то скорее найдём и опознаем самозванца.

— Страшно, — сказала Солнышко, и в её устах это означало «Не хотелось бы мне обнаружить самозванца, когда я буду одна».

— Не бойся, Солнышко, — сказал Клаус. — Этот отель похож всего-навсего на большую библиотеку.

— Да-да, — сказала Вайолет. — А что плохого может случиться в библиотеке?

Младшие Бодлеры ничего ей не ответили, и трое посыльных несколько секунд постояли молча, глядя на табличку, привинченную возле раздвижных дверей лифта. Когда одна пара дверей наконец открылась и дети вошли внутрь и нажали кнопки, соответствующие местоположению постояльцев, которые их вызывали, и небольшая кабина начала подниматься, Бодлеры вспомнили шахту лифта в доме номер 667 по Мрачному

Проспекту, по которой пришлось несколько раз взбираться и спускаться. Теперь Бодлеры знали, что плохого может случиться в шахте лифта: это если тебя сбросит в неё подруга негодяя. Бодлеры знали, что плохого может случиться на лесопилке: это если тебя зловещей силой гипноза заставят устроить кошмарный несчастный случай. И Бодлеры знали, что плохого может случиться в школе-интернате: это если встретишь хороших друзей, а их тут же и увезут в длинном чёрном автомобиле. Сироты знали, что плохого может случиться в доме герпетолога, и что плохого может случиться в маленьком городишке, и в клинике, и на покосившейся башне, и на карнавале, и на горной вершине, и в подводной лодке, и в пещере, и в бурном потоке, и в багажнике автомобиля, и в львиной яме, и в подземном ходе, и во многих-многих других зловещих местах, о которых они предпочитали не думать, и при этом во время всех передряг, которые им довелось пережить, и во многих других обстоятельствах детям постоянно попадались разного рода библиотеки, где Бодлерам удавалось почерпнуть важнейшие сведения, позволявшие им спасти себе жизнь, — здесь это выражение означает «Не погибнуть и получить возможность пережить очередную кошмарную главу своей биографии». Но теперь новый дом Бодлеров действительно был библиотекой — конечно, странной, но тем не менее библиотекой, — и пока они бесшумно неслись в лифте навстречу своим разным поручениям, им не хотелось думать, что плохого может случиться в библиотеке, особенно после того, как прочитали первые два слова на маленькой табличке, привинченной у дверей лифта. «ПРИ ПОЖАРЕ» — так начиналась надпись на табличке, и когда бодлеровские сироты разошлись в разные стороны, им совсем не хотелось об этом думать.

Не глава

Как вы, наверное, заметили, история бодлеровских сирот изложена по большей части последовательно — это слово здесь означает «До сих пор события в жизни Вайолет, Клауса и Солнышка Бодлер были описаны в том порядке, в котором они происходили». Однако на протяжении ближайших трёх глав история будет развиваться параллельно, а это означает, что эти главы не обязательно читать в том порядке, в котором они напечатаны. В четвертой главе вас ждёт рассказ о путешествии Вайолет Бодлер в солярий на крыше и о неприятном разговоре, который она подслушала. В пятой главе вы можете прочесть о том, как Клаус приобрёл опыт общения с некоторыми деятелями деревообрабатывающей промышленности и о зловещем плане, разработанном прямо у него под носом. А в шестой главе сообщается о результатах моего исследования ужасающих обстоятельств визита, который Солнышко Бодлер нанесла в 372-й номер и в загадочный ресторан, расположенный на девятом этаже. Но поскольку все это происходило одновременно, вам не нужно читать главы в последовательности «четвертая — пятая — шестая», а можно знакомиться с ними в том порядке, в каком вы сами пожелаете. Или, что было бы более благоразумно, можно пропустить все три главы вместе с семью последующими и подыскать себе другой способ провести время — последовательный или параллельный.

Глава четвёртая

Когда лифт доехал до крыши и двери открылись, у Вайолет Бодлер было сразу две причины радоваться, что в обмундирование посыльных входят солнечные очки. Во-первых, солярий на крыше был залит ослепительно ярким светом. Утренний туман, такой густой несколько часов назад, когда дети прибыли на Брайни-Бич, рассеялся, и солнце залило город, отражаясь от всего блестящего — и от сверкающих морских волн, бившихся о берег с противоположной стороны отеля, и от поверхности пруда, уже успокоившейся с тех пор, как Вайолет бросила туда камешек. Вдоль края крыши выстроились большие прямоугольные зеркала, наклонённые, как и сам отель, которые улавливали слепящие лучи полуденного солнца и направляли их на кожу загоравших гостей. Десять загорающих, чьи обнажённые тела были намазаны толстым слоем липкого крема, неподвижно лежали на блестящих ковриках вокруг подогретого бассейна, такого тёплого, что с поверхности поднимались клубы пара. В углу стоял служитель, глаза у которого были прикрыты зелёными очками от солнца, а тело — длинным мешковатым халатом. В руках у него были две огромные лопатки, вроде тех, которыми переворачивают оладьи, и он то и дело протягивал руку с лопаткой и переворачивал кого-нибудь из загорающих, дабы животы и спины у них были одного оттенка коричневого цвета. Лопатки тоже отражали свет, как и зеркала, коврики и вода, и Вайолет была рада, что на глазах у неё защитные очки.

Но Вайолет радовалась очкам и по другой причине, и эта причина имела отношение к постоялице, которая нетерпеливо ждала у самых дверей лифта. На этой женщине тоже были очки, но гораздо более оригинальной формы. Вместо стёкол у них были два больших конуса, которые начинались от глаз и становились все шире и шире, а заканчивались в нескольких футах перед лицом постоялицы, где они уже были величиной с тарелки. Конечно, такие очки маскировали того, кто их носил, однако Вайолет понимала — на свете есть только один человек, который так помешан на моде, что стал бы носить такие дурацкие очки, и поэтому она была рада, что её собственное лицо невозможно разглядеть.

— Ну вот наконец и вы, — сказала Эсме Скволор. — Я уж думала, не дождусь.

— Прошу прощения? — нервно спросила Вайолет.

— Посыльная, вы что, оглохли? — капризно спросила Эсме.

Презрительно искривлённые губы были накрашены

серебряной помадой, словно злодейская подруга пила расплавленный металл, и она обвиняюще наставила на Вайолет палец с длинным серебряным ногтём. На каждом из четырёх ногтей было по букве, и каждая рука гласила «ЭСМЕ», а на больших пальцах красовалось знакомое изображение глаза. Ногти были покрашены под цвет сандалий Эсме, длинные сборчатые завязки которых обвивали ноги злодейской подруги, словно сороконожки. К сожалению, остальное одеяние Эсме, как я вынужден сказать, состояло из трёх больших листов салата, приклеенных к телу липкой лентой. Если вам доводилось видеть купальный костюм, именуемый бикини, тогда вы догадаетесь, куда именно были приклеены листья салата, а если не догадаетесь, советую спросить у того из ваших знакомых, кто не так щепетилен, как я, и готов обсуждать фигуры всевозможных злодеек.

— Гламурным личностям вроде меня некогда любезничать с глухими! — рявкнула Эсме. — Я вызвала посыльного звонком уже больше двух минут назад и все это время ждала!

— Так и вижу заголовок, — прокаркал другой голос. — «НЕИМОВЕРНО ГЛАМУРНАЯ красавица ЖАЛУЕТСЯ НА ПЛОХОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В ОТЕЛЕ!» Подождите, вот прочтут это читатели «Дейли пунктилио»!

От радости, что её не узнали, Вайолет даже не заметила, кто стоит рядом с коварной подругой Графа Олафа. Безответственную журналистку, которая напечатала столько клеветы о Бодлерах, звали Джеральдина Жюльен, и Вайолет вовсе не была рада обнаружить, что журналистка попала в число лизоблюдов Эсме — это слово здесь означает «Люди, которые обожают льстить тем, кто обожает, когда им льстят».

— Извините, мэм, — сказала Вайолет самым профессиональным тоном, на какой только была способна. — Сегодня у посыльных особенно много поручений. Чем могу вам помочь?

— Да не мне, — сказала Эсме, — а вон той прелестной девчушке в бассейне!

— И никакая я не прелестная девчушка! — со стороны бассейна донёсся ещё один знакомый голос, и Вайолет, повернув голову, увидела Кармелиту Спатс, избалованную и препротивную девчонку, с которой Бодлеры познакомились в интернате и которая затем стала пособницей Графа Олафа и Эсме Скволор в их коварных кознях. — Я футбольно-ковбойски-супергероически-солдатская пиратка! — завопила Кармелита, выныривая из облаков пара.

Наряд на ней был такой же смехотворный, как на Эсме, хотя,

к счастью, не такой откровенный. Кармелита щеголяла в расстёгнутом ярко-синем кителе, покрытом медалями, которые обычно дают за подвиги на военной службе, а под ним виднелась белая майка с названием какой-то спортивной команды, написанным выгнутыми синими буквами. К спинке кителя был металлическими скрепками приколот длинный синий плащ, а на ногах оказались ярко-синие сапожки со шпорами — это такие колёсики с шипами, с помощью которых животных заставляют двигаться быстрее, чем им бы этого хотелось. Один глаз закрывала синяя повязка, а на голову Кармелита надела синюю треуголку, на которой были нарисованы череп и скрещенные кости — символ, который используют пираты, когда промышляют в открытом море. Конечно, Кармелита Спатс находилась вовсе не в открытом море, но умудрилась затащить в солярий на крыше отеля большую деревянную лодку, чтобы промышлять в открытом бассейне. Нос лодки украшала затейливая резная фигура — в данном случае это слово означает «Деревянная статуя осьминога, напавшего на человека в водолазном костюме», а на высокой мачте раздувался парус с изображением такого же глаза, как и на щиколотке Графа Олафа. Некоторое время старшая Бодлер не могла отвести глаз от этой ужасной фигуры, а затем перенесла внимание на Кармелиту. Когда Вайолет последний раз видела несимпатичного капитана этой лодки, та была с ног до головы в розовом и заявляла, будто она балерина-чечёточница-сказочная принцесса-ветеринар, но старшая Бодлер даже и не знала, можно ли сказать, что футбольно-ковбойски-супергероически-солдатская пиратка чем-то лучше или хуже.

— Конечно, лапочка, — промурлыкала Эсме и повернулась к Джеральдине Жюльен с улыбкой, с какой одна молодая мать могла смотреть на другую на детской площадке. — В последние дни Кармелита стала таким сорванцом, — сказала она, употребив несколько обидное словечко, которым называют девочек, чьё поведение некоторые люди находят не совсем обычным.

— Не сомневаюсь, это пройдёт, когда ваша дочурка немного подрастёт, — ответила Джеральдина, говоря, как обычно, в микрофон.

— Кармелита Спатс мне вовсе не дочь, — надменно возразила Эсме. — Собственные дети у меня появятся не раньше, чем я начну скромно одеваться.

— А мне казалось, вы усыновили троих сирот, — сказала Джеральдина.

— Когда сироты были в моде, — поспешно уточнила Эсме. — А сейчас сироты не в моде.

— А что же в моде? — с придыханием спросила Джеральдина.

— Разумеется, вечеринки с коктейлями в отелях! — прорычала Эсме. — Зачем же ещё я бы позволила брать у меня интервью такой нелепой женщине, как вы?

— Как чудесно! — воскликнула Джеральдина, которая, судя по всему, не поняла, как её только что оскорбили. — Так и вижу заголовок: «ЭСМЕ СКВОЛОР, САМАЯ ГЛАМУРНАЯ ОСОБА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!» Подождите, вот прочтут это читатели «Дейли пунктилио»! Когда они узнают о вашей карьере актрисы, финансового советника, подруги и хозяйки коктейльных вечеринок, то у некоторых даже может от восторга случиться сердечный приступ!

— Надеюсь, — сказала Эсме.

— Я уверена, мои читатели захотят узнать все о вашем стильном наряде, — сказала Джеральдина, поднося микрофон под подбородок Эсме. — Не расскажете ли вы нам об этих оригинальных очках?

— Это солнокль, — сказала Эсме, проведя рукой по своим странным очкам. — Комбинация солнечных очков и бинокля. Это очень модно, к тому же в них я могу смотреть в небо, и меня не будет слепить солнце — или луна, если что-то вдруг произойдёт ночью.

— А зачем вам смотреть в небо? — с любопытством спросила Джеральдина.

Эсме нахмурилась, и Вайолет сразу догадалась: стильная красавица о чем-то проболталась — это выражение здесь означает «Сказала то, чего ей говорить не хотелось».

— Поскольку сейчас очень модно наблюдать за птицами, — ответила она неубедительно, а это слово здесь означает «Так, что было очевидно: она лжёт».

— Подождите, вот прочтут это читатели «Дейли пунктилио»! — ахнула Джеральдина. — Наверное, все приглашённые на вечеринку с коктейлями придут в солноклях!

— В чем будут гости, это не важно, — с притворной улыбкой сказала Эсме. — Все равно они не смогут разглядеть, какие мы им готовим сюрпризы.

— А какие сюрпризы? — тут же спросила Джеральдина.

— Если я вам расскажу, это будут уже не сюрпризы, — сказала Эсме.

— Ну хотя бы намекните! — взмолилась Джеральдина.

— Нет, — сказала Эсме.

— Ну хоть самый малюсенький намёк! — взмолилась Джеральдина.

— Нет, — сказала Эсме.

— Ну пожа-а-алуйста! — заскулила Джеральдина. — Ну пожа-

пожа-пожа-а-а-алуйста!

Серебряные губы Эсме задумчиво искривились.

— Если я вам намекну, — сказала она, — вы обязательно расскажете ещё кому-нибудь. Вы же журналистка, а значит, вам известны всевозможные интересные сведения. И прежде чем я раскрою вам некоторые тайны, касающееся подготовки коктейльной вечеринки в четверг, я хочу, чтобы вы рассказали мне об одном постояльце этого отеля. Он все шнырял в подвале, пытаясь испортить нам праздник. Его инициалы Ж. С.

— Шнырял в подвале? — переспросила Джеральдина. — Но ведь Ж. С. — это…

— Эсме! — завизжала Кармелита из бассейна, перебив журналистку на самом интересном месте. — Эта посыльная стоит столбом, а должна быть в полном моем распоряжении! Она просто кексолизка!

Эсме повернулась к Вайолет, которая уже давно не обращала на «кексолизку» ни малейшего внимания.

— Чего вы ждёте? — зашипела она. — Идите и раздобудьте все, что захочется этой прелестной девчушке!

Эсме развернулась и зашагала прочь, и тут, к радости Вайолет, в наряде злодейской подруги обнаружились ещё два листа салата, которых спереди видно не было. Старшей Бодлер было жаль прекращать деятельность фланёра и приступать к обязанностям посыльной, но она, осторожно ступая и вглядываясь в облака пара, подошла к краю бассейна.

— Чем могу помочь, мисс? — спросила она, надеясь, что Кармелита не узнает её по голосу.

— Хочу гарпунное ружье! — заявила Кармелита. — Нельзя быть футбольно-ковбойски-супергероически-солдатской пираткой без гарпунного ружья, вот и графуля так говорит!

— Кто такой графуля? — спросила Джеральдина.

— Приятель Эсме, — ответила Кармелита. — Он считает, что я самая милая и расчудесная девчушка в целом мире! А если я буду хорошо стрелять из гарпунного ружья, он обещал научить меня плеваться, как настоящая футбольно-ковбойски-супергероически-солдатская пиратка!

— Так и вижу заголовок: «Футбольно-ковбойски-супергероически-солдатская пиратка учится плеваться!» Подождите, вот прочтут это читатели «Дейли пунктилио»! — завопила Джеральдина.

— Я принесу вам гарпунное ружье, мисс, — пообещала Вайолет, уворачиваясь от лопатки служителя, который как раз поддел ею загорающую женщину.

— А ну перестань называть меня мисс, кексолизка! — сказала

Кармелита. — Я футбольно-ковбойски-супергероически-солдатская пиратка!

Приносить всякие предметы людям, которые так ленивы, что не желают ходить за ними сами, всегда неприятно, особенно когда эти люди вас оскорбляют, однако Вайолет, возвращаясь к лифту и нажимая кнопку, думала вовсе не о нахальном поведении Кармелиты. Она была слишком поглощена другими мыслями — это выражение здесь означает «Размышляла о том, с какой целью Кармелита Спатс и Эсме Скволор оказались в отеле „Развязка“». Эти премерзкие особы прекрасно знали и о Г. П. В., и о собрании в четверг, но старшая Бодлер ни на миг не поверила, будто они действительно затевают всего-навсего вечеринку с коктейлями. Когда двери лифта открылись и Вайолет шагнула внутрь, она думала о том, зачем Эсме глядеть в небо сквозь свой солнокль. Она думала о том, зачем Кармелите потребовалось гарпунное ружье. Она думала о том, что именно знает Эсме о самозванце Ж. С., который, очевидно, шнырял в подвале отеля. Но больше всего она думала о том, где прячется Граф Олаф, или, как предпочитала называть его Кармелита, «графуля», и какие козни он строит.

Вайолет задумалась о своих наблюдениях фланёра и вспомнила о своих обязанностях посыльной, только когда дверцы лифта закрылись, — и сразу задалась вопросом о том, где же взять гарпунное ружье. В обычный инвентарь отелей гарпунные ружья не входят, и Вайолет видела упомянутое устройство лишь один раз в жизни — в руках не кого-нибудь, а Эсме Скволор, когда она в Городе Почитателей Ворон переоделась капитаном полиции. Даже если предположить, что такое оружие может найтись в здании отеля «Развязка», Вайолет совершенно не представляла себе, как разыскать его по Десятичной Системе Дьюи без каталога. Она пожалела, что рядом нет Клауса, поскольку сама из Десятичной Системы помнила лишь номер 621, обозначавший её любимый раздел — «Прикладная физика».

С унылым вздохом старшая Бодлер нажала кнопку вестибюля.

— Вы просите меня о помощи? — воскликнул Франк или Эрнест, когда Вайолет наконец его разыскала. В вестибюле отеля «Развязка» было ещё более многолюдно, чем тогда, когда сюда прибыли Бодлеры, и Вайолет разглядела в толпе знакомую фигуру то ли волонтёра, то ли его негодяя брата лишь через несколько минут. — Это мне нужна помощь! — заявил он. — Прибыло невообразимое количество постояльцев — и все раньше, чем мы ожидали! Мне некогда работать помощником посыльных!

— Я понимаю, сэр, вы очень заняты, — сказала Вайолет. Насколько она знала, зачастую можно получить желаемое,

обратившись к человеку «сэр», если, конечно, этот человек не женщина. — Одной нашей постоялице понадобилось гарпунное ружье, а я не знаю, где его взять. Жаль, что у отеля «Развязка» нет каталога.

— А зачем вам каталог, если вы та, кто я думаю? — сказал управляющий. — А ведь вы та, кто я думаю?

Вайолет зажмурилась под прикрытием темных очков. В этом мире находятся люди, которые полагают, будто молчание — золото, но на поверку они просто предпочитают шуму и грохоту мира безмятежное спокойствие тишины. Само по себе такое предпочтение понятно и естественно, однако в некоторых обстоятельствах безмятежное спокойствие тишины попросту невозможно. Например, если вы любуетесь закатом, тишина позволит вам остаться наедине со своими думами, глядя на темнеющий пейзаж, однако, может статься, нужно будет произвести громкий шум и отпугнуть медведей гризли, которые, вероятно, решат к вам подобраться. Если вы несётесь в такси, то, возможно, предпочтёте посидеть в тишине и спокойно изучить карту, но обстоятельства могут сложиться так, что вы волей-неволей закричите: «Разворачиваемся! По-моему, они проехали через вон те кусты!» А если вы потеряли близкого человека, как это случилось с Бодлерами в роковой день пожара, вам, вероятно, отчаянно захочется побыть в тишине как можно дольше, дабы вместе с братом и сестрой как следует обдумать сложившуюся горестную и непростую ситуацию, но окажется, что вас швыряет из огня да в полымя — а это выражение здесь означает «Одна опасность в вашей жизни сменяет другую безо всякого промедления, и вам начинает казаться, будто больше никогда уже не удастся насладиться безмятежным спокойствием тишины». И когда Вайолет оказалась в вестибюле, ей хотелось исключительно помолчать немного и получить возможность как следует понаблюдать за человеком, который стоит рядом с ней, и понять, кто он — волонтёр, которому можно сказать «Да, я Вайолет Бодлер», или негодяй, которому нужно ответить «Простите, сэр, я не знаю, о ком вы говорите». Но в хаосе отеля «Развязка» нечего и мечтать о безмятежном спокойствии тишины, и Вайолет прекрасно это знала и поэтому не стала молчать, а, как могла, ответила на вопрос управляющего.

— Конечно, я та, кто вы думаете, — сказала она, чувствуя себя так, словно говорит при помощи шифра, хотя сама не знает, какого именно. — Я посыльная.

— Понятно, — с непостижимым выражением лица сказал не то Франк, не то Эрнест. — А кто требует гарпунное ружье?

— Одна девочка на крыше, — сказала Вайолет.

— Одна девочка на крыше, — повторил управляющий с хитрой усмешкой. — А вы уверены, что в распоряжение этой девочки на крыше действительно следует предоставить гарпунное ружье?

Вайолет не знала, как на это ответить, но тут, к счастью, и настал такой момент, когда молчание — золото, поскольку в ответ на молчание Франк или Эрнест одарил старшую Бодлер ещё одной улыбкой, а потом развернулся на каблуках — здесь это выражение означает «Отвернулся при помощи довольно-таки вычурного пируэта» — и поманил Вайолет за собой в дальний угол вестибюля, где она увидела дверцу, помеченную цифрами 121.

— Этот номер присвоен эпистемологии, — объяснил управляющий, употребив слово, которое здесь означает «Теория познания», и поспешно оглянулся, словно опасался, что за ним следят. — Думаю, это хорошее прибежище.

Франк или Эрнест вынул из кармана ключ и отпер дверь, которая с тихим скрипом отворилась, а за ней оказалась крошечная пустая кладовка. В кладовке хранилась всего одна вещь — это был большой зловещего вида предмет с ярко-красным курком и четырьмя длинными острыми крюками. Старшая Бодлер узнала это устройство — она уже видела его в Городе Почитателей Ворон. Это было гарпунное ружье, смертоносное оружие, которое нельзя давать в руки никому, а особенно Кармелите Спатс. Вайолет и самой не хотелось к нему притрагиваться, но поскольку управляющий стоял у двери и глядел на неё, она поняла, что ей ничего не остаётся, и бережно вынесла зловещий предмет из кладовки.

— Будьте осторожны, — сказал управляющий непостижимым тоном. — Подобное оружие должно быть в руках только у тех, у кого надо. Благодарю за помощь, посыльная. Немногим достанет храбрости помогать в организации подобной интриги.

Вайолет молча кивнула и молча перехватила тяжёлое ружье поудобнее. Молча вернулась она к лифту, чувствуя, как голова у неё идёт кругом от загадочных наблюдений фланёра и загадочных дел посыльной, и молча встала у раздвижных дверей, размышляя о том, с кем из управляющих она на самом деле разговаривала и что именно она ему сообщила своим зашифрованным ответом. Но не успела она дождаться лифта, как её молчаливые размышления прервал ужасный звон.

Часы в вестибюле отеля «Развязка» давно стали легендарными — в данном случае это слово означает «Прославились необыкновенно громким боем». Расположены часы в самом центре потолка, под куполом, и когда часы бьют, звон

разносится по всему зданию — он гулок, глубок и звучит как будто некие слова, которые повторяются каждый час. В эту секунду пробило три, и все в отеле слышали рокот колоссальных колоколов, трижды повторивших: «Не так! Не так! Не так!»

Когда Вайолет Бодлер вошла в лифт, сжимая в обтянутых перчатками руках зловещую тяжесть гарпунного ружья, чувство у неё было такое, словно часы укоряют её за неудачные попытки раскрыть тайны отеля «Развязка». «Не так!» Она изо всех сил старалась быть хорошим фланёром, но не смогла раскрыть замысел Эсме Скволор и Кармелиты Спатс. «Не так!» Она попыталась наладить связь с одним из управляющих отеля, но не сумела разобраться, кто он — Франк или Эрнест. А главное «Не так!» — она несёт смертоносное оружие в солярий на крыше, где оно послужит неведомой зловещей цели. С каждым ударом часов Вайолет преисполнялась уверенности, что все кругом идёт «не так», но вот наконец она добралась до места назначения и вышла из лифта. Отчаянно надеясь, что брату и сестре удастся лучше справиться со своими задачами, Вайолет зашагала по крыше, стараясь не попасть под удар лопатки, которыми служитель переворачивал гостей на зеркальных ковриках, и вручила гарпунное ружье Кармелите, дожидавшейся его с нетерпением и без тени благодарности, — и все это время думала лишь об одном: все идёт не так, не так, не так.

Глава пятая

Когда лифт доехал до шестого этажа, Клаус попрощался с Вайолет и шагнул в длинный пустой коридор. В коридор выходили пронумерованные двери — чётные с одной стороны, нечётные с другой, а в простенках стояли большие расписные вазы, слишком большие для цветов и слишком маленькие для шпионов. На полу лежал гладкий серый ковёр, приглушавший неуверенные шаги среднего Бодлера. Хотя Клаусу до этого дня не доводилось бывать в отеле «Развязка», коридор навевал ему знакомые чувства. Эти же чувства охватывали его всякий раз, когда ему приходилось входить в библиотеку, дабы найти решение какой-то важной задачи, — входить, подозревая, что где-то в недрах собрания книг таится точный ответ на любой вопрос, занимавший в это время его мысли. Именно эти чувства возникли у Клауса, когда он с сёстрами жил неподалёку от Паршивой Тропы и раскрыл убийство дяди Монти, раздобыв важнейшие сведения в герпетологической библиотеке. Эти чувства возникли у него и тогда, когда он с сёстрами оказался глубоко в океане и ему удалось нейтрализовать действие яда, которым была отравлена Солнышко, раздобыв важнейшие сведения в микологической библиотеке, которая принадлежала Фионе, разбившей Клаусу сердце. И когда Клаус Бодлер оказался в коридоре и увидел все эти пронумерованные двери, у него снова возникли знакомые чувства. Он был уверен: где-то в отеле таится ответ на все бодлеровские вопросы и разгадка всех бодлеровских тайн, которая положит конец всем бодлеровским несчастьям. Он так и слышал, как этот ответ зовёт его, словно ребёнок, плачущий на дне сырого колодца, или будильник, звенящий под грудой отсыревших простыней.

Однако без каталога Клаус не мог себе и представить, где искать подобное решение, и поэтому направился исполнять обязанности посыльного в номер 674, надеясь, что наблюдения фланёра приблизят его к раскрытию полного перечня мрачных тайн, которые причинили Бодлерам столько горя. Однако когда он остановился у двери с номером, оказалось, что он лишь добавляет к этому горестному перечню ещё один пункт. Из щели под дверью валил дым, зловещим потоком расстилаясь по коридору.

— Эй! — воскликнул Клаус и постучал в дверь.

— Сами вы эй, — отозвался голос — смутно знакомый и крайне беззаботный. — Вы случайно не посылка?

— Я посыльный, — ответил Клаус, решив не объяснять, что

посылка — это не человек, а почтовое отправление. — Вам нужна моя помощь?

— Конечно, нужна! — воскликнул голос. — Я вас за этим и вызвал! Входите скорее!

Конечно, Клаусу не хотелось входить в комнату, заполненную дымом, но на работе — даже если на неё нанялись с целью выведать все тайны отеля — часто приходится делать то, чего делать не хочется, поэтому средний Бодлер открыл дверь, выпустив в коридор колоссальное количество дыма, и сделал несколько неуверенных шагов в комнату. Сквозь пелену дыма он разглядел коренастого человека, облачённого в костюм из блестящего зелёного материала, — человек стоял в дальнем конце комнаты лицом к окну. За спиной он держал сигару, которая, очевидно, и была повинна в клубах дыма, выплывавших мимо Клауса в коридор. Но Клаус уже не обращал внимания на дым. Он о нем забыл. Он глядел на человека у окна — на человека, которого надеялся больше никогда не увидеть.

Вероятно, вам доводилось слышать набившее оскомину выражение «мир тесен», которым люди часто объясняют всякого рода совпадения. Если вы, например, входите в итальянский ресторанчик и встречаете там знакомого официанта, то он, не исключено, воскликнет: «Мир тесен!» — словно вы с ним неизбежно должны были оказаться в одно и то же время в одном и том же ресторане. Но если вам случалось хоть раз отправляться даже на самую пустячную прогулку, вы прекрасно знаете, как все обстоит на самом деле. Мир не тесен. Он очень просторен, и по нему разбросаны итальянские ресторанчики, а в них работают официанты, которые должны передать вам важное сообщение, и официанты, которые должны его до вас не допустить, и эти официанты охвачены враждой, истоки которой лежат в событиях многолетней давности, когда вам по молодости лет ещё нельзя было есть даже спагетти. Мир не тесен, он очень просторен, и Клаус надеялся, что простора в нем хватит для того, чтобы постоялец отеля

«Развязка», занятый в деревообрабатывающей промышленности и остановившийся в 674-м номере, не оказался тем ужасным человеком, на которого Клаусу с сёстрами пришлось работать на лесопилке «Счастливые Запахи». За все кошмарное время пребывания в Полтривилле Бодлеры никогда не видели лица этого человека, так как оно всегда было закрыто завесой дыма от его сигары, и они не знали, как его зовут на самом деле, поскольку никто не мог правильно произнести его имя и он заставлял всех называть себя просто Сэр, но о его алчном и жестоком поведении они узнали достаточно, и Клаус был совсем

не рад узнать, что этот просторный мир готов преподнести ему вторую порцию эгоизма Сэра.

— Ну и чего вы там стоите? — закричал Сэр. — Спрашивайте, чем можете помочь!

— Чем могу помочь, Сэр? — спросил Клаус.

Сэр рывком повернулся, и облако дыма вокруг его лица тоже повернулось рывком.

— А откуда это вы знаете, как меня зовут? — подозрительно спросил он.

— Посыльный не знает, как вас зовут, — терпеливо сказал другой голос, и Клаус сквозь пелену дыма разглядел второго человека, которого не заметил раньше: этот человек сидел на кровати, и на нем был халат с вышитой на спине надписью «ОТЕЛЬ „РАЗВЯЗКА“». Этого человека Бодлеры тоже знали ещё со времён своей работы на лесопилке «Счастливые Запахи», хотя сейчас Клаус и сам не понимал, рад он его видеть или нет. Чарльз всегда был добр к детям, и хотя его доброта не уберегла их от опасностей, обнаружить в комнате доброго человека, которого ты раньше не заметил, — большое облегчение. С другой стороны, Клаусу было жаль, что Чарльз до сих пор сотрудничает с Сэром, которому нравилось командовать Чарльзом не меньше, чем Бодлерами. — Наверняка посыльный обращается «сэр» ко всем мужчинам-постояльцам.

— Конечно ко всем! — рявкнул Сэр. — Я не идиот! А теперь, посылка, мы требуем немедленно проводить нас в сауну!

— Да, Сэр, — сказал Клаус, с облегчением припомнив, как то ли Франк, то ли Эрнест обмолвился о том, что сауна находится в комнате номер 613. Сауна — это каморка, сделанная из дерева и натопленная очень- очень жарко, и можно сидеть там и потеть, а это считается очень полезным для здоровья. Найти такую комнату в отеле «Развязка» без каталога Клаусу было бы трудно. — Сауна должна быть на этом же этаже, дальше по коридору, на противоположной стороне, — сказал Клаус. — Если вы последуете за мной, джентльмены, то я вас туда провожу.

— Как неловко получилось — мы заставили вас идти так далеко только для того, чтобы вы проводили нас чуть дальше по коридору, — сказал Чарльз.

— Ничего-ничего, это моя работа, — ответил Клаус.

Как вам, не сомневаюсь, известно, если человек говорит «Ничего-ничего, это моя работа», это приблизительно означает «Подобные занятия смертельно мне надоели», однако средний Бодлер надеялся разузнать, почему бывший опекун Бодлеров и его компаньон приехали из Полтривилля в отель «Развязка».

— Идём! Сию же секунду! — рявкнул Сэр и размашистым

шагом направился в коридор.

— Может быть, вам лучше переодеться в банный халат? — спросил Чарльз. — Если вы будете полностью одеты, то не сумеете насладиться целебной силой пара.

— Наплевать мне на целебную силу пара! — рявкнул Сэр. — Я не идиот! Просто я обожаю запах нагретой древесины!

Чарльз вздохнул и вслед за Клаусом вышел из 674-го номера в коридор.

— Я надеялся, что мой компаньон хоть немного здесь развеется, но, к сожалению, он настоящий трудоголик.

Слово «трудоголик» означает человека, который обожает свою работу и не желает от неё отвлекаться даже в будни, — например, водопроводчика, который разгуливает по Канализационному музею, или негодяя, который и в выходные кем-то переодевается. Но Клаусу не верилось, что эти двое приехали в отель «Развязка» отдохнуть: ведь до сбора Г. П. В. осталось всего два дня. Когда они подходили к сауне, он решил разузнать у Чарльза ещё что-нибудь и спросил:

— Вы здесь по делам?

— Не смейте ничего говорить этой посылке! — закричал Сэр, упорно путая слово, которое означает «гостиничного служащего», со словом, которое означает «почтовое отправление». — Он должен быть в нашем полном распоряжении, а не совать нос в наши дела, будто шпион!

— Извините, Сэр, — как можно спокойнее сказал Клаус. — Вот и сауна.

И действительно, Клаус, Сэр и Чарльз подошли к 613-му номеру. Из-под двери номера так и валил пар, словно зеркальное отражение сигарного дыма, который валил из-под двери 674-го номера.

— Подождите снаружи, посылка, — сказал Сэр. — Когда мы будем готовы, то позовём вас, и вы проводите нас обратно в номер.

— Нас не нужно провожать, — робко сказал Чарльз, открывая дверь. Внутри Клаусу не было видно ничего, кроме клубящегося пара. — Тут же прямо по коридору. Наверняка у посыльного много дел, ему некогда стоять и ждать, когда мы выйдем из сауны.

— А кто подержит мою сигару? — взревел Сэр. — Нельзя же входить в комнату, полную пара, с головой, полной дыма! Я не идиот!

— Конечно, нет, — вздохнул Чарльз и шагнул в сауну.

Сэр вручил сигару Клаусу и тоже двинулся в сауну, не дав даже развеяться облаку дыма вокруг головы. Дверь начала

закрываться, но Клаус сообразил сунуть в щель ногу. Потом он тихо-тихо открыл дверь и скользнул внутрь, задержавшись, чтобы лишь пристроить сигару Сэра на краю расписной вазы. Как он и подозревал, внутри сауны стоял такой густой пар, что ни Сэра, ни его компаньона видно не было, а значит, жители Полтривилля, беседуя в натопленной сауне, в свою очередь, не видели Клауса. Для фланёра это была превосходная возможность подслушать частный разговор.

— Напрасно вы вели себя так невежливо, — донёсся сквозь завесу пара голос Чарльза. — Обвинять этого посыльного в шпионаже не было никаких оснований.

— Просто старался быть поосторожнее! — сердито фыркнул Сэр — это слово здесь означает «Произнёс это тоном, не оставлявшим никаких сомнений в том, что на самом деле он вовсе и не собирался вести себя вежливо». Клаус услышал хруст его блестящего костюма и представил себе, как владелец лесопилки пожимает плечами. — Вы ведь и сами постоянно твердите, будто отель кишмя кишит врагами!

— Так было написано в письме, которое я получил, — сказал Чарльз. — Как говорит Ж. С., если хочешь найти Бодлеров, нужно проявить немалую бдительность.

Клаус был рад, что облака пара скрыли изумлённое выражение его лица. Средний Бодлер не понимал, зачем таинственному самозванцу Ж. С. помогать Чарльзу в поисках его самого и сестёр, и если бы в сауне не было так жарко, Клауса прошиб бы холодный пот, — а это выражение здесь означает «Он бы очень разнервничался из-за разговора, свидетелем которого стал».

— Не желаю искать никаких Бодлеров! — заявил Сэр. — На лесопилке от этих сирот были сплошные неприятности!

— Неприятности были не из-за них, а из-за Графа Олафа, — возразил Чарльз. — Разве вы не помните?

— Ещё бы я не помнил! — взревел Сэр. — Я не идиот! Граф Олаф переоделся довольно симпатичной юной дамой и вместе с этой жуткой гипнотизёршей устраивал на моей лесопилке несчастные случаи! Если бы Бодлеров в банке не ожидало наследство, Олаф нипочём не пошёл бы на все эти аферы! Это все сироты!

— Возможно, вы и правы, — сказал Чарльз, — но мне все равно хотелось бы их разыскать. Если верить «Дейли пунктилио», Бодлеры сейчас в беде.

— Если верить «Дейли пунктилио», Бодлеры — убийцы! — сказал Сэр. — Откуда вы знаете, может, этот знайка-очкарик уже пролез в отель и вот-вот нас зарежет!

— Дети не станут нас убивать, — сказал Чарльз, — хотя я не стал бы их винить, учитывая все, что им пришлось перенести на лесопилке «Счастливые Запахи». Честно говоря, если мне удастся их найти, то первым делом я принесу им свои искренние извинения. Может быть, попросить у посыльного бинокль? По словам Ж. С., они могут прибыть на подводной лодке, поэтому можно будет посмотреть, не видно ли в море перископа.

— А мне бы хотелось жить в номере с видом на пруд! — сказал Сэр. — Вот было бы славно — докуришь сигару и бросишь окурок в тихий омут, а там только гляди, какие круги побегут!

— Может быть, пруду это вредно? — спросил Чарльз.

— Да пропади он пропадом, этот пруд! — сварливо отозвался Сэр. — К чему мне заботиться о природе? У меня есть другие занятия! Деревья в Конечном Лесу на исходе, а это плохо для лесопилки. Последний крупный заказ у нас был для строительства фабрики по переработке хрена — сто лет назад! Надеюсь, на вечеринке с коктейлями в четверг удастся продвинуть бизнес. Ведь если бы не моя древесина, этого отеля попросту не было бы!

— Помню, — сказал Чарльз. — Древесину нужно было доставить в полночь. Но, Сэр, вы же говорили, что больше не имели с этой организацией никакого дела.

— И не имел, — подтвердил Сэр. — До сих пор и не имел. Не вы один получаете письма от этого Ж. С. Я приглашён на приём, который он устраивает в четверг вечером, и он просит захватить с собой все своё ценное имущество. А значит, там наверняка будет уйма богачей — богачей, которым может понадобиться древесина.

— Если дела на лесопилке пойдут лучше, — сказал Чарльз, — мы, наверное, сможем платить рабочим деньгами, а не просто жевательной резинкой и купонами.

— Не будьте идиотом! — сказал Сэр. — Жевательная резинка и купоны — это честная сделка! Если бы поменьше читали, а побольше думали о лесопилке, вы больше заботились бы о деньгах и меньше — о людях!

— Но ведь о людях обязательно надо заботиться, — тихо сказал Чарльз. — Вот, например, я забочусь о вас, Сэр. И о Бодлерах. Если Ж. С. пишет правду, значит, их родители…

— Извините! — Дверь сауны отворилась, и Клаус увидел, как в облака пара шагнула чья-то высокая туманная фигура.

— Это что, моя посылка? — рявкнул Сэр. — Я же сказал ждать снаружи!

— Нет, я управляющий отелем, — сказал не то Франк, не то Эрнест. — Если вас интересуют почтовые услуги, обратитесь в

номер 786. К сожалению, вынужден прервать ваш отдых, но мне придётся попросить постояльцев освободить сауну. Возникла непредвиденная ситуация, для разрешения которой нам необходимо это помещение. Если вас интересует пар, то он имеется в наличии в номере…

— Наплевать мне на пар! — закричал Сэр. — Просто я обожаю запах нагретой древесины! А где ещё нюхать нагретую древесину, если не в сауне?

— Номер 547 отведён органической химии, — отвечал управляющий. — Там хранятся всевозможные пахучие вещества.

Клаус быстро открыл дверь сауны и сделал вид, будто только что вошёл.

— Буду рад проводить наших гостей в номер 547, — сказал он, надеясь стать свидетелем окончания беседы, которую вели Сэр и Чарльз.

— Нет-нет, — возразил управляющий. — Посыльный, вы нужны здесь. По странному совпадению в коридоре сейчас стоит один человек, химик, который будет рад проводить этих джентльменов в комнату 547.

— Вот и отлично! — сказал Сэр и направился из сауны в коридор, где стояла фигура в длинном белом халате и в маске, какую носят врачи и химики.

Сэр протянул руку и взял из расписной вазы сигару, и не успело рассеяться облако пара, скрывавшее его лицо, как на смену ему пришло облако дыма, и вот, не сказав больше ни слова, Сэр с компаньоном удалились вслед за химиком, оставив Клауса наедине то ли с волонтёром, то ли с негодяем.

— Будьте осторожны, — сказал Франк или Эрнест, вручая Клаусу большой твёрдый предмет. Это было что-то широкое и плоское, свёрнутое в рулон, словно спальный мешок. — В развёрнутом виде поверхность у него очень клейкая, к ней все что угодно прилипнет. Знаете, как это называется?

— Липучка для мух, — ответил Клаус, вспомнив прочитанную когда-то книгу о похождениях истребителя насекомых. — Разве в отеле много мух?

— Нас волнуют не насекомые, а птицы, — сказал управляющий. — Это липучка для птиц. Я попрошу вас прикрепить один её конец к подоконнику в этой комнате, а остальное вывесить в окно над прудом. Знаете зачем?

— Ловить птиц, — сказал Клаус.

— Да, вы, конечно, очень начитаны, — сказал либо Эрнест, либо Франк, хотя понять, рад он или огорчён, было невозможно. — Значит, вам известно, что птицы способны причинить массу неприятностей. Например, недавно я слышал о

том, как ста я орлов похитила целую толпу детей. Что вы об этом думаете?

У Клауса перехватило дыхание. Разумеется, он прекрасно знал, что он думает об огромной стае орлов, которая похитила отряд Снежных Скаутов, когда Бодлеры жили на Коварной Горе. Он думал, что это ужасно, но выражение лица то ли у негодяя, то ли у волонтёра было абсолютно непостижимое, и средний Бодлер не знал, думает ли управляющий так же.

— По-моему, это ошеломляюще, — сказал наконец Клаус, тщательно подобрав слово, которое может значить и «чудесно», и «ужасно».

— Ошеломляющий ответ, — заметил то ли Франк, то ли Эрнест, а затем Клаус услышал, как управляющий задумчиво вздыхает. — Скажите, вы тот, кто я думаю? — спросил он.

Клаус зажмурился под прикрытием своих очков и очков, которые были надеты поверх. Решить, как выбрать безопасный ответ на вопрос, это все равно что решить, как выбрать безопасные продукты для бутерброда, поскольку если принять неверное решение, то изо рта могут вылететь ужасные вещи. Застыв на пороге сауны, Клаус страстно желал решить, какой ответ будет безопасным: «Да, я Клаус Бодлер», если он говорит с Франком, или: «Извините, но я не понимаю, о чем вы», если он говорит с Эрнестом. Но поскольку решить, какой из этих ответов безопасный, было невозможно, Клаус открыл рот и произнёс единственный ответ, который пришёл ему в голову.

— Конечно, я тот, кто вы думаете, — сказал он, чувствуя себя так, словно говорит при помощи шифра, хотя и не знает, какого именно. — Я посыльный.

— Понятно, — с непостижимым выражением лица сказал не то Франк, не то Эрнест. — Благодарю за помощь, посыльный. Немногим достанет храбрости помогать в организации подобной интриги.

Не сказав больше ни слова, управляющий удалился, оставив Клауса в сауне одного. Клаус осторожно прошёл сквозь завесу дыма и нащупал окно, которое ему удалось открыть, откинув ставень с цифрой д. Произошло то, что происходит всегда, когда в очень жаркий комнате открывают окно, а снаружи холодно: пар вырвался наружу и превратился в капли воды. Клаус увидел деревянные стены и скамьи в сауне, и ему подумалось, как было бы прекрасно, если бы у него в голове прояснилось так же, как в комнате номер 613. Молча он прикрепил один конец липучки для птиц к подоконнику, чувствуя, как голова у него идёт кругом от загадочных наблюдений фланёра, с одной стороны, и загадочных обязанностей посыльного — с другой, и молча вывесил липучку

за окно, где она изогнулась, словно детская горка. Молча поглядел Клаус на это странное приспособление, не понимая, зачем управляющий дал ему такое непонятное задание. Но не успел Клаус уйти из сауны, как его молчаливые размышления прервал ужасный звон.

Часы в вестибюле отеля «Развязка» давно стали легендарными, а это слово в данном случае означает «Прославились необыкновенно громким боем». Расположены часы в самом центре потолка, под куполом, и когда часы' бьют, звон разносится по всему зданию — он гулок, глубок и звучит как будто некие слова, которые повторяются каждый час. В эту секунду пробило три, и все в отеле слышали рокот колоссальных колоколов, трижды повторивших: «Не так! Не так! Не так!»

Когда Клаус Бодлер отошёл от окна и направился к лифту, чувство у него было такое, словно часы укоряют его за неудачные попытки раскрыть тайны отеля «Развязка». «Не так!» Он изо всех сил старался быть хорошим фланёром, но не смог выяснить, *что* же делают в отеле Сэр и Чарльз. «Не так!» Он попытался наладить связь с одним из управляющих отелем, но не сумел разобраться, кто он — Франк или Эрнест. А главное «Не так!» — он выполнил обязанности посыльного, и теперь из окна отеля «Развязка» свисает липучка для птиц, которая послужит неведомой зловещей цели. С каждым ударом часов Клаус преисполнялся уверенности, что все кругом идёт «не так», и задумчиво хмурился, входя в кабинку лифта. Отчаянно надеясь, что сёстрам удастся лучше справиться со своими задачами, Клаус нажал кнопку вестибюля, все это время думая лишь о том, что все идёт не так, не так, не так.

Глава шестая

Когда лифт доехал до третьего этажа, Солнышко попрощалась с Вайолет и Клаусом и шагнула в длинный пустой коридор. Вдоль коридора вытянулись ряды дверей — чётные номера с одной стороны, нечётные с другой — и больших расписных ваз размером с Солнышко, но далеко не таких обаятельных. Младшая Бодлер нервно и неуверенно ступила на гладкий серый ковёр. Притвориться посыльным, чтобы стать фланёром, надеясь разгадать тайну событий, непостижимом отеле, было сложной задачей даже для старших брата и сестры Солнышка, но для того, кто лишь недавно вышел из младенческого возраста, эта задача была сложной втройне. За несколько последних месяцев Солнышко Бодлер усовершенствовала навыки пешей ходьбы, научилась пользоваться общепринятым словарным запасом и даже освоила кулинарное искусство, но все равно сомневалась, удастся ли ей сойти за гостиничную служащую. Приближаясь к двери, за которой скрывались постояльцы, вызвавшие посыльного, Солнышко решила избрать тактику немногословной вежливости — здесь это выражение означает «Вступать в общение лишь при крайней необходимости, чтобы не привлекать внимания к своему юному возрасту и относительной неопытности в избранной профессии».

Подойдя к двери номера 372, Солнышко поначалу решила, будто произошла какая-то ошибка. Когда они в вестибюле разговаривали с Франком или Эрнестом, он сказал им, что в 372-м номере живут гости из сферы образования, но младшая Бодлер совершенно не представляла себе, как могут быть связаны с образованием дикие звуки, доносившиеся из-за двери, — неужели какой-то учитель даёт там урок, посвящённый тому, как пытать маленьких зверюшек? Кто-то — или что- то? — в 372-м номере издавал жуткие вопли, странные стоны, пронзительный свист, душераздирающий писк, загадочное бормотание и — время от времени — несколько музыкальных тактов, и все эти звуки были такие громкие, что прошло некоторое время, прежде чем обитатели номера услышали, как колотят в дверь крошечные кулачки Солнышка, обтянутые перчатками.

— Кто смеет прерывать гения, когда он репетирует? — отозвался голос, громкий, рокочущий и до странности знакомый.

— Посыльная! — крикнула в ответ Солнышко.

— *Посыльная!* — передразнил Солнышко голос, на сей раз взяв высокую, пронзительную ноту, которую младшая Бодлер

прекрасно узнала, и тут, к её ужасу, дверь отворилась, и на пороге появился человек, которого она надеялась больше никогда в жизни не встретить.

Если вы где-то работали, а потом перестали, то вам, конечно, известно, что есть три способа прекратить работу: уволиться по собственному желанию, быть уволенным или уйти по обоюдному согласию сторон. Как вы, не сомневаюсь, прекрасно знаете, по собственному желанию увольняются в том случае, если вы недовольны своим начальником. Если вас уволили, значит, начальник недоволен вами. А если вы ушли по обоюдному согласию сторон, значит, и вы хотели уволиться, и ваш работодатель хотел вас уволить, и вы сбежали из конторы, с завода или из монастыря прежде, чем было решено, кто сделает первый ход. Так или иначе, как бы вы ни прекратили работу, всегда неприятно случайно наткнуться на бывшего начальника, поскольку обоим это напоминает о том унылом времени, которое вы проработали вместе. Как-то раз мне пришлось броситься в пролёт лестницы, лишь бы ни на миг не оказаться лицом к лицу с одной модисткой, из мастерской которой я уволился, когда обнаружил страшную правду касательно её береток, — и что же? Фельдшер, который накладывал мне гипс, оказался тем человеком, в оркестре у которого я играл на аккордеоне и который уволил меня после двух с половиной представлений некой оперы. Трудно сказать, чем кончилась кратковременная занятость Солнышка — здесь это выражение означает «Страшное время в её жизни» — в должности секретарши в Пруфрокской подготовительной школе, — уволилась ли она сама, или её уволили, или она ушла с работы по обоюдному согласию сторон, ведь Бодлеры покинули школу после того, как замысел Графа Олафа едва не увенчался успехом, но так или иначе столкнуться лицом к лицу с завучем Ниро после всего этого было неприятно.

— Что вам нужно? — сердито спросил Ниро, размахивая скрипкой, которая и производила весь этот жуткий шум.

Солнышко была вовсе не рада увидеть четыре косички Ниро — когда она познакомилась с завучем, косички были совсем коротенькие, но теперь отросли длинные и тонкие — и отметить, что пристрастие к галстукам, украшенным изображениями улиток, никуда не делось.

— Вы звонили, — как можно немногословнее ответила Солнышко.

— Вы звонили! — тут же передразнил её Ниро. — Подумаешь! Если вас вызвали звонком, это ещё не повод прерывать мою репетицию! В четверг у меня важный скрипичный концерт, и я намерен все оставшееся время посвятить

репетициям!

— Да ладно вам, — сказал другой знакомый голос, и Ниро резко повернулся, взмахнув сальными косицами. Солнышко в ужасе обнаружила, что вместе с Ниро в комнате обитают ещё два персонажа из бодлеровского прошлого. — Вы говорили, мы сделаем перерыв на обед, — продолжал мистер Ремора, который в Пруфрокской подготовительной школе был учителем Вайолет, хотя чему он её учил, трудно сказать, так как он только рассказывал короткие бессмысленные истории и ел один банан за другим, то и дело размазывая жёлтую мякоть по своим густым черным усам, похожим на отрубленный палец гориллы.

— Я так проголодалась, что готова съесть целый декаграмм риса, — заявила миссис Басс, которая была учительницей Клауса. Судя по всему, энтузиазм, с которым она всё измеряла согласно метрической системе, тоже никуда не делся, однако наружность учительницы, как отметила младшая Бодлер, несколько изменилась. Поверх спутанной шевелюры был напялен крошечный белокурый парик, и поэтому причёска миссис Басс стала похожа на заснеженную горную вершину, а ещё учительница надела небольшую узкую полумаску с малюсенькими прорезями для глаз. — Я слышала, в номере 954 открыт прелестный индийский ресторан.

В нормальных обстоятельствах Солнышко ответила бы ей «Андиамо» — это слово в её устах означало «С радостью провожу вас туда», — но младшая Бодлер боялась, как бы привычная манера речи не выдала её, и продолжила придерживаться тактики немногословной вежливости, слегка кивнув троим постояльцам и жестом пригласив их следовать за ней по коридору. Завуч Ниро скорчил раздосадованную гримасу, но тут же ехидно взглянул на Солнышко и обидно передразнил её жесты, показав, что способен передразнивать даже тех, кто ничего не говорит.

— А разве вы не возьмёте с собой ваше добро, миссис Басс? — спросил мистер Ремора, указав на дальнюю стену 372-го номера.

— Нет-нет, — быстро ответила миссис Басс, и через прорези в маске было видно, как она нервно моргает. — В номере оно будет сохраннее.

Солнышко наклонила голову, чтобы посмотреть мимо коленей учительницы, и сделала первое ценное фланёрское наблюдение. На столе в номере, прямо у окна, которое выходило на море, громоздилась груда мешков, украшенных надписью «СОБСТВЕННОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ ШТРАФАМИ», сделанной несмываемой чёрной краской. Младшая Бодлер никак не могла понять, каким образом в собственности миссис Басс

оказалось имущество банка, где работал мистер По, но поскольку два учителя и один завуч уже нетерпеливо ждали Солнышко в коридоре, у неё не было времени подумать. Сделав ещё один немногословный жест, Солнышко повела всех к лифту, радуясь, что миссис Басс знает, где находится ресторан. Без каталога младшая Бодлер нипочем не смогла бы разыскать в отеле «Развязка» индийский ресторан.

— Я так волнуюсь перед концертом, — сказал завуч Ниро, когда кабинка отправилась в путь на девятый этаж. — Все музыкальные критики, которые соберутся на вечеринку с коктейлями, несомненно, одобрят моё исполнение. А как только все узнают, что я гений, можно будет бросить работу в Пруфрокской подготовительной!

— А с чего вы решили, будто на вечеринке будут музыкальные критики? — спросил мистер Ремора. — В моем приглашении говорилось только, что будет шведский стол с бананами.

— И в моём тоже ничего не было о музыкальных критиках, — сказала миссис Басс. — Там говорится, что вечеринка будет устроена в честь метрической системы и что я должна принести с собой как можно больше ценностей, так как их необходимо срочно измерить. Но ведь я учительница, жалованье у меня маленькое, и ценностей взять неоткуда, вот и пришлось встать на путь криминала.

— *Пришлось встать на путь криминала!* — передразнил её завуч Ниро. — Даже странно, как это такого гения, как я, пригласили на вечеринку, где будут такие типчики, как вы. Наверное, Эсме Скволор и её Друг выслали вам приглашения по ошибке.

Солнышко задумчиво прищурилась за громадными темными очками. Разумеется, друг Эсме Скволор — не кто иной, как Граф Олаф. Солнышку уже давно приходилось разрушать злодейские планы Олафа, и она ничуть не удивилась, узнав о новых кознях негодяя, но совершенно не понимала, зачем было заманивать в отель её бывшего начальника. Младшей Бодлер очень хотелось продолжить наблюдения фланёра, однако лифт остановился и пора было приступать к обязанностям посыльной и произнести хотя бы одно немногословное слово.

— Девятый, — сказала она.

— *Девятый!* — передразнил её Ниро, проталкиваясь к дверям, чтобы первым выйти из лифта.

Солнышко побежала за ним, быстро подвела постояльцев к 954-му номеру и открыла дверь с лёгким немногословным поклоном.

— К вашим услугам, — сказал дрожащий голос, и Солнышко в изумлении узнала ещё одного человека из бодлеровского прошлого. Это был очень старый человек в очень маленьких очках — каждая линза не больше горошины. Когда дети с ним познакомились, он был с непокрытой головой, но сейчас обмотал вокруг головы длинную полосу ткани и скрепил её сверкающим красным камнем. Солнышко вспомнила, что похожий тюрбан носил Граф Олаф, когда притворился учителем гимнастики, но не понимала, зачем этот головной убор человеку, с которым они познакомились в больнице.

— *К вашим услугам!* — передразнил его Ниро. — Так услужите скорее! Мы умираем с голоду!

— Я не знал, что дела у вас идут так скверно, — сказал Хэл, прищурившись за очками.

— Они пойдут совсем не скверно, как только вы нас накормите, — сказал мистер Ремора.

Хэл нахмурился, словно мистер Ремора дал ему неверный ответ, но усадил троих посетителей за деревянный столик в совершенно пустом ресторане.

— Мы счастливы предложить вам обширное меню из индийских блюд, — сказал он. — Кулинарная история этой страны весьма примечательна. Когда Британия…

— Мне, пожалуйста, десять граммов риса, — перебила его миссис Басс, — одну десятую гектаграмма виндалу с креветками, декаграмм чана алу масала, тысячу сантиграммов лосося, жаренного на тандуре, четыре самосы с общей поверхностью в девятнадцать квадратных сантиметров, пять децилитров мангового ласси и сада рава досай длиной ровно в девять сантиметров.

Солнышко надеялась, что Хэл начнёт рассказывать о тех блюдах, которые заказала миссис Басс, и у младшей Бодлер будет больше времени на фланёрские наблюдения, но старичок просто молча записал заказ и посмотрел на мистера Ремору, который хмуро изучал меню.

— Сорок восемь порций жареных бананов, — сказал мистер Ремора по долгом размышлении.

— Интересный выбор, — заметил Хэл. — А вы, сэр?

— Кулёк карамелей! — заявил завуч Ниро.

Солнышко уже забыла, насколько её бывший начальник обожал требовать у всех подряд карамель.

— Карамель — это не национальное индийское блюдо, — сказал Хэл. — Если вы затрудняетесь с выбором, позвольте порекомендовать вам ассорти.

— *Позвольте порекомендовать вам ассорти!* — передразнил

его Ниро. — Ну и ладно! Тогда я вообще ничего есть не буду! Наверное, это опасно — брать конфеты у иностранцев!

На этот приступ ксенофобии — это слово, которому когда-то научил детей Джером Скволор, означает страх или отвращение к чужим культурам — Хэл ничего не ответил, только кивнул.

— Ваш обед, господа, будет готов очень скоро, — сказал он. — Если вам что-то понадобится, я в кухне.

— *Ваш обед, господа, будет готов очень скоро!* — немедленно передразнил Ниро Хэла, который скрылся за дверями кухни. Завуч со вздохом переставил бокал с водой с подставки на деревянный столик, где от воды наверняка останется кружок, и повернулся к учителям. — Голова этого иностранца напомнила мне об этом душке Учителе Чингизе.

— Чингиз — душка? — удивился мистер Ремора. — Если я правильно помню, он оказался знаменитым негодяем!

Миссис Басс нервно подняла руку и поправила парик.

— Если человек преступник, — сказала она, — это ещё не значит, что он необаятельный! К тому же, когда скрываешься от закона, волей-неволей становишься слегка раздражительным!

— Кстати о том, как скрываются от закона… — начал мистер Ремора, но завуч свирепым взглядом оборвал его.

— Потом поговорим, — быстро сказал он и повернулся к Солнышку. — Посыльная, пойдите принесите нам салфетки, — велел он, явно изобретая повод отослать младшую Бодлер и не дать ей подслушать их разговор. — Даже если я ничего не ем, это ещё не значит, что я стану разгуливать с подбородком, вымазанным соусом!

Солнышко немногословно кивнула и направилась к дверям кухни. Как фланёру, ей было жаль прерывать наблюдение, особенно сейчас, когда постояльцы из 372-го номера как раз собирались поговорить о чем-то важном. Но как прирождённый гурме — здесь это изысканное слово означает «Маленькая девочка, наделённая недюжинными кулинарными способностями», — она очень хотела взглянуть на ресторанную кухню. Солнышко увлекалась искусством кулинарии с тех самых пор, когда судья Штраус отвела Бодлеров на рынок купить ингредиенты для соуса «путтанеска», хотя лишь недавно младшая Бодлер подросла настолько, чтобы иметь возможность развивать своё увлечение. Если вам никогда не доводилось заглядывать в ресторанную кухню, советую попробовать, ведь там столько интересных принадлежностей, а забраться туда так просто, если, конечно, вы не обижаетесь, когда на вас сердито смотрят, обнаружив, что вы пролезли куда не следует. Но когда Солнышко вошла в кухню, она не заметила там никаких интересных

принадлежностей. Во-первых, кухня была полна пара, который поднимался из десятков кастрюль, кипевших в каждом углу. Из-за пара Солнышко почти ничего не видела, но она не обратила внимания на кухонные принадлежности не только поэтому. В кухне беседовали два непостижимых человека, и то, что они говорили, было куда интереснее любых ингредиентов и приспособлений, которые используются для приготовления индийских национальных блюд.

— У меня новости от Ж. С., — шептал Хэлу то ли Франк, то ли Эрнест. Оба они стояли к Солнышку спиной, склонившись друг к другу, чтобы говорить как можно тише.

Солнышко попятилась в середину особенно густого облака пара, чтобы её не заметили.

— Ж. С.? — переспросил Хэл. — Разве она здесь?

— Она пришла к нам на помощь, — сказал управляющий. — Она наблюдала за небом при помощи Глазного Подкрепителя Видения, и, к сожалению, её наблюдения показали, что всем нам придётся в ближайшем будущем сесть в лужу.

— Жаль, — заметил Хэл. — В луже мокро, и вода грязная.

Солнышко в недоумении почесала в затылке рукой, обтянутой перчаткой. Выражение «сесть в лужу» означает просто «оказаться в унизительном положении», и младшая Бодлер слышала его от родителей, когда они подшучивали друг над другом, играя в нарды. «Бертран, — говорила мама Солнышка, победно бросая кости, — я опять выиграла. Сейчас ты сядешь в лужу!» И тут, сверкнув глазами, она бросалась на папу Солнышка и принималась его щекотать, а дети хохочущей кучей прыгали сверху. Но Хэл, судя по всему, отнёсся к сидению в луже как к реальному будущему, а не фигуре речи, и Солнышко начала думать, что в этом индийском ресторане все не так просто, как кажется.

— Это позор, — согласился не то Франк, не то Эрнест. — Но эту пилюлю можно и подсластить. Я слышал, можно достать кое-какие грибы…

— Сластить лучше сахаром, а не грибами, — с непостижимым выражением заметил Хэл.

— По нашим подсчётам, сахар подвезут ближе к ночи, — с не менее непостижимым выражением ответил управляющий.

— Вот и хорошо, — сказал Хэл. — И так работать не дают. Знаете, сколько листьев салата мне пришлось отправить на крышу?

То ли Франк, то ли Эрнест нахмурился.

— Скажите, — произнёс он ещё тише, — вы тот, кто я думаю?

— А вы — вы тот, кто я думаю? — так же тихо отозвался Хэл.

Солнышко подкралась поближе, надеясь побольше подслушать и выяснить, имеет ли в виду Франк или Эрнест медузообразный мицелий, а Хэл — сахарницу. Но тут, к досаде младшей Бодлер, пол негромко скрипнул, облако пара унеслось прочь, а Хэл и Франк или, возможно, Эрнест обернулись и уставились на неё.

— Та ли вы, кто я думаю? — хором спросили оба.

У тактики немногословной вежливости есть то преимущество, что язык твой реже становится врагом твоим. Например, когда немногословный писатель публикует одно четверостишие в десять лет, это вряд ли кого-то раздражает, а если кто-то за довольно короткое время напишет двенадцать-тринадцать книг, он с большей вероятностью обнаружит, что сидит под кофейным столиком знаменитого негодяя, не дыша и боясь, как бы кто-нибудь из приглашённых на вечеринку с коктейлями не заметил, что доска для игры в нарды отчаянно трепещет, и, глядя на растекающиеся по коврам чернила, задаётся вопросом, стоят ли некоторые литературные занятия подобных жертв. Если бы Солнышко прибегла к тактике словоохотливой вежливости, ей бы пришлось придумывать развёрнутый ответ на поставленный вопрос, и она и представить себе не могла, каков был бы этот ответ. Если бы она была уверена, что управляющий в кухне — это Франк, она сказала бы, например: «Солнышко Бодлер, помогите, пожалуйста», а это в её устах означало бы «Да, я Солнышко Бодлер, и нам с братом и сестрой нужна ваша помощь, а ещё ваша помощь нам нужна, чтобы разоблачить загадочную интригу, которую негодяи плетут в отеле „Развязка“, и сообщить о наших открытиях членам Г. П. В.». Если бы она была уверена, что на неё смотрит Эрнест, она бы сказала, например: «Но хабла эсперанто», а это в её устах значило бы «Извините, я не понимаю, о чем вы говорите». Разумеется, присутствие Хэла все только усложняло, ведь дети прекратили работу в Хранилище Документов по обоюдному согласию сторон, поскольку Хэл полагал, будто это они виновны в поджоге Хранилища Документов, а Бодлеры были вынуждены поскорее бежать из больницы, и Солнышко не знала, точит ли Хэл на них зуб, — здесь это образное выражение означает «Продолжает ли он считать себя врагом Бодлеров», или же он работает в отеле в качестве волонтёра. Однако Солнышко избрала тактику немногословной вежливости, и от неё требовался лишь немногословный ответ.

— Посыльная, — сказала она, и этого было достаточно. Хэл поглядел на Франка, хотя, возможно, это был Эрнест, — а Эрнест, хотя, возможно, это был Франк, поглядел на Хэла. Оба кивнули, а

затем отправились к сверкающему буфету в дальнем конце кухни. Хэл открыл буфет и вручил Франку либо Эрнесту большой странный предмет, а тот оглядел его и вручил Солнышку. Предмет был похож на большого металлического паука, из которого во все стороны торчали витые провода, а там, где должна была бы быть голова паука, помещалась пишущая машинка.

— Вы знаете, что это? — спросил то ли негодяй, то ли волонтёр.

— Да, — ответила младшая Бодлер.

Сама Солнышко ничего подобного не видела, но брат и сестра рассказали ей о том, какой странный замок они обнаружили в тайном подземном ходе в глубине Мёртвых Гор. Если бы не научные познания Вайолет и не поразительная способность Клауса запоминать сюжеты русских романов, открыть замок не удалось бы и Солнышко навсегда осталась бы пленницей Графа Олафа.

— Будьте осторожны, — сказал Франк или Эрнест. — Стоит вам прикрепить это устройство на обычную дверную ручку и нажать Г, П и В, дверь превратится в Глагольно Перекрытый Вход. Прошу вас спуститься на лифте в подвал и глагольно перекрыть дверь в номер 025.

— Между прочим, это прачечная, — сказал Хэл, прищурившись на Солнышко из-под очков. — Поэтому там есть вентиляционная шахта, которая выводит наружу пар из стиральных машин, и помещение не перегревается.

— Но если что-то случайно упадёт с неба под нужным углом, — сказал не то Франк, не то Эрнест, — оно пролетит по трубе и окажется в прачечной. А если это что-то — вещь весьма ценная, то комнату нужно как следует запереть, дабы драгоценность не попала в руки врага.

Солнышко Бодлер никак не могла понять, о чем говорят эти взрослые, и ужасно жалела, что ей не удалось остаться незамеченной в облаке пара и подслушать конец разговора. Но она сжала руками в перчатках таинственный замок, понимая, что сейчас не время быть фланёром.

— Благодарю за помощь, посыльная, — сказал Франк, хотя, вероятно, это был Эрнест, а может быть, и ни тот ни другой. — Немногим достанет храбрости помогать в организации подобной интриги.

Солнышко ещё раз немногословно кивнула и направилась к выходу. Она молча прошла в двери и пересекла ресторанный зал, не остановившись даже послушать, о чем шепчется завуч Ниро с мистером Реморой и миссис Басс, молча открыла дверь в 954-й

номер и направилась по коридору к лифту. И лишь когда она уже ехала в подвал, её молчаливые размышления прервал ужасный звон.

Часы в вестибюле отеля «Развязка» давно стали легендарными — в данном случае это слово означает «Прославились необыкновенно громким боем». Расположены часы в самом центре потолка, под куполом, и когда часы бьют, звон разносится по всему зданию — он гулок, глубок и звучит как будто некие слова, которые повторяются каждый час. В эту секунду пробило три, и все в отеле слышали рокот колоссальных колоколов, трижды повторивших: «Не так! Не так! Не так!»

Когда Солнышко Бодлер вышла из кабинки и зашагала по подвальному коридору мимо расписных ваз и пронумерованных дверей, у неё возникло такое чувство, словно часы укоряют её за неудачные попытки раскрыть тайны отеля «Развязка». «Не так!»

Она изо всех сил старалась быть хорошим фланёром, но не смогла выяснить, зачем прибыли в отель завуч и два учителя из Пруфрокской подготовительной школы. «Не так!» Она попыталась наладить связь с одним из управляющих отелем, но не сумела разобраться, кто он — Франк или Эрнест, и кто такой Хэл — волонтёр или враг. А главное «Не так!» — она исполняет поручение, данное посыльной, и превращает дверь прачечной в Глагольно Перекрытый Вход, который послужит неведомой зловещей цели. С каждым ударом часов Солнышко преисполнялась уверенности, что все кругом идёт «не так», но вот наконец она добралась до 025-го номера, дверь которого как раз закрывала за собой вышедшая оттуда прачка с длинными светлыми волосами и в мятом форменном платье. Торопливо кивнув, прачка удалилась по коридору. Солнышко отчаянно надеялась, что брату и сестре удастся лучше справиться со своими задачами, поскольку, прикрепляя замок на ручку двери и нажимая на машинке клавиши Г, П и В, она думала лишь о том, что все идёт не так, не так, не так.

И снова не глава

С этого момента история бодлеровских сирот возвращается к прежнему последовательному изложению, и если вы заинтересованы в том, чтобы узнать, какой у неё конец, вам придётся читать главы в том порядке, в котором они помещены в книге, хотя я от души надеюсь, что вы не заинтересованы в том, чтобы узнать, какой конец у этой истории, — по крайней мере, не больше, чем история заинтересована в том, чтобы узнать, какой конец ждёт вас.

Глава седьмая

В этот день с той минуты, как часы пробили три и каждое «Не так!» гулко раскатилось по огромному неверному миру отеля «Развязка», произошло очень многое. На девятом этаже одна женщина внезапно узнала одного химика, и оба расхохотались. В подвале человек с равнодействующими руками доложил по рации, что сию секунду заметил одну странную вещь. На шестом этаже одна экономка сбросила маскировку и просверлила дрелью дырочку за расписной вазой, собираясь исследовать тросы, на которых был подвешен один из лифтов, и все это время прислушивалась к тихим звукам необычайно противной песенки, которая доносилась из номера прямо у экономки над головой. В 296-м номере одного волонтёра осенило, что читать текст на иврите нужно не слева направо, а справа налево и, соответственно, в зеркале — не справа налево, а слева направо, а в кофейне, расположенной в 178-м номере, негодяя, заказавшего кофе с сахаром, немедленно повалили на пол, чтобы официантка могла посмотреть, нет ли у него на щиколотке татуировки, а затем принесли ему за это искренние извинения и бесплатный кусок пирога с ревенем. В 174-м номере банкир снял телефонную трубку — но никто ему не ответил, а в 594-м номере никем не замеченное семейство сидело в компании чемодана с грязным бельём и в окружении аквариумов с тропическими рыбками, не подозревая, что под диванной подушкой в вестибюле лежит салфеточка, за которой оно, семейство, охотится вот уже девять лет. У самого отеля таксист глядел на пар, валивший из трубы, не зная, вернётся ли тот человек со спиной странной формы и потребует ли свои чемоданы, которые так и остались лежать в багажнике, а по другую сторону отеля женщина в водолазном шлеме и сверкающем костюме аквалангиста светила фонариком в воду, стараясь разглядеть сумрачное морское дно. На другом конце города длинный чёрный автомобиль увёз одну женщину от человека, которого она любила, а в другом городе, за много миль от Бодлера, четверо детей играли на пляже, не зная, что им вот-вот предстоит узнать ужасную новость, а ещё в одном городе, не в том, где жили Бодлеры, и не в том, о котором я говорил несколькими строчками выше, некто узнал нечто и поднял некоторый шум, или, по крайней мере, меня в этом убедили. С каждым «Не так!» день катился к вечеру, и происходили самые разные события — не только в огромном неверном мире отеля «Развязка», но и в том огромном неверном мире, который раскинулся за его кирпичными стенами, — однако бодлеровские

сироты о них не думали. Как ни странно, обязанности посыльных удерживали их до самого вечера в вестибюле, и поэтому им не представилось случая покататься в кабинках лифта и сделать новые фланёрские наблюдения, а пришлось целые часы напролёт таскать по вестибюлю разные вещи, но Бодлеры не думали ни о вещах, которые они таскали, ни о постояльцах, которые их дожидались, ни о высокой костлявой фигуре не то Франка, не то Эрнеста, который время от времени давал им свои личные поручения. Приближался вечер, звоночки звонили все реже, а Вайолет, Клаус и Солнышко думали только о том, что с ними случилось. Они думали только о том, что удалось увидеть и услышать каждому из них, совершенно не понимая, как же это можно истолковать.

И вот наконец, как и предсказывал то ли Франк, то ли Эрнест, наступила ночь, и в отеле стало очень тихо, и тогда сестры и брат устроились на полу за большой деревянной стойкой, прислонившись спиной к стене и вытянув усталые ноги почти до самых звоночков. Вайолет рассказала об Эсме Скволор, Кармелите Спатс и Джеральдине Жюльен, которых она видела в солярии на крыше, и о своей беседе либо с Франком, либо с Эрнестом в вестибюле. Клаус рассказал о Сэре и Чарльзе в 674-м номере и о своей беседе не то с Франком, не то с Эрнестом в сауне. А Солнышко рассказала о завуче Ниро, мистере Реморе и миссис Басс в 372-м номере и о своей беседе с Хэлом и Франком или Эрнестом в кухне индийского ресторана в 954-м номере. Клаус педантично записывал все в свою записную книжку, а когда настала его очередь рассказывать, передал книжку Вайолет, и три Бодлера перебивали друг друга вопросами и соображениями, но когда все было сказано, и дети посмотрели на бесчисленные пометки чернилами на бумаге, они поняли, что все происходящее осталось для них такой же тайной, как и утром.

— Полнейшая бессмыслица, — сказала Вайолет. — Зачем Эсме устраивает вечеринку? Для чего Кармелите Спатс потребовалось гарпунное ружье?

— Как здесь оказались Сэр и Чарльз? — спросил Клаус. — Для чего из окна сауны вывешена липучка для птиц?

— Для чего Ниро? — спросила Солнышко. — Почему Ремора? Зачем Басс? Отчего Хэл?

— Кто такой Ж. С.? — спросила Вайолет. — Кто он — мужчина, который шныряет в подвале, или женщина, которая наблюдает за небом?

— Где Граф Олаф? — спросил Клаус. — Зачем он созвал в отель столько наших бывших опекунов?

— Франкэрнест, — сказала Солнышко, и это, наверное, был

самый сложный вопрос.

И Вайолет, и Клаус, и Солнышко видели кого-то из управляющих буквально за несколько секунд до того, как часы пробили три. Кит Сникет говорила, что если они постараются освидетельствовать всех, кого увидят, то сумеют отличить негодяев от волонтёров, но Бодлеры не знали, кто из них кого видел, и попросту не могли понять, как это двум людям удалось быть в трёх местах одновременно. Вайолет, Клаус и Солнышко молча обдумывали сложившееся положение, прислушиваясь к тишине, которую нарушал лишь странный повторяющийся звук, доносившийся, судя по всему, снаружи. Некоторое время этот звук казался бодлеровским сиротам ещё одной нераскрытой тайной, но вскоре они поняли — это квакают лягушки. В глубинах пруда наверняка обитали тысячи лягушек, и когда настала ночь, лягушки всплыли на поверхность и переговаривались друг с другом гортанными кличами, свойственными их виду. Это был непостижимый звук, наводивший на мысль о том, что и мир природы тоже изъясняется шифром, который Бодлеры не могут разгадать.

— Кит сказала, что ничего не будет хорошо, — вспомнила Вайолет. — Она сказала, что, хотя поступки наши и благородны, ничего у нас не выйдет.

— Это правда, — кивнул Клаус. — Ещё она сказала, что наши надежды растают как дым, и, возможно, была права. Каждый из нас стал свидетелем истории, и все они как одна лишены смысла.

— Слон, — сказала Солнышко.

Вайолет и Клаус удивлённо посмотрели на сестру.

— Стихи, — сказала та. — Папа.

Вайолет и Клаус в недоумении переглянулись.

— Слон! — повторила Солнышко, но это был один из редких случаев, когда Вайолет и Клаус не понимали, что говорит их сестра. На лобике Солнышка появилась глубокая морщина: малышка пыталась придумать, как бы объяснить брату и сестре, что она имеет в виду. Наконец она поглядела на Вайолет и Клауса и воскликнула: — Джон Годфри Сакс!

Бодлеры просияли.

Скорее всего имя Джон Годфри Сакс ничего вам не говорит, если, конечно, вы не горячий поклонник американских поэтов-юмористов девятнадцатого века. Таких людей в мире немного, однако отец Бодлеров был одним из них и знал наизусть несколько стихотворений. Время от времени на него находило — как вы, наверное, понимаете, здесь это выражение означает «Он впадал в странное и импульсивное настроение», — и тогда он хватал ближайшего маленького Бодлера, начинал качать его на

коленях и читал ему стихотворение Джона Годфри Сакса про слона. В этом стихотворении рассказывается о том, как шестеро слепцов впервые в жизни повстречали слона и не могли договориться друг с другом, как выглядит это животное. Первый слепец ощупал просторный гладкий бок слона и решил, будто слон похож на стену. Второй ощупал бивень и сделал вывод, что слон похож на копье. Третий ощупал хобот, четвёртый — ногу и так далее и так далее, и вот все слепцы принялись спорить, как выглядит слон. Когда Вайолет и Клаус немного подросли, они, как и многие дети, стали считать, что когда на папу находит, это не совсем удобно, поэтому главным слушателем декламаций мистера Бодлера стала Солнышко, потому-то она и помнила стихи лучше всех.

— Это стихи прямо про нас, — заметила Вайолет. — Каждый из нас ощупал крошечный кусочек мозаики, но целую картинку никто не видел.

— Целую картинку никто не видел, — подтвердил Клаус. — За каждой дверью в отеле «Развязка» скрывается тайна, и никто не может быть сразу везде и наблюдать сразу за всеми волонтёрами и сразу за всеми негодяями.

— А нам придётся, — вздохнула Вайолет. — Кит сказала, что сахарницу уже везут в отель. Нельзя допустить, чтобы она попала в руки самозванца.

— Но ведь сахарницу можно спрятать где угодно, — сказал Клаус. — И самозванцем может оказаться кто угодно. Все, кого мы видели, говорили о Ж. С., но мы даже не знаем, мужчина это или женщина!

— Хоть каждый был отчасти прав… — процитировала Солнышко предпоследнюю строчку стихотворения про слона.

Ею брат и сестра улыбнулись и закончили стихотворение:

— Но было все не так![1] — хором сказали они, но их слова потонули в оглушительном звоне. «Не так! — возвестили часы отеля „Развязка“. — Не так! Не так! Не так! Не так! Не так! Не так! Не так! Не так! Не так! Не так!»

— Уже поздно, — сказал Клаус, когда затихло двенадцатое «Не так!». — Я и не заметил, как мы засиделись.

Они встали, потянулись и обнаружили, что в вестибюле пусто и тихо. Крышку рояля опустили. Фонтан выключили. Даже за конторкой портье никого не было, как будто отель «Развязка» не ожидал новых постояльцев до завтра. Единственным признаком жизни под громадной куполообразной кровлей был только свет лампы в форме лягушки и, разумеется, сами Бодлеры.

— Наверное, все постояльцы спят, — сказала Вайолет, — или читают до утра, как говорил Франк.

— Или Эрнест, — уточнила Солнышко.

— Может быть, и нам попробовать поспать? — предложил Клаус. — Остался ещё целый день на разгадку этих тайн, и когда он наступит, у нас должны быть ясные головы.

— Наверное, в темноте ничего пронаблюдать не получится, — сказала Вайолет.

— Устала, — зевнула Солнышко.

Ею брат и сестра кивнули, но трое сирот так и остались стоять. Ложиться спать, когда в отеле так и шныряют враги, строя зловещие козни, было неразумно. Но ведь козни строятся каждую ночь, и не только в отеле «Развязка», но и во всем мире, и даже самые благородные из волонтёров должны время от времени смыкать глаза — здесь это образное выражение значит «Ложиться на пол за большой деревянной стойкой и надеяться, что никто не вызовет посыльного до самого утра». Дети, конечно, предпочли бы спать в более удобной обстановке, но с тех пор, как у них в распоряжении была более удобная обстановка, прошло столько времени, что они без долгих разговоров пожелали друг другу спокойной ночи, а Клаус протянул руку и выключил лампу в виде лягушки. Несколько минут дети лежали в темноте, прислушиваясь к лягушачьему кваканью, доносившемуся из пруда.

— Темно, — сказала Солнышко. Младшая Бодлер не очень боялась темноты, но сочла этот факт достойным упоминания.

— Да уж, темно, — зевнув, согласилась Вайолет. — Ещё и в темных очках. Как там сказала Кит Сникет? Словно ворон, одиноко парящий в беспросветной ночи.

— Точно! — воскликнул Клаус.

Сестры услышали, как он встаёт в темноте, а затем снова включает лягушачью лампу, из-за чего обе девочки зажмурились, несмотря на тёмные очки.

— Что случилось? — спросила Вайолет. — Я думала, мы собираемся поспать.

— Разве можно спать, когда этой самой ночью в отель доставят сахарницу?! — спросил Клаус.

— Что? — спросила Солнышко. — Как?

Клаус вытащил из кармана записную книжку и пролистал странички, на которых записывал все наблюдения Бодлеров.

— Ею принесут вороны, — сказал он.

— Вороны? — удивилась Вайолет.

— Воронам не впервые приходится переносить важные грузы, — сказал Клаус, напомнив сёстрам о воронах из Города Почитателей Ворон, которые приносили Бодлерам весточки от Квегмайров. — Потому- то Эсме Скволор и высматривает их

Глазным Подкрепителем Видения.

— Ж. С. тоже, — сказала Солнышко, вспомнив, что говорил то ли Франк, то ли Эрнест о наблюдении за небом.

— Поэтому Кармелита Спатс и потребовала принести ей гарпунное ружье, — задумчиво сказала Вайолет. — Она собирается стрелять из него по воронам — тогда Г. П. В. никогда не получит сахарницу.

— И поэтому не то Франк, не то Эрнест велел мне вывесить из окна сауны липучку для птиц, — сказал Клаус. — Если сбить ворон из гарпунного ружья, они упадут на липучку, и он поймёт, что доставить сахарницу не удалось.

— Но кто именно велел тебе вывесить липучку — Франк или Эрнест? — спросила Вайолет. — Ведь если это был Франк, то липучка станет для волонтёров сигналом о поражении. А если Эрнест — она станет для негодяев сигналом о победе!

— А как же сахарница? — спросил Клаус. — Если гарпун попадёт в ворону, она же выронит сахарницу. — Он с хмурым видом перевернул страницу в записной книжке. — Если вороны уронят такой тяжёлый предмет, он упадёт прямо в пруд.

— Нет, наверное, — сказала Солнышко.

— А куда ему ещё падать? — спросила Вайолет.

— Постирка, — сказала Солнышко, что означало «В прачечную».

— А как же она попадёт в прачечную? — спросил Клаус.

— В трубу, — ответила Солнышко. — Франк сказал. Или Эрнест.

— Потому-то тебе и велели повесить замок на дверь прачечной, — сказала Вайолет. — Тогда никто не сможет забрать сахарницу.

— Но кто же велел тебе это сделать — Франк или Эрнест? — спросил Клаус. — Ведь если это был Франк, сахарница окажется надёжно спрятана от негодяев, которые стремятся её заполучить. А если Эрнест — сахарница окажется надёжно спрятана от волонтёров, которые обязательно должны её получить!

— Ж. С., — сказала Солнышко.

— Ж. С. — ключ к разгадке этой тайны, — согласилась Вайолет. — Эсме Скволор считает, будто Ж. С. испортит ей вечеринку. Сэр считает, будто Ж. С. сам устраивает эту вечеринку. Хэл думает, будто Ж. С. здесь, чтобы прийти на помощь. Кит думает, будто Ж. С. может оказаться врагом. А мы даже не знаем, мужчина это или женщина!

— Как слепцы, — сказала Солнышко. — И слон.

— Нужно разыскать Ж. С., — согласился Клаус. — Только как? Найти постояльца в огромном отеле — это как разыскать

книгу в библиотеке.

— В библиотеке без каталога, — тихо добавила Вайолет, и трое Бодлеров при свете лягушачьей лампы обменялись печальными взглядами.

Детям уже приходилось в самых отчаянных обстоятельствах отыскивать ответы на свои вопросы во множестве библиотек. Они расшифровали сообщение в библиотеке, за стенами которой бушевал ураган, и разыскали важные сведения, когда их выслеживала в библиотеке зловещая особа в жутких туфлях. Они обнаружили жизненно важную информацию в библиотеке, которая состояла всего из трёх книг, и раздобыли нужнейшую карту в библиотеке, которая представляла собой всего-навсего кипу бумаг под столом. Бодлеры умудрились найти разгадки некоторых тайн даже в полностью сгоревшей библиотеке, от которой осталось всего несколько обрывков горелой бумаги и девиз на железной арке. Вайолет, Клаус и Солнышко на мгновение задержались у стойки посыльных и вспомнили все библиотеки, которые им доводилось видеть, не зная, поможет ли им то, что они уже сумели узнать, в поисках одной-единственной книги в этой непостижимой библиотеке — в отеле «Развязка».

— «Здесь царит покой», — повторила Солнышко девиз, который обнаружили её брат и сестра, и когда эхо её слов затихло под сводами вестибюля, над головой у детей послышался шорох — легчайший шелест, еле различимый из-за кваканья лягушек.

Шорох становился все громче, но в сумраке под куполом ничего не было видно, поскольку тьма была черна, словно ворон, одиноко парящий в беспросветной ночи. Наконец Вайолет подняла над головой лампу в виде лягушки, насколько хватило провода, и дети сняли тёмные очки. И вот они разглядели тёмную фигурку, которая спускалась из механизма часов на чем-то вроде толстой верёвки. Зрелище было странное и даже зловещее — словно паук спускался из паутины, — но Бодлеры не могли не восхититься ловкости, с которой это делалось. С легчайшим шорохом фигура все приближалась, и наконец дети увидели, что это человек, высокий и тощий, а руки и ноги у него торчат под странными углами, словно он сделан не из плоти и крови, а из коктейльных соломинок. Он спускался по верёвке, которую сам же и разматывал, — я вам не рекомендую проделывать подобные упражнения без должной тренировки, а лучший тренер, к несчастью, вынужден скрываться после того, как некий штаб в горах подожгли негодяи, и теперь он зарабатывает себе на жизнь, выступая с номером «Паук» в бродячем цирке. Почти достигнув пола, фигура проделала элегантный пируэт, отпустила верёвку и бесшумно приземлилась. Человек зашагал к Бодлерам,

остановившись лишь затем, чтобы снять пылинку со слова «УПРАВЛЯЮЩИЙ», затейливо вышитого на кармане куртки.

— Добрый вечер, Бодлеры, — сказал он. — Простите, что я раньше не сказал вам, кто я такой, но мне надо было убедиться — вы те, кто я думаю. Наверное, было очень трудно блуждать по отелю без каталога.

— Так значит, каталог существует?! — спросил Клаус.

— Разумеется, существует! — ответил человек. — Думаете, стал бы я организовывать работу всего этого здания согласно Десятичной Системе Дьюи, забыв при этом снабдить его каталогом?

— Но где же этот каталог? — спросила Вайолет.

Человек улыбнулся.

— Пойдёмте покажу, — сказал он.

— Капкан, — шепнула Солнышко брату и сестре, и старшие Бодлеры кивнули.

— Мы никуда не пойдём, пока вы нам не докажете, что вам можно доверять, — сказала Вайолет.

Человек снова улыбнулся.

— Разумеется, ваша подозрительность вполне оправданна, — сказал он. — Когда я встречался с вашим отцом, Бодлеры, то, чтобы узнать друг друга, мы декламировали стихи одного американского поэта-юмориста.

Он вышел на середину вестибюля и, сделав театральный жест странной костлявой рукой, начал читать стихи:

Теологи в невежестве
И в истовом запале
Нередко так на диспутах
Пространно рассуждали
С учёным видом о слонах,
Которых не видали.

Стихи американских поэтов-юмористов девятнадцатого века зачастую не совсем понятны, поскольку эти авторы используют слова вроде «истовый», что можно перевести на современный язык как «подлинный», «диспуты», что означает попросту «учёные споры», «запал», который можно назвать и «ажиотаж», и тут уж вам судить, какое слово понятнее, или «пространно», что означает «длинно и многословно». Эти поэты были способны посвятить целую строфу теологам, то есть людям, которые изучают то, кто во что верит. Поэтому даже Бодлеры, которые слышали стихи американских поэтов-юмористов девятнадцатого века много раз и с раннего детства, не все понимали в этой строфе, хотя им,

конечно, было ясно: слепцы спорили понапрасну, в этом и состоит смысл стихотворения. Но Вайолет, Клаусу и Солнышку не обязательно было знать, что означают эти строки. Им нужно было знать лишь то, кто их сочинил.

— Джон Годфри Сакс, — с улыбкой сказала Солнышко.

— Отлично, — сказал человек и, стянув верёвку с потолка, свернул её, прицепил к поясу и бесшумно зашагал к выходу по сверкающему полу вестибюля.

— А вы кто? — спросила Вайолет.

— Не догадались? — спросил человек, остановившись под аркой. Бодлеры нагнали его, и он взялся за ручку входной двери.

— Франк? — спросил Клаус.

— Нет, — ответил человек и начал спускаться по ступеням. Бодлеры шагнули за ним, отметив, что кваканье лягушек стало заметно громче, хотя самого пруда не было видно из-за облаков пара, валившего из трубы. Вайолет, Клаус и Солнышко тревожно переглянулись и двинулись следом.

— Эрнест? — спросила Солнышко.

Человек улыбнулся и сошёл со ступеней, исчезнув в облаке пара.

— Нет, — сказал он, и бодлеровские сироты вышли из отеля и тоже исчезли.

Глава восьмая

Слово «развязка» — это не просто название отеля, особенно теперь, когда и сам отель, и все его тайны практически забыты, а уцелевшие члены семьи, которая им владела и управляла, сменили фамилию и работают в других гостиницах — небольших и не таких гламурных. Слово «развязка» имеет отношение к распутыванию узлов и означает раскрытие всех тайн сложной и загадочной истории, например истории жизни бодлеровских сирот или других ваших знакомых, в биографии которых много вопросов без ответов. Развязка — это миг, в который развязываются все узлы, распутываются все нити и все тайны становятся достоянием гласности. Но не следует путать развязку с концом истории. Так, например, развязка истории про Белоснежку наступает в тот миг, когда мисс Белоснежка пробуждается от зачарованного сна и решает покинуть гномов и выйти замуж за прекрасного принца, а в загадочной старушке, которая подсунула ей отравленное яблоко, узнают злодейку-королеву, однако конец истории про Белоснежку наступит много лет спустя, когда в результате несчастного случая во время прогулки верхом Белоснежка сляжет в лихорадке, от которой уже не оправится. Развязка истории про трёх медведей наступает в тот миг, когда медведи возвращаются домой, обнаруживают, что некая девочка покусилась на их частную собственность и беззастенчиво на ней спит, и либо гонятся за ней до самой деревни, либо съедают её, в зависимости от того, какой вариант сюжета хранится в вашей библиотеке, но конец истории про трёх медведей наступит, когда отряд юных скаутов забудет затушить костёр, и все усилия группы пожарников-волонтёров окажутся бессильными спасти лесных обитателей от верной смерти.

Разумеется, в некоторых историях развязка и конец наступают одновременно, например в опере «La Forza del Destino», когда персонажи узнают и убивают друг друга на протяжении одной-единственной арии, но обычно развязка истории — не последнее событие в жизни её героев и не последнее несчастье, которое их постигает. Часто она становится предпоследней передрягой. И когда бодлеровские сироты вслед за таинственным незнакомцем покинули отель и сквозь клубы пара вышли на берег зеркального пруда, развязка их истории стремительно приближалась, в то время как конец ещё поджидал в отдалении, словно тайна, покрытая мраком, или одинокий остров посреди бурного моря, чьи волны бьются о городские набережные и о стены непостижимого отеля.

— Должно быть, Бодлеры, у вас накопилась тысяча вопросов, — сказал человек. — Только подумайте — вы получите ответы на них прямо здесь и сейчас!

— Кто вы такой? — спросила Вайолет.

— Я Дьюи Денуман, что по-французски значит «развязка», — ответил Дьюи Денуман. — Третий тройняшка. Неужели вы обо мне не слышали?

— Нет, — сказал Клаус. — Мы думали, есть только Франк и Эрнест.

— Франку и Эрнесту достаётся все внимание, — сказал Дьюи. — Они носятся по отелю и всем управляют, а я таюсь в тени и завожу часы. — Он тяжко вздохнул и мрачно уставился в глубины пруда. — Это-то мне и не нравится в Г. П. В., — сказал он. — Очень уж любят подпустить туману.

— Туману? — спросила Солнышко.

— «Подпустить туману» — значит использовать всевозможные уловки, дабы скрыть истинное положение дел, — объяснил Клаус. — Но какое это имеет отношение к Г. П. В.?

— До раскола Г. П. В. была как публичная библиотека, — сказал Дьюи. — Примкнуть к нам и получить доступ ко всем сведениям, которыми мы располагали, мог всякий желающий. Волонтёры всего земного шара читали исследования друг друга и брали друг у друга книги. Тогда казалось, будто мы можем сделать так, чтобы целый мир стал уютным, безопасным и начитанным.

— Наверное, прекрасные были времена, — заметил Клаус.

— Я их почти не помню, — сказал Дьюи. — Когда случился раскол, мне было четыре года. Я был такой маленький, что не мог дотянуться даже до моей любимой полки в семейной библиотеке — до книг, помеченных индексом «ноль двадцать». Но однажды ночью, пока родители развешивали по всему дому воздушные шары, готовясь к нашему пятилетию, нас с братьями забрали.

— Куда забрали? — спросила Вайолет.

— Кто забрал? — спросила Солнышко.

— Ваша любознательность меня восхищает, — сказал Дьюи. — Женщина, которая меня забрала, говорила, что можно остаться в живых даже после конца света, если не бояться перемен, обладать ненасытной научной любознательностью, интересоваться большим и довольствоваться малым. И она доставила меня в убежище в горах, где, как она говорила, в детях развивают подобные качества.

Клаус открыл записную книжку и принялся лихорадочно записывать.

— Штаб на Главном Перекрёстке Ветров, — сказал он.

— Наверное, родители по вам скучали, — сказала Вайолет.

— Они погибли в ту ночь, — сказал Дьюи, — во время ужасного пожара. Дьюи не нужно рассказывать вам, каково мне было, когда я об этом узнал.

Бодлеры вздохнули и уставились на пруд. На гладкой поверхности воды виднелись одинокие огоньки окон, но по большей части отель был тёмный, так что и пруд тоже был тёмный. Конечно, не нужно было рассказывать Бодлерам, каково это — потерять родителей так внезапно и в таком юном возрасте.

— Не всегда дела обстояли так печально, Бодлеры, — сказал Дьюи. — Раньше убежища были устроены по всему земному шару, и сиротам вроде вас не приходилось скитаться, пытаясь найти благородных людей, готовых им помочь. С каждым поколением раскол усугубляется. Если справедливость не победит, скоро не останется ни одного убежища и ни одного человека, который помнит, каким должен быть мир.

— Не понимаю, — сказала Вайолет, — почему нас не забрали в убежище, как вас?

— Как же, вас забрали, — сказал Дьюи. — Вас забрал Граф Олаф и пытался удержать у себя, как ни старались благородные люди ему помешать.

— Но почему же никто нам ничего не объяснил?! — спросил Клаус. — Почему нам до всего приходилось докапываться самим?!

— К сожалению, таков этот злобный мир, — сказал Дьюи, покачав головой. — Везде напущено туману, Бодлеры. С момента раскола все исследования, все наблюдения, даже книги оказались разбросаны по свету. Это как слон в любимом стихотворении вашего папы. В руках у каждого крошечная крупица истины, а целостной картины нет ни у кого. Однако скоро все изменится.

— В четверг, — сказала Солнышко.

— Точно, — сказал Дьюи, с улыбкой поглядев на младшую Бодлер сверху вниз. — Все благородные люди, как встарь, соберутся вместе — и тогда можно будет сопоставить все их исследования, все их наблюдения, все улики, которые им удалось собрать, и все книги, которые они прочитали. Подобно тому, как библиотечный каталог показывает, где расположена каждая книга, этот каталог покажет местоположение и поведение каждого волонтёра и каждого негодяя. — Он указал на отель и продолжил: — Долгие годы, которые благородные люди провели, скитаясь по земле и наблюдая коварство и предательство, мы с коллегой неотлучно находились здесь, и к нам поступала вся информация. Мы скопировали все до единой записи из каждой записной книжки каждого волонтёра и свели их в каталог.

Иногда, когда волонтёры гибли или наши убежища бывали разрушены, нам приходилось самим собирать утраченные сведения. Мы получили документы Жозефины Энуистл с озера Лакримозе и тщательно их скопировали. Мы сложили обгорелые обрывки архивной библиотеки Мадам Лулу и записали все, что обнаружили. Мы обыскали дом, где провёл своё детство мужчина с бородой, но без волос, и расспросили учительницу математики, которая учила женщину с волосами, но без бороды. Мы вызубрили наизусть важные статьи из подшивок полтривилльских газет и выбросили важные предметы из окон сожжённого штаба, чтобы потом найти их где-нибудь на морском дне. Каждое преступление, каждую кражу, каждую грубость и каждый неблаговидный поступок, совершенный с начала раскола, мы свели в каталог, создав целую библиотеку злоключений. И поэтому в моем каталоге есть место всякой животрепещущей тайне.

Это дело всей моей жизни. И жизнь эта была непроста, зато содержательна.

— Вы не просто волонтёр, — сказала Вайолет. — Вы библиотекарь.

— Ах нет, в библиотечной иерархии я стою гораздо ниже, — скромно ответил Дьюи. — Ваши родители всегда шутили, что моя библиотечная деятельность протекает в глубоком подполье. Ведь каждый негодяй на свете спит и видит, как бы уничтожить все улики, поэтому мне пришлось как следует спрятать дело всей моей жизни.

— Но как же можно спрятать такой громадный каталог? — удивился Клаус. — Это все равно что спрятать слона. Ведь ваш каталог, наверное, размером с отель!

— Так оно и есть, — с хитрым видом кивнул Дьюи. — Честно говоря, мой каталог размером в точности с отель. Тютелька в тютельку.

Вайолет и Клаус отвели глаза от Дьюи, чтобы недоуменно переглянуться, но Солнышко смотрела не на библиотекаря и не на брата с сестрой, а на зеркальную поверхность пруда.

— !агА — сказала она, показывая маленькой рукой на спокойную гладкую воду.

— Именно, — подтвердил Дьюи. — Истина была у всех под носом — нужно только видеть чуть глубже поверхности. О том, что отель «Развязка» — наше последнее прибежище, знают и волонтёры, и негодяи, но никто ни разу не задался вопросом, почему его вывеска написана задом наперёд. Они приезжают в «акзявзаР» ьлэто, но подлинное убежище — каталог — надёжно спрятан на дне пруда, в подводных номерах — зеркальном

отражении отеля. И пусть враги сожгут здание дотла — главные тайны все равно уцелеют.

— Но если местонахождение каталога так важно таить от всех, зачем вы нам о нем рассказываете? — спросила Вайолет.

— Вам положено знать, — сказал Дьюи. — Вам пришлось скитаться по земле и стать свидетелями стольких злодеяний и собрать столько улик, сколько большинству людей не удаётся за всю жизнь. Улики и наблюдения, собранные в ваших записных книжках, станут, несомненно, ценнейшим вкладом в каталог. И кому, как не вам, можно со спокойной душой доверить самые важные тайны на свете? — Он посмотрел на пруд, а затем на каждого Бодлера по очереди. — Начиная с четверга вам больше не придётся скитаться по воле волн! — Дети понимали, что под словами «скитаться по воле волн» Дьюи имел в виду «Чувствовать себя одинокими и потерянными», и от этих слов у них на глаза навернулись слезы. — Надеюсь, вы согласитесь навсегда поселиться здесь. Мне нужен кто-то наделённый изобретательным воображением — он улучшит подводный дизайн каталога. Мне нужен кто-то наделённый исследовательским даром — он доведёт каталог до идеального состояния и сделает его самым точным на свете. И, разумеется, нам нужно будет питаться, а я слышал самые хвалебные отзывы о Солнышкиных кулинарных талантах.

— Эфхаристо, — потупилась Солнышко.

— Честно говоря, стряпня Хэла совершенно несъедобна, — с горькой улыбкой продолжал Дьюи. — Не понимаю, зачем ему понадобилось открывать ресторан в номере 954, когда в его распоряжении было столько удобных помещений. Невкусная пища в любом случае неприятна, но хуже невкусной индийской пищи, пожалуй, ничего не бывает.

— Хэл волонтёр? — спросил Клаус, вспомнив, что видела Солнышко, выполняя поручения посыльной.

— Некоторым образом, — ответил Дьюи, употребив выражение, которое здесь означает «Приблизительно». — Когда больница, где он работал, сгорела, моя коллега прибыла на место событий, чтобы каталогизировать все уцелевшие сведения. Хэл был в полнейшем отчаянии. От Хранилища Документов остался жалкий пепел, и Хэлу негде было жить. Моя коллега предложила ему должность в отеле «Развязка», и теперь он помогает нам в исследованиях и учится готовить. К сожалению, удаётся ему лишь первое.

— А Чарльз? — спросила Вайолет, вспомнив, что видел Клаус, когда работал посыльным.

— С тех пор как вы уехали с лесопилки, Чарльз искал вас повсюду, — ответил Дьюи. — Его заботит ваша судьба, Бодлеры,

хотя компаньон его ведёт себя непростительно и эгоистично. Вам, Бодлеры, пришлось видеть предостаточно мерзавцев, но вам повезло встретить предостаточно и благородных людей — таких же благородных, как вы сами.

— Не уверен, что мы такие уж благородные, — тихо проговорил Клаус, листая записную книжку. — Из-за нас произошли несчастные случаи на лесопилке. Из-за нас случился пожар в больнице. Отчасти из-за нас сгорела архивная библиотека Мадам Лулу. Из-за нас…

— Не надо. — Дьюи остановил Клауса, мягко положив ему руку на плечо. — Вы достаточно благородны, Бодлеры. В этом мире большего и желать нельзя.

Средний Бодлер склонил голову, прислонившись к библиотекарю, а его сестры прижались к нему, и все четыре волонтёра на миг безмолвно замерли в темноте. Из глаз сирот — всех четырёх — хлынули слезы, и, как часто случается, когда плачут в ночи, волонтёры и сами не знали, почему они плачут, хотя я-то знаю, почему я плачу, печатая эти строки на машинке, и плачу я вовсе не из-за того, что в соседней комнате один человек режет лук, и не из-за того, какое зловещее карри он намерен с этим луком приготовить. Я плачу потому, что Дьюи Денуман ошибался.

Нет, он не ошибался, когда говорил, что Бодлеры достаточно благородны, хотя, полагаю, многие бы с этим поспорили, особенно сидя в уютной комнате за карточной игрой или с хорошей книгой. Дьюи ошибался, когда говорил, что в этом мире нельзя желать ничего, кроме достаточного благородства, так как пожелать можно чего угодно. Можно пожелать вторую порцию торта, даже если нам ясно дали понять, что мы её не получим. Можно пожелать новую коробку акварельных красок, даже если нам скажут, что старую мы ещё не изрисовали и все краски в ней ссохлись и растрескались. Можно пожелать, чтобы в спальне у нас стоял аквариум с японской бойцовой рыбкой — тогда нам будет не так страшно долгими зимними ночами, — и можно пожелать такой фотоаппарат, который снимает даже в темноте, по понятным причинам он нам насущно необходим, и можно утром пожелать ещё один кусочек сахара в кофе, а вечером — ещё одну подушку под голову.

Желать можно справедливости, счастливого пути, маленьких кексиков и того, чтобы все солдаты на свете сложили оружие и вместе с нами бодро спели хором «Не уходи, побудь со мною», если это наш любимый романс. Но можно желать и вполне достижимых вещей — например, чтобы в скитаниях нам встретилось два-три человека, которые сказали бы, что мы

достаточно благородны, даже если это и не так. Молено пожелать, чтобы кто-нибудь сказал нам «Вы достаточно благородны» — и напомнил нам о добродетелях, которые мы позабыли или в которых усомнились.

Конечно, у большинства из нас есть родители и друзья, которые и говорят нам подобные слова, если нам случится проиграть турнир по бадминтону или не схватить знаменитого фальшивомонетчика, которого мы разоблачили на борту некоего катера. Но ведь родителей у бодлеровских сирот не было, а ближайшие друзья пребывали, можно сказать, на небесах — в автономном летучем доме, построенном на принципе нагретого воздуха, — и сражались с орлами и с ужасным негодяйским приспешником, у которого вместо рук были крюки, поэтому знакомство с Дьюи Денуманом и его утешительные слова были для сирот настоящим подарком.

Бодлеры стояли вокруг библиотекаря, благодаря его за этот подарок, а когда они услышали шум приближающегося автомобиля, то, оглянувшись, увидели, что такси привезло им ещё два подарка, и снова преисполнились благодарности.

— Бодлеры! — воскликнул знакомый голос.

— Бодлеры! — воскликнул другой знакомый голос.

Бодлеры всмотрелись в темноту и, различив две фигуры, не поверили своим глазам. На прибывших были необычные очки, сделанные из двух больших конусов, привязанных к голове длиннющими перепутанными верёвками. Такие очки превосходно скрывают лицо, но Бодлеры без труда узнали тех, кто бежал к ним, хотя и не видели их очень давно и были уверены, что не увидят больше никогда.

— Судья Штраус! — воскликнула Вайолет.

— Джером Скволор! — воскликнул Клаус.

— Наконец-то я нашла вас, — сказала судья и, сняв очки, промокнула глаза и обняла всех сирот по очереди. — Я боялась, что никогда больше вас не увижу. И как это я позволила этому скудоумному банкиру вас забрать? Никогда себе не прощу!

— А я никогда не прощу себе, что ушёл от вас, — сказал Джером, которому не повезло быть женатым на Эсме Скволор. — Плохой из меня опекун.

— А из меня вообще никакой, — сказала судья Штраус. — Когда вас увезли в том автомобиле, я сразу поняла, как виновата перед вами, а когда узнала о страшной судьбе доктора Монтгомери, то принялась вас искать. Потом мне довелось встретить и других людей, которые сражались с негодяями и мерзавцами этого мира, но мне так хотелось найти вас самой — хотя бы ради того, чтобы извиниться.

— И я хочу извиниться, — сказал Джером. — Как только я услышал о том, какая беда случилась с вами в Городе Почитателей Ворон, то начал собственное волонтёрское расследование. Волонтёры повсюду оставляли послания для Ж. С., и я думал, они адресованы мне…

— А я думала, они адресованы мне, — сказала судья Штраус.

— Но как же так? — удивилась Вайолет. — Ведь ваши инициалы вовсе не Ж. С.!

— Французск! — воскликнула Солнышко.

Старшие Бодлеры переглянулись. Их сестра, как всегда, была права: ведь по-французски Джерома звали Жером, а судью Штраус — Жюстис Строе.

— На свете очень много людей с инициалами Ж. С., — улыбнулась судья, — и мы причисляли себя к ним.

— Хотя я чувствовал себя самозванцем, — сказал Джером.

— Вы не самозванцы, — сказал Дьюи. — Вы волонтёры. — Он посмотрел на Бодлеров. — Эти люди оказали нам безмерную помощь, — сказал он, имея в виду «Сделали нам много хорошего». — Судья Штраус изложила подробности вашего дела другим судьям в Верховном Суде. А Джером Скволор провёл критическое исследование несправедливости и написал всеобщую её историю.

— Меня вдохновила супруга, — признался Джером, снимая Глазной Подкрепитель Видения. — Где бы я ни искал вас, Бодлеры, всюду натыкался на эгоистичные планы завладеть вашим состоянием. Я читал книги о несправедливости во всех библиотеках, где вы побывали, и в результате сам написал книгу. «Отвратительные и Лицемерные Аферисты-Финансисты» — книга о ненасытных негодяях, вероломных подругах, неумелых банкирах и всех прочих людях, из-за которых на свете столько несправедливости.

— Но что бы мы ни делали, — сказала судья Штраус, — мы не в состоянии исправить тот ущерб, который нанесли вам, Бодлеры.

— Судья права, — сказал Джером. — Нам следовало бы быть такими же благородными, как вы.

— Вы достаточно благородны, — сказала Вайолет, и её брат и сестра согласно кивнули, а судья и специалист по несправедливости снова их обняли.

Когда кто-то вас разочаровал, как судья Штраус и Джером Скволор — Бодлеров, продолжить знакомство с ним может оказаться трудным, даже если за истекшее время этот человек совершил тысячу добрых дел. Кое-кто станет твердить, что нужно прощать всех, даже того, кто безмерно вас разочаровал. Ещё кое-

кто скажет, что нельзя прощать никого и нужно хлопнуть дверью, как бы перед вами ни извинялись. Вторая из этих точек зрения сулит, несомненно, гораздо больше развлечений, но хлопать дверью всякий раз, когда вас кто- то разочарует, может быть утомительно, ведь все всех постоянно разочаровывают, а хлопать дверью каждую секунду не получится. Когда Бодлеры вспоминали, какой ущерб нанесли им оба Ж. С., у них возникало такое чувство, будто когда-то их ударили и синяк почти исчез, но трогать его ещё больно, и когда его трогаешь, то хочется хлопнуть дверью. Но тем вечером — или, точнее, тем ранним утром среды — сиротам не хотелось громко хлопать дверью отеля и будить безмятежно спящих негодяев. Сироты решили простить двоих Ж. С. и обнять их, несмотря на разочарование.

— Не хочу мешать вашей радостной встрече, — сказал Дьюи, — но у нас много дел, волонтёры. Как давным-давно сказал один из первых волонтёров, «хотя мальчишки бросаются в лягушек камнями понарошку, лягушки гибнут не понарошку, а по-настоящему».

— Кстати, о лягушках, — сказала судья Штраус. — К сожалению, вынуждена сообщить, что другую сторону пруда мне совсем не видно. Эти Глазные Подкрепители Видения прекрасно действуют при дневном свете, но после заката смотреть через солнечные очки — это как высматривать ворона, одиноко парящего в беспросветной ночи, а его-то мы и ищем.

— Мы ждём ворон, а не воронов, но в остальном судья Штраус совершенно права, — печально заметил Джером. — Мы не можем с уверенностью утверждать ни что вороны прибыли, ни что их задержали в пути.

— Мы даже не видим, не попалась ли в ловушку одна-единственная ворона и не упала ли сахарница в трубу, — сказала судья Штраус.

— В трубу? — переспросил Дьюи.

— Да-да, — кивнула судья Штраус. — Вы нам сказали, если враги застрелят ворон, они упадут на липучку для птиц.

— А если вороны упадут на липучку для птиц, — подхватил Джером, — то сахарница упадёт в прачечную, правда?

Дьюи с хитрым видом поглядел на пар, валивший из трубы, а затем на поверхность пруда.

— Создастся такая видимость, — сказал он. — Но если наши враги захватят сахарницу, это будет так же неприятно, как то, что они захватили медузообразный мицелий.

— Так значит, вы уже знаете, что негодяи задумали перестрелять ворон и захватить сахарницу?! — поразилась Вайолет.

— Да, — сказал Дьюи. — судья Штраус узнала, что в солярий на крыше доставили гарпунное ружье. Джером заметил, как из окна сауны в номере 613 вывесили липучку для птиц. А я дал Солнышку замок и велел закрыть прачечную в номере 025.

— Неужели вам известно обо всех негодяях, которые шныряют по отелю? — не меньше сестры поразился Клаус.

— Да-да, — сказала судья Штраус. — Мы обследовали всю деревянную мебель и взяли на учёт все круги, которые оставили своими стаканами люди, преступно пренебрегающие подставками. Негодяев в отеле, несомненно, очень много.

— Мицелий? — спросила Солнышко, поразившись лишь ненамного меньше, чем её брат и сестра.

— Да, — сказал Джером. — Нам стало известно, что Олаф получил в своё распоряжение несколько спор, которые были герметично закрыты в водолазном шлеме.

Бодлеры посмотрели на записную книжку в руках Клауса, а затем снова подняли глаза на библиотекаря.

— Мне кажется, наши сведения вряд ли окажутся такими уж ценными, — сказала Вайолет. — Ведь все тайны, с которыми мы столкнулись в отеле, уже разгаданы.

— Не важно, Бодлеры, — сказал Джером. — Олаф не отважится распространить медузообразный мицелий, если не заполучит сахарницу, а её он никогда не найдёт.

— Какие слова откроют Глагольно Перекрытый Вход, знаю только я, — сказал Дьюи, подталкивая детей обратно ко входу в отель. — На всем земном шаре нет ни одного негодяя, который был бы настолько начитан, чтобы отгадать их до четверга. А к этому времени все волонтёры представят суду свои исследования деятельности Графа Олафа и его сообщников, и его злодействам будет положен конец.

— Джером Скволор будет важным свидетелем, — сказала судья Штраус. — Его всеобщая история несправедливости поможет Верховному Суду вынести приговор.

— Суд? — спросила Вайолет.

— Свидетель? — спросил Клаус.

— Приговор? — сказала Солнышко.

Трое взрослых улыбнулись сначала друг другу, а затем Бодлерам.

— Об этом мы и хотели вам рассказать, — мягко сказал Дьюи. — Г. П. В. удалось составить и исследовать полный каталог преступлений Олафа. В четверг судья Штраус и другие члены Верховного Суда выслушают всех волонтёров до единого. Граф Олаф, Эсме Скволор и все прочие негодяи, собравшиеся в отеле, будут наконец отданы в руки правосудия.

— Вам больше никогда не придётся прятаться от Олафа и бояться, как бы кто-нибудь не украл ваше состояние, — сказал Джером.

— Нужно дождаться завтрашнего дня, Бодлеры, и нашим бедам конец, — сказала судья Штраус.

— Как говорит моя коллега, добро, потерпевшее временное поражение, сильнее победоносного зла, — сказал Дьюи.

«Не так!»

Бой часов возвестил, что уже час ночи, и Дьюи безмолвно взял за руку Вайолет, судья Штраус взяла за руку Клауса, а Джером Скволор нагнулся и взял за руку Солнышко, и трое взрослых повели троих сирот по ступеням, ведущим в отель, и прошли мимо такси, которое по-прежнему стояло на месте, урча двигателем, а за стеклом еле угадывалась фигура водителя. Взрослые улыбались детям, и дети улыбались им в ответ, но ведь Бодлеры не вчера родились — а здесь этот оборот означает «Были уже не настолько юны и неопытны, чтобы безоговорочно верить всему, что говорят некоторые люди». Если бы Бодлеры действительно родились вчера, они были бы достаточно неопытны, чтобы поверить, будто все их горести и вправду вот-вот закончатся, а Граф Олаф и его мерзкие приспешники предстанут перед Верховным Судом и будут приговорены к заслуженному наказанию за все свои неблагородные дела, сами же дети проведут остаток дней, вместе с Дьюи Денуманом работая над колоссальным подводным каталогом, и ради всего этого надо просто дожить до завтра. Но Бодлеры родились не вчера. Вайолет родилась за пятнадцать с лишним лет до этой среды, а Клаус — примерно два года спустя, и даже Солнышко, которая едва вышла из младенческого возраста, родилась не вчера. И вы тоже — если, конечно, я не впал в преступное заблуждение, а тогда добро пожаловать в мир, малютка, и поздравляю с тем, что вы столь рано обучились грамоте. Но если вы родились не вчера и читали все книги о жизни бодлеровских сирот, то вряд ли удивитесь, что счастью Бодлеров практически сразу был положен конец, поскольку в тот миг, когда детей провели сквозь облако пара, валившего из трубы, ко входу в отель «Развязка», а единственное «Не так!» растаяло в ночи, — в этот самый миг прибыл самый нежданный гость на свете. Этот гость стоял посреди вестибюля, театрально изогнув высокую тонкую фигуру, словно ждал восторженных аплодисментов публики, и вы не удивитесь, когда узнаете, какая татуировка была у него на щиколотке и что даже в сумраке вестибюля дети увидели эту татуировку сквозь дыру на носке. Вероятно, вы родились не вчера и вас не удивит, когда окажется, что знаменитый негодяй снова

— в предпоследний раз — вошёл в жизнь Бодлеров, и Бодлеры тоже родились не вчера и поэтому не удивились. Они родились не вчера, но когда Граф Олаф повернулся к ним и посмотрел на них своими сверкающими глазами, бодлеровские сироты пожалели, что вообще родились на свет.

Глава девятая

— Ха! — закричал Граф Олаф, указывая на бодлеровских сирот костлявым пальцем, но дети были рады, обнаружив в бочке дёгтя ложку мёда.

Ложка мёда в бочке дёгтя — это та малость, которая радует душу, когда все на свете идёт не так, например веточка душистой петрушки на бутерброде с протухшей рыбой или прелестный одуванчик в саду, поеденном зловредными козами. Проку от ложки мёда в бочке дёгтя, как вы сами понимаете, никакого, но тем не менее Бодлеры, хотя новая встреча с Олафом и преисполнила их ужасом и омерзением, были рады, обнаружив в бочке дёгтя ложку мёда: негодяй потерял интерес к своему новообретённому смеху. В последний раз сироты видели его на борту загадочной подводной лодки в форме осьминога, и тогда он взял себе в привычку смеяться странным смехом, полным фырканья, писка и всевозможных слов на букву Х. Но когда негодяй шагнул к детям и ко взрослым, стиснувшим им руки, было ясно, что смех он теперь предпочитал лаконичный — здесь это слово означает «Состоящий лишь из слова „Ха“».

— Ха! — вскричал он. — Так я и знал, что снова найду вас, сироты! Ха! И теперь вы в моих руках! Ха!

— И вовсе мы не в ваших руках, — сказала Вайолет. — Просто по воле случая мы оказались с вами в одной комнате.

— Это ты так думаешь, сирота, — оскалился Олаф. — К сожалению, тот, кто держит тебя за руку, — мой союзник. Давай-ка её сюда, Эрнест! Ха!

— Сами вы ха, граф, — сказал Дьюи. Голос у него был спокойный и твёрдый, но Вайолет почувствовала, как дрожит его рука. — Я не Эрнест, и я вам её не дам!

— Ладно, давай-ка её сюда, Франк! — сказал Олаф. — Стриглись бы, что ли, по- разному, в самом деле, а то никак вас не различишь!

— Я и не Франк, — сказал Дьюи.

— Не морочь мне голову! — зарычал Граф Олаф. — Я, знаешь ли, не вчера родился! Ты один из этих дурацких двойняшек! Уж мне ли не знать! Ведь это моими стараниями вас из всей семьи осталось только двое!

— В моем роду бывают не двойняшки, а тройняшки, — сказал Дьюи. — Я Дьюи Денуман.

При этих словах единственная бровь Графа Олафа изумлённо вздёрнулась.

— Дьюи Денуман? — пробормотал он. — Так он не выдумка!

А я-то всегда думал, будто вы мифический персонаж вроде единорогов или Джузеппе Верди.

— Джузеппе Верди не мифический персонаж! — возмутился Клаус. — Он композитор, автор опер!

— Тише, ты, знайка-зазнайка! — велел Олаф. — Когда взрослые спорят, дети должны помалкивать! А ну, взрослые, давайте-ка сюда сирот!

— Никто вам Бодлеров не сдаст! — сказала судья Штраус, стиснув руку Клауса. — По закону вы не имеете права притязать ни на них самих, ни на их состояние!

— Нельзя же хватать детей, словно мандарины с блюда! — воскликнул Джером Скволор. — Это несправедливо, и мы этого не допустим!

— О себе лучше подумайте, — прошипел Олаф, сощурив сверкающие глаза. — В этом отеле у меня повсюду союзники!

— И у нас тоже, — сказал Дьюи. — Многие волонтёры уже прибыли, а через несколько часов улицы будут запружены такси, на которых в отель съедутся честные и благородные люди.

— С чего вы так уверены, будто они честные и благородные? — спросил Граф Олаф. — Такси везёт любого, кто его вызовет.

— Эти люди — наши союзники! — яростно возразил Дьюи. — Они нас не подведут!

— Ха! — сказал Граф Олаф. — Никогда не полагайтесь на союзников. Меня предало столько союзников, что и не сосчитать. Между прочим, не далее как вчера меня провели Крюкастый и Фиона, помогли вам бежать, гнусные отродья! А потом они ещё раз меня провели и угнали подводную лодку!

— Мы можем положиться на наших друзей, а вы на своих не можете, — тихо сказала Вайолет.

— Да что ты говоришь? — спросил Граф Олаф и с алчной улыбкой шагнул к детям. — Неужели все ваши приключения так ничему вас и не научили? Все благородные люди предавали вас, Бодлеры. Только поглядите на тех идиотов, которые стоят рядом с вами! Судья, которая выдала Вайолет за меня замуж, человек, который вовсе от вас отказался, и библиотекарь-подпольщик, который тратит жизнь на высматривание и вынюхивание! Вот уж действительно — честные и благородные!

— Здесь находится Чарльз с лесопилки «Счастливые Запахи», — сказал Клаус. — Его заботит наша судьба.

— Здесь находится Сэр, — возразил Олаф. — Его ваша судьба не заботит. Ха!

— Хэл! — сказала Солнышко.

— Завуч Ниро и мистер Ремора, — продолжил Олаф, при

упоминании каждого мерзавца загибая грязные пальцы. — И ещё та пакостная репортёрша из «Дейли пунктилио», которая приехала сюда писать дурацкие статьи про мою коктейльную вечеринку. И дурацкий мистер По, который приехал несколько часов назад, чтобы расследовать ограбление банка. Ха!

— Они не считаются, — сказал Клаус. — Они вам не союзники.

— Всё равно что союзники, — ответил Олаф. — Они мне здорово помогли. И с каждой секундой к вам приближается все больше и больше моих единомышленников!

— И наших друзей, — сказала Вайолет. — Пока мы тут разговариваем, они летят над морем, и к завтрашнему дню их автономный летучий дом, построенный на принципе нагретого воздуха, сядет на крышу отеля.

— Только если они сумеют улизнуть от моих орлов, — с усмешкой заметил Граф Олаф.

— Сумеют, — сказал Клаус. — Мы же сумели улизнуть от вас.

— Вы — улизнули? Да что ты говоришь? — снова оскалился Олаф. — «Дейли пунктилио» полна репортажей о ваших преступлениях. Вы лгали. Вы крали. Вы бросали друзей в беде. Вы устраивали пожары. Ради того, чтобы улизнуть от опасности, вы снова и снова шли на подлость — как и все люди на свете. По-настоящему благородных людей в этом мире нет.

— Наши родители! — воскликнула Солнышко.

Граф Олаф, судя по всему, удивился, когда Солнышко высказалась, а потом наградил троих Бодлеров ухмылкой, от которой те передёрнулись.

— Ну конечно, этот библиотекарь-подпольщик не рассказал ту историю про ваших родителей и коробку отравленных дротиков, — протянул он. — Спросите-ка его, сироты! Спросите вашего мифического библиотекаря про тот вечер в опере!

Бодлеры повернули головы и посмотрели на Дьюи, который начал краснеть. Но не успели они ничего у него спросить, как раздвижные двери бесшумно раскрылись и из-за них донёсся ещё один голос.

— Не спрашивайте его об этом! — сказала Эсме Скволор. — У меня есть вопрос гораздо важнее!

Злодейская подруга с глумливым смешком вышла из лифта, стуча по полу серебряными сандалиями и шелестя листьями салата, приклеенными к голой коже. За ней выбежала Кармелита Спатс, на которой по-прежнему был наряд футбольно-ковбойски-супергероически-солдатской пиратки, а в руках — гарпунное ружье, которое доставила ей Вайолет. Следом из лифта появились ещё три человека. Сначала показался служитель из солярия на

крыше — по-прежнему в зелёных очках и длинном мешковатом халате. За ним вышел загадочный химик, который был в коридоре рядом с сауной, — тоже облачённый в халат, но в длинный белый, какие носят врачи и химики, и в хирургическую маску, — а последней покинула лифт прачка с длинными светлыми волосами и в мятом форменном платье. Бодлеры сразу узнали тех, кого заметили во время фланёрских наблюдений, но когда служитель снял мешковатый халат и стало видно его спину и горбик на плече, а химик снял хирургическую маску, но сделал это не рукой, а ногой, а прачка сняла длинный белый парик, но сделала это обеими руками, подняв их в точности одновременно, — сироты в очередной раз узнали приспешников Олафа.

— Хьюго! — воскликнула Вайолет.

— Кодетт! — воскликнул Клаус.

— Кевин! — воскликнула Солнышко.

— Эсме! — воскликнул Джером.

— А почему меня никто не приветствует? — обиженно завопила Кармелита, топнув ярко-синим сапожком.

Она вприпрыжку подбежала к Вайолет, которая заметила, что в ружье не хватает двух из четырёх длинных острых крюков. Для фланёра это наблюдение было бы просто важным, но для всякого читателя этой книги оно поистине ужасно, так как читатель, вероятно, вовсе не хочет знать, куда вонзятся оставшиеся гарпуны.

— Я футбольно-ковбойски-супергероически-солдатская пиратка! — рявкнула она на старшую Бодлер. — А ты всего-навсего кексолизка! А ну поприветствуй меня, а то я застрелю тебя из гарпунного ружья!

— Кармелита! — воскликнула Эсме, скривив губы, чтобы выразить потрясение. — Не направляй ружье на Вайолет!

— Эсме права, — сказал Граф Олаф. — Береги гарпуны. Они нам понадобятся.

— Да! — воскликнула Эсме. — Перед вечеринкой с коктейлями всегда столько хлопот, особенно если хочешь, чтобы она была самой модной на свете! Нужно надеть на кушетки чехлы и спрятать под ними наших союзников! Нужно поставить на рояль вазы с цветами и выпустить в фонтан электрических угрей! Нужно повесить под потолком вымпелы и волонтёров! Нужно организовать музыку, чтобы гости могли потанцевать, и перекрыть выходы, чтобы они не могли убежать! А главное — нужно приготовить модное угощение и смешать модные коктейли! Ведь еда и напитки — важнейший аспект любого общественного мероприятия, а наши модные рецепты…

— Важнейший аспект любого общественного мероприятия — это совсем не еда и напитки! — возмущённо перебил её Дьюи. — Это беседа!

— Это вам пора думать о побеге! — сказала судья Штраус. — Вашу вечеринку с коктейлями отменят, так как хозяин и хозяйка предстанут перед Верховным Судом!

— С тех пор как мы были соседями, вы ничуть не изменились — такая же дура, — сказал Граф Олаф. — Верховный Суд нам не помеха. И Г. П. В. нам не помеха. В этом отеле спрятаны споры самого смертоносного гриба на свете. Когда наступит четверг, споры вылетят из тайника и уничтожат всех и каждого! А я, наконец, смогу завладеть состоянием Бодлеров и всласть предаться всем злодействам, какие только ни выдумаю!

— Вы не посмеете применить медузообразный мицелий, пока сахарница у меня, — сказал Дьюи.

— Как мило с вашей стороны вспомнить о сахарнице, — сказала Эсме Скволор, хотя Бодлеры ясно видели, что это ничуть не кажется ей милым. — Мы как раз собирались вас о ней спросить.

— Сахарница? — вскинулся Граф Олаф, и глаза его ярко вспыхнули. — Где она?

— Уроды тебе скажут, — сказала Эсме.

— Это правда, начальник, — сказал Хьюго. — Может быть, я и простой горбун, но я видел, как Кармелита застрелила ворон из гарпунного ружья, которое дала ей Вайолет.

Судья Штраус в изумлении посмотрела на Вайолет.

— Так это ты дала Кармелите гарпунное ружье? — ахнула она.

— Э-э-э… да, — призналась Вайолет. — Я была вынуждена исполнять обязанности посыльной для маскировки.

— Гарпунное ружье не полагается давать негодяям, его нужно всячески от них оберегать, — сказала судья. — Почему же Франк тебя не остановил?

Вайолет вспомнила свой непостижимый разговор с Франком.

— Кажется, он пытался, — тихо сказала она. — Но мне пришлось отнести гарпунное ружье на крышу. Что же мне было делать?

— Я застрелила двух ворон! — похвасталась Кармелита Спатс. — А значит, графуля научит меня плеваться, как настоящую футбольно-ковбойски-супергероически-солдатскую пиратку!

— Не волнуйся, лапочка, — сказала Эсме. — Научит-научит. Правда, Олаф?

Граф Олаф вздохнул, словно у него были занятия и получше,

чем учить маленькую девочку выталкивать слюну изо рта.

— Да, Кармелита, — сказал он. — Я научу тебя плеваться.

Колетт встала в первую позицию, что здесь — и только здесь — означает «Шагнула вперёд и затейливо изогнулась».

— Даже женщина-змея вроде меня понимает, как повернулись события после того, как Кармелита подстрелила ворон, — сказала она из-под локтя. — Вороны упали прямо на липучку для птиц, которую Клаус вывесил из окна.

— Так это ты вывесил липучку для птиц из окна? — спросил Джером у среднего Бодлера.

— Мне велел Эрнест, — сказал Клаус, поняв наконец, с кем из управляющих он разговаривал в сауне. — Пришлось послушаться для маскировки.

— Нельзя же слушаться всех и каждого! — сказал Джером.

— А что мне было делать? — сказал Клаус.

— Когда вороны упали на липучку для птиц, они выронили сахарницу, — сказал Кевин, показывая, как это было, сначала одной рукой, а потом другой. — Куда она упала, я не видел ни правым глазом, ни левым, а видят они у меня, как ни горько об этом говорить, одинаково. Зато я видел, как Солнышко превращает дверь прачечной в Глагольно Перекрытый Вход.

— Ага! — воскликнул Граф Олаф. — Значит, сахарница упала в трубу!

— И все равно я не понимаю, зачем мне было переодеваться прачкой, — робко продолжил Кевин. — Я мог быть просто уборщиком и обошёлся бы без этого унизительного парика.

— А могли быть благородным человеком, — не сдержалась Вайолет, — и не шпионить за отважным волонтёром!

— А что мне было делать? — спросил Кевин и пожал обоими плечами, подняв их одинаково высоко.

— Самому стать волонтёром, — сказал Клаус, поглядев на своих бывших коллег по карнавалу. — Все вы могли бы теперь стоять за нас, а не помогать Графу Олафу строить козни.

— Разве я могу стать благородным человеком? — печально ответил Хьюго. — У меня же горб!

— А я — женщина-змея, — сказала Колетт. — Тот, кто способен так изгибаться, не может быть волонтёром.

— Г. П. В. нипочём не примет в свои ряды человека с равнодействующими руками, — сказал Кевин. — У меня на роду написано быть негодяем.

— Галиматья! — воскликнула Солнышко.

— Чушь! — сказал Дьюи, который сразу понял, что Солнышко имеет в виду. — У меня и у самого руки равнодействующие, а я сумел кое-чего добиться в жизни! Если вы и негодяй, это вовсе не

написано у вас на роду! Это ваш выбор!

— Хорошо, что вы так думаете, — сказала Эсме Скволор. — Сейчас вам самому, Франк, придётся сделать кое-какой выбор. А ну скажите мне, где сахарница, а не то пожалеете!

— Это не выбор, а я не Франк, — сказал Дьюи.

— Тогда сейчас вам самому, Эрнест, придётся сделать кое-какой выбор, — нахмурилась Эсме. — А ну скажите мне, где сахарница, а не то…

— Дьюи, — сказала Солнышко.

Эсме прищурилась на младшую Бодлер, и та заметила, что и ресницы у злодейской подруги тоже были накрашены серебряным.

— Че-го? — спросила Эсме.

— Точно-точно, — сказал Граф Олаф. — Он самый. Библиотекарь-подпольщик. Оказалось, он не мифический персонаж. Как Верди.

— Правда? — спросила Эсме. — Так значит, кто-то действительно каталогизировал все, что происходило между нами?

— Это дело всей моей жизни. В моем каталоге есть место всякой животрепещущей тайне, — подтвердил Дьюи.

— Тогда вы знаете все о сахарнице, — сказала Эсме, — и что у неё внутри. Вы знаете, как это важно и сколько жизней положено в поисках этого предмета. Вы знаете, как трудно было найти для него надёжное, безопасное и аккуратное вместилище. Вы знаете, что этот предмет значит для Бодлеров и что он значит для Сникетов.

Топнув сандалией, злодейская подруга приблизилась к Дьюи на шаг и вытянула серебряный ноготь — тот, на котором была буква С, — едва не вонзив его библиотекарю в глаз.

— И вы знаете, — ужасным голосом закончила она, — что он принадлежит мне!

— Уже нет, — ответил Дьюи.

— Беатрис украла его у *меня*! — завизжала Эсме.

— На свете есть вещи похуже воровства, — сказал Дьюи.

При этих словах злодейская подруга язвительно засмеялась библиотекарю в лицо, и у Бодлеров кровь застыла в жилах.

— Ещё бы, — сказала она и шагнула к Кармелите Спатс. Вытянув острый ноготь, тот, на котором была буква М, она передвинула ствол гарпунного ружья и нацелила его прямо в Дьюи. — А ну скажите мне, как открыть дверь, а не то эта маленькая девочка вас загарпунит!

— И никакая я не маленькая девочка! — противным голосом напомнила ей Кармелита. — Я футбольно-ковбойски-

супергероически-солдатская пиратка! А стрелять я не буду, пока графуля не научит меня плеваться!

— А ну делай, как говорят, Кармелита! — зарычал Граф Олаф. — Я уже купил тебе этот дурацкий наряд и лодку, чтобы промышлять в открытом бассейне. Немедленно цельсь в Дьюи!

— Научи меня плеваться! — возразила Кармелита.

— Цельсь в Дьюи!

— Научи меня плеваться!

— Цельсь в Дьюи!

— Научи меня плеваться!

— Цельсь!

— Плеваться!

— Цельсь!

— Плеваться!

Граф Олаф скрипуче взревел и вырвал гарпунное ружье у Кармелиты из рук, так что она шлёпнулась на пол.

— Никогда в жизни не буду учить тебя плеваться! — заорал злодей. — Ха!

— Милый! — ахнула Эсме. — Нельзя же нарушать обещание, которое мы дали этой прелестной девчушке!

— *И никакая я не прелестная девчушка!* — заверещала Кармелита. — *Я футбольно-ковбойски-супергероически-солдатская пиратка!*

— Ты избалованная малявка! — возразил Олаф. — Вот уж чего я в жизни не хотел — так это чтобы поблизости ошивалось это гнусное отродье! Пора вбить тебе ума в голову!

— Но ум сейчас не в моде! — сказала Эсме.

— А мне наплевать, что в моде и что не в моде! — заорал Олаф. — Мне надоела подруга, у которой один гламур на уме! С утра до вечера только и торчишь в соляриях на крышах, а всю работу сваливаешь на меня!

— Если бы я не была на крыше, — обиделась Эсме, — сахарница попала бы в лапы Г. П. В.! Кроме того, я охраняла…

— Что ты там делала, это не важно, — заявил Олаф. — Ты уволена!

— Ты не имеешь права меня увольнять! — зашипела Эсме. — Я увольняюсь по собственному желанию!

— Ладно, тогда ты уходишь по обоюдному согласию сторон, — проворчал Олаф, а затем, издав ещё одно лаконичное «Ха!», вскинул гарпунное ружье и прицелился в Дьюи Денумана. — Говорите, какие три фразы мы должны напечатать на замке, чтобы открыть Глагольно Перекрытый Вход и обыскать прачечную!

— В прачечной вы не найдёте ничего, кроме груды грязного

белья, нескольких стиральных и сушильных машин и некоторого количества крайне горючих химикалий, — ответил Дьюи.

— Может быть, вид у меня свежий и цветущий, но это не значит, будто я вчера родился! Ха! — прорычал Граф Олаф. — Если в прачечной ничего нет, зачем же вы превратили её дверь в Глагольно Перекрытый Вход?

— А если это просто приманка? — сказал Дьюи, но Вайолет по-прежнему чувствовала, как дрожит его рука.

— Приманка? — переспросил Олаф.

— У слова «приманка» несколько значений, — объяснил Дьюи. — Это может быть кусочек сыра в мышеловке или чучело утки или другого животного, которое привлекает живую особь. А может быть и предмет, с помощью которого отвлекают людей, например особый замок на двери комнаты, за которой нет некой сахарницы.

— Но если замок — это просто приманка, то почему бы тебе, подпольщик, не сказать нам, как её открыть? — оскалился Граф Олаф.

— Хорошо, — ответил Дьюи, по-прежнему с трудом сохраняя спокойствие. — Первое словосочетание — это медицинское описание состояния, в котором одновременно находятся все три младших Бодлера.

Все три младших Бодлера одновременно улыбнулись.

— Второе словосочетание — это оружие, из-за которого вы, Олаф, остались сиротой, — продолжал Дьюи.

Все три младших Бодлера одновременно нахмурились.

— А третье словосочетание — это знаменитый непостижимый вопрос в самом известном романе Ричарда Райта.

Сестры Бодлер одновременно в изумлении переглянулись, а затем с надеждой взглянули на Клауса, который медленно покачал головой.

— Мне некогда устраивать медицинское обследование Бодлеров и совать нос в известные романы! — закричал Олаф.

— Злодеям вечно некогда читать, — сказал Дьюи. — Отчасти поэтому они и становятся злодеями.

— Хватит мне ваших фокусов! — взревел Граф Олаф. — Ха! Если я не услышу в точности все слова, которые открывают дверь в прачечную, за то время, пока Эсме считает до десяти, я выстрелю из гарпунного ружья и разнесу вас в клочки! Эсме, считай до десяти!

— А вот и не буду считать до десяти, — надулась Эсме. — Я вообще больше ничего не буду для тебя делать!

— Я знал! Я знал, что ты снова станешь благородным человеком, Эсме! — воскликнул Джером. — Тебе незачем

расхаживать по ночам в неприличном бикини и угрожать библиотекарям-подпольщикам! Ты можешь встать на нашу сторону, под знамёна справедливости!

— Без крайностей, — сказала Эсме. — Если я хочу проучить приятеля, это не значит, что я собираюсь стать паинькой вроде тебя. Справедливость не в моде. Несправедливость в моде. И точка.

— Но в этом мире нужно делать то, что правильно, а не только то, что модно, — сказала судья Штраус. — Я понимаю ваше положение, Эсме. В ваши годы я несколько лет промышляла конокрадством, прежде чем поняла…

— Не желаю слушать ваши занудные рассказы, — зарычал Граф Олаф. — Мне нужны только три точные фразы, которые скажет нам Дьюи, а если нет, то, как только я произнесу «десять», судьбе будет угодно, чтобы он был застрелен из гарпунного ружья. *Раз!*

— Не надо! — воскликнула судья Штраус. — Во имя закона!

— *Два!*

— Не надо! — взмолился Джером Скволор. — Во имя несправедливости!

— *Три!*

— Прекратите! — приказала Вайолет, а её брат и сестра согласно кивнули.

Бодлеры, как, я полагаю, и вы сами, поняли, что стоящие рядом с ними взрослые не станут предпринимать абсолютно ничего, чтобы помешать Графу Олафу сосчитать до десяти и нажать курок гарпунного ружья, судья Штраус и Джером Скволор в очередной раз подведут их, как подводили уже столько благородных людей. Но ещё Бодлеры понимали, что, если их сейчас подведут, плохо будет не им, по крайней мере не сразу. Плохо будет Дьюи Денуману. И без дальнейших слов трое детей выпустили руки взрослых и встали перед библиотекарем-подпольщиком, заслонив его собой.

— Загарпунить этого человека вам не удастся, — сказал Клаус Графу Олафу, сам себе не веря. — Сначала вам придётся загарпунить нас.

— Или бросить оружие, — сказала Солнышко.

Дьюи Денуман, судя по всему, онемел от изумления, но Граф Олаф лишь перевёл презрительный взгляд с библиотекаря-подпольщика на троих детей.

— А почему бы мне вас не загарпунить? — сказал он, и глаза его ярко вспыхнули. — Когда речь идёт об убийствах, я проявляю поразительную гибкость! Ха! *Четыре!*

Вайолет шагнула к Графу, нацелившему гарпун прямо ей в

грудь.

— Бросайте оружие, Олаф, — сказала старшая Бодлер. — Неужели вы пойдёте на такое злодейство?

Граф Олаф моргнул, но ружье не опустил.

— Конечно, пойду, — сказал он. — Если этот подпольщик не скажет мне, как раздобыть сахарницу, я нажму на курок, кто бы передо мной ни стоял! Ха! *Пять!*

Клаус тоже шагнул вперёд и оказался рядом с сестрой.

— У вас есть выбор, — сказал он. — Вы можете решить не нажимать на курок!

— А ты можешь решить погибнуть от гарпуна! — закричал Граф Олаф. — *Шесть!*

— Пожалуйста! — взмолилась Солнышко, присоединяясь к брату и сестре.

Негодяй не шевельнулся, но трое Бодлеров, встав плечом к плечу, подходили все ближе и ближе к гарпунному ружью, все время закрывая собой Дьюи.

— *Семь!*

— *Пожалуйста,* — снова произнесла младшая Бодлер.

Бодлеры медленно, но уверенно шли навстречу гарпунам, и в тишине вестибюля были слышны лишь их шаги, не считая визгливого голоса Олафа, который выкрикивал следующие числа.

— *Восемь!*

Они подошли ещё ближе.

— *Девять!*

Дети сделали последний шаг и молча положили руки на гарпунное ружье, которое даже сквозь белые перчатки было холодное как лёд. Они попытались выдернуть оружие из рук Графа Олафа, но их первый опекун держал его крепко, и несколько долгих секунд и дети, и взрослый молча и неподвижно стояли вокруг ужасного оружия. Вайолет глядела на крюкообразный наконечник гарпуна, притиснутый к её груди. Клаус глядел прямо перед собой — на ярко-красный курок, который мог податься в любой момент, а Солнышко глядела в сверкающие глаза Олафа, пытаясь высмотреть хоть малейший проблеск благородства.

— А что мне делать? — спросил негодяй таким тихим голосом, что дети даже не знали, верно ли они расслышали его слова.

— Отдайте ружье, — сказала Вайолет. — Судьбе не угодно, чтобы вы совершили это злодеяние.

— Отдайте ружье, — сказал Клаус. — Судьбе не угодно, чтобы вы были негодяем.

— La Forza del Destino, — сказала Солнышко, и больше никто

ничего не сказал. В вестибюле стало так тихо, что Бодлеры слышали, как Олаф набирает в грудь воздух, чтобы выкрикнуть слово «десять».

Но тут все внезапно услышали другой звук, а именно очень громкий кашель, — и в одно мгновение все изменилось, как часто бывает в этом жестоком мире. В одно мгновение можно зажечь спичку и запалить пожар, который унесёт бесчисленное множество жизней. В одно мгновение можно вынуть пирог из духовки и предложить десерт бесчисленному множеству гостей — если, конечно, пирог очень велик, а гости не очень голодны. В одно мгновение можно поменять несколько слов в стихотворении Роберта Фроста и посредством Гармонически-Поэтической Версификации передать сообщение союзникам, и в одно мгновение можно понять, где спрятан определённый предмет, и решить, пойти ли его раздобыть или пока оставить в тайнике, где его никогда не найдут и постепенно забудут о нем — все, кроме нескольких крайне начитанных и крайне отчаявшихся людей, о которых, в свою очередь, тоже все постепенно забудут, и так далее, и так далее, и так далее, и ещё несколько и так далее. Все это может произойти в одно мгновение, словно одно мгновение — это бездонная бочка, в которой надёжно, безопасно и аккуратно сокрыто множество животрепещущих тайн, например животрепещущие тайны отеля «Развязка» или громадного подводного каталога, спрятанного за его подёрнутым рябью отражением. Но в это конкретное мгновение бодлеровские сироты услышали кашель, не менее знакомый, чем громкий, и в это мгновение Граф Олаф повернул голову посмотреть, кто идёт, и поспешно сунул гарпунное ружье в руки Бодлерам, как только увидел человека в пижаме, сплошь расписанной изображениями денежных купюр, и с изумлённым выражением лица. В это мгновение Бодлеры вцепились в ружье, чувствуя его массивную мрачную тяжесть, и в это же мгновение ружье выскользнуло у них из рук и загремело, ударившись о зелёный деревянный пол, и в это мгновение они услышали «клац!» красного курка, и в это мгновение предпоследний гарпун со свистящим шелестом вылетел из ствола и, промчавшись по громадному вестибюлю под куполом, нашёл свою жертву — а здесь это выражение означает «Убил одного из находившихся в вестибюле».

— Что здесь происходит? — сурово спросил мистер По, поскольку судьбе было угодно, чтобы это не он погиб, пронзённый гарпуном, по крайней мере не в ту ночь со вторника на среду. — Мне в 174-м номере было прекрасно слышно, что здесь спорят. Так что же… — И в это мгновение он остановился и в ужасе уставился на троих сирот. — Бодлеры! — ахнул он.

И не он один ахнул. Вайолет тоже ахнула, и Клаус ахнул, и Солнышко ахнула, и судья Штраус и Джером Скволор ахнули, и Хьюго, Колетт и Кевин — которые привыкли к жестокости ещё во время работы на карнавале и в качестве подручных негодяя — ахнули, и Кармелита Спатс ахнула, и Эсме Скволор ахнула, и даже Граф Олаф ахнул, хотя негодяи обычно не ахают, разве что раскрыв животрепещущую тайну или от очень сильной боли. Но громче всех ахнул Дьюи Денуман — громче даже, чем двойное «Не так!», которое разнеслось по отелю, когда часы пробили два. «Не так! Не так!» — прогремели часы, но все Бодлеры услышали полное боли, задыхающееся «ах!», и Дьюи начал пятиться к выходу, прижав одну руку к груди, а другой схватившись за хвост гарпуна, торчавшего из его тела под странным углом, словно коктейльная соломинка или отражение тощей руки Дьюи.

— Дьюи! — закричала Вайолет.

— Дьюи! — закричал Клаус.

— Дьюи! — закричала Солнышко, но библиотекарь-подпольщик не ответил и, пошатываясь, вышел из отеля.

Некоторое время дети от потрясения не могли двигаться и лишь смотрели, как он исчезает в облаке дыма, валившего из трубы прачечной, но потом, услышав донёсшийся со стороны пруда всплеск, помчались по ступеням. Однако когда Бодлеры добежали до Дьюи, он уже тонул, и от трепещущего тела по поверхности пруда бежали круги. Иногда говорят, будто мир — это тихий омут и будто совершить даже самый крошечный поступок — это все равно что бросить в этот омут камень, пустив по воде круги во все стороны, и поэтому даже незначительное деяние меняет целый мир, но Бодлерам невыносима была самая мысль о незначительном деянии красного курка и о том, как изменился мир в одно мгновение. Думать об этом они не стали, а подбежали к краю пруда как раз тогда, когда библиотекарь-подпольщик начал тонуть. Клаус схватил его за одну руку, Солнышко за другую, а Вайолет стала гладить его по лицу, как будто утешая плачущего.

— Все будет хорошо! — закричала Вайолет. — Только дайте мы вытащим вас из воды!

Дьюи покачал головой и страшно нахмурился, как будто пытался говорить, но не мог найти слов.

— Вы поправитесь, — сказал Клаус, хотя и из прочитанных книг об ужасных событиях, и по собственному ужасному опыту знал, что это попросту неправда.

Дьюи снова покачал головой. Теперь над поверхностью пруда осталась лишь его голова и дрожащие руки. Его тела и гарпуна детям видно не было, и это можно считать ложкой мёда в бочке

дёгтя.

— Мы вас подвели, — сказала Солнышко.

Дьюи ещё раз покачал головой, на сей раз очень яростно, чтобы показать, насколько он не согласен. Он открыл рот и, вытащив руку из воды, указал за спины Бодлеров в тёмное-тёмное небо и выдавил то единственное слово, которое ему хотелось произнести сильнее всего.

Глава десятая

— О моя Кит, — произнёс он наконец и, выскользнув из бодлеровских рук, исчез в темной воде, и сироты в одиночестве оплакали своё погибшее будущее и бесконечную злобу мира.

Глава десятая

— Что это было? — послышался чей-то голос.

— Как будто стреляли из гарпунного ружья! — воскликнул другой голос.

— Из гарпунного ружья? — третий голос. — Здесь отель, а не тир!

— Я слышал всплеск! — крикнул кто-то.

— И я! — крикнул ещё кто- то. — Как будто кто-то упал в пруд!

Бодлеровские сироты посмотрели на почти уже успокоившуюся гладь пруда и увидели отражения ставней и окон, которые распахивались на каждом этаже отеля «Развязка». Загорались огни, появлялись силуэты людей, которые вывешивались из окон и показывали на плачущих детей, но сироты от горя не обращали внимания на весь этот гвалт.

— Что за гвалт? — спросил ещё один голос. — Только я заснула!

— Прямо посреди ночи! — возмутился ещё кто-то. — Почему все вопят?

— А я вам скажу, почему все вопят! — завопил кто-то в ответ. — Кого-то застрелили из гарпунного ружья и сбросили в пруд!

— Ложился бы ты спать, Брюс, — сказал ещё кто-то.

— Какой может быть сон, когда убийцы разгуливают на свободе? — воскликнул другой постоялец.

— Аминь, брат! — сказал кто-то третий. — Совершено преступление, так что теперь наш долг оцепить эту местность прямо в пижамах — во имя справедливости!

— Мне все равно не уснуть! — пожаловался ещё один голос. — Из-за этой паршивой индийской кухни я даже лечь и то не смог!

— Эй, кто-нибудь, расскажите мне, что происходит! — послышался другой голос. — Читатели «Дейли пунктилио» хотят быть в курсе последних новостей!

При звуке голоса Джеральдины Жюльен и воспоминании о её лживых публикациях дети даже перестали плакать, хоть и ненадолго. Они понимали: сейчас следует отложить скорбь на потом — здесь эти слова означают «Оплакать смерть Дьюи Денумана в более подходящий момент» — и позаботиться, чтобы в газете напечатали правду.

— Произошёл несчастный случай! — крикнула Вайолет, не отводя глаз от поверхности пруда. — Ужасная трагедия.

— Погиб один из управляющих отелем, — сказал Клаус.

— Который? — спросил кто-то с верхнего этажа. — Франк или Эрнест?

— Дьюи, — сказала Солнышко.

— Никакого Дьюи не существует, — сказал Другой постоялец. — Это мифический персонаж.

— Он не мифический персонаж! — возмутилась Вайолет. — Он биб…

Клаус дотронулся до руки сестры, и Вайолет умолкла.

— Каталог Дьюи — это тайна, — шепнул средний Бодлер. — Нельзя, чтобы о нем написали в «Дейли пунктилио».

— Но как же истина? — шепнула Солнышко.

— Клаус прав, — сказала Вайолет. — Дьюи просил нас сохранить тайну, и нельзя его подводить. — Она печально поглядела на пруд и вытерла слезы. — Хоть это мы можем сделать.

— Какое, оказывается, печальное событие! — сказал ещё кто-то. — Мы должны тщательно изучить обстановку, вмешиваясь в ход событий лишь тогда, когда это совершенно необходимо.

— Я против! — скрипуче проревел кто-то другой. — Мы должны немедленно вмешаться, а изучать обстановку будем лишь тогда, когда это станет совершенно необходимо!

— Надо вызвать полицию! — воскликнул кто-то ещё.

— Надо вызвать управляющего!

— Надо вызвать посыльного!

— Надо вызвать мою мамочку!

— Надо поискать улики!

— Надо поискать оружие!

— Надо поискать мою мамочку!

— Надо поискать подозрительных типов!

— Подозрительных типов? — переспросил другой голос. — Но мы же в приличном отеле!

— Подозрительные типы в приличных отелях просто кишмя кишат, — заметил кто-то другой. — Я видел прачку в подозрительном парике!

— Я видел посыльного с подозрительным предметом в руках!

— Я видел такси с подозрительным пассажиром

— Я видел повара, который готовил подозрительную пищу!

— Я видел служителя, который держал огромную подозрительную лопатку!

— Я видел человека с подозрительным облаком дыма!

— Я видел младенца с подозрительным замком!

— Я видел управляющего в подозрительной форме!

— Я видел женщину в подозрительных листьях салата!

— Я видела мою мамочку!

— А я вообще ничего не вижу! — завопил кто-то. — Словно ворон, одиноко парящий в беспросветной ночи!

— А я кое-что вижу прямо сейчас! — воскликнул другой голос. — На краю пруда стоят трое подозрительных типов!

— Это они разговаривали с журналисткой! — закричал третий голос. — Они прячут свои лица!

— Наверное, они убийцы! — завизжал четвёртый голос. — Разве честные люди стали бы вести себя так подозрительно?

— Побежали-ка вниз, пока они не улизнули! — предложил ещё один гость.

— Ух ты! — заверещал другой голос. — Погодите, вот прочтут читатели «Дейли пунктилио» заголовок «ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО В ОТЕЛЕ „РАЗВЯЗКА“»! Это гораздо увлекательнее, чем просто несчастный случай!

— Психология толпы, — сказала Солнышко, вспомнив термин, которому её научил Клаус незадолго до того, как младшая Бодлер сделала свои первые шаги.

— Солнышко права, — сказал Клаус, вытирая слезы. — Толпа становится все разъярённые и разъярённые. Ещё немного — и они поверят, будто мы действительно убийцы.

— А может быть, так оно и есть, — тихо сказала Вайолет.

— Реникса! — решительно возразила Солнышко, что приблизительно означало «ерунда». — Несчастный случай!

— Да, несчастный случай, — сказал Клаус, — но по нашей вине.

— Отчасти, — поправила его Солнышко.

— Это не нам решать, — сказала Вайолет. — Мы должны вернуться в вестибюль и поговорить с судьёй Штраус и прочими. Они знают, как нам быть.

— Возможно, — сказал Клаус. — А возможно, пора бежать.

— Бежать? — спросила Солнышко.

— Бежать нельзя, — сказала Вайолет. — Если мы убежим, все решат, будто мы убийцы.

— А может быть, так оно и есть, — напомнил ей Клаус. — Все благородные люди, которые остались в вестибюле, уже нас подводили. Откуда мы знаем, что на этот раз все будет иначе?

Вайолет тяжело вздохнула, и вздох её прервался от слез.

— И куда нам бежать? — прошептала она.

— Куда угодно, — просто ответил Клаус. — Туда, где никто никогда не слышал ни про Графа Олафа, ни про Г. П. В. На свете наверняка есть и другие благородные люди, и мы их разыщем.

— На свете действительно есть и другие благородные люди, и они едут сюда, — сказала Вайолет. — Дьюи велел нам подождать

до завтра. По-моему, нужно остаться здесь.

— Завтра будет поздно, — возразил Клаус. — По-моему, надо бежать.

— О двух концах, — заметила Солнышко. Это означало «У обоих планов, насколько я понимаю, есть свои преимущества и недостатки». Но не успели её брат и сестра ничего ответить, как почувствовали, как над ними нависла тень, и, подняв глаза, увидели высокую тощую фигуру. Лица её дети в темноте не разглядели — лишь изо рта торчала тоненькая тлеющая сигарета.

— Такси не желаете? — спросил незнакомец, указывая на автомобиль, который привёз ко входу в отель судью Штраус и Джерома Скволора.

Дети переглянулись, а затем прищурились на таксиста. Им померещилось, что у него знакомый голос, — хотя, может быть, дело было в непостижимом тоне, который они с момента прибытия в отель слышали столько раз, что все казалось им одновременно и знакомым, и непостижимым.

— Пока не знаем, — немного помедлив, ответила Вайолет.

— Не знаете? — спросил таксист. — Когда вы видите человека в такси, то знаете, что он, скорее всего, едет по важному делу. У вас наверняка есть дела, которые нужно делать, и места, в которые нужно отправиться. Одна великая американская романистка написала, что в наши дни человек научился путешествовать быстрее, чем раньше, хотя она сомневается, научился ли он чему-то ещё. Может быть, если бы вы в эту минуту путешествовали, вы бы научились ещё чему-нибудь.

— У нас нет денег, — сказал Клаус.

— Вам не нужно тревожиться о деньгах, если вы те, кто я думаю, — сказал таксист и нагнулся поближе к Бодлерам. — Те ли вы, кто я думаю?

Дети снова переглянулись. Конечно, они не знали и знать не могли, кто этот таксист — волонтёр или враг, злодей или человек честный и благородный. Вообще говоря, незнакомец, который пытается заманить вас в автомобиль, может быть, разумеется, кем угодно, только не честным и благородным человеком, и, вообще говоря, человек, который цитирует великих американских романистов, может быть кем угодно, только не злодеем, и, вообще говоря, человек, который говорит, будто вам не нужно тревожиться о деньгах, или курит сигареты, это скорее всего нечто среднее. Но выражение «вообще говоря» было не для Бодлеров. Бодлеры в нерешительности стояли у входа в отель «Развязка», на краю пруда, скрывавшего великую тайну, а толпа постояльцев преисполнялась все более и более серьёзными подозрениями касательно ужасной трагедии, которая произошла

всего несколько минут назад. Дети подумали о Дьюи и вспомнили, как невыносимо страшно было смотреть, как он медленно тонет в пруду, и вдруг поняли, что не знают и знать не могут, кто же они сами — люди злые или добрые, — не говоря уж о загадочном незнакомце, который навис над ними.

— Не знаем, — сказала наконец Солнышко.

— Бодлеры! — послышался с лестницы резкий голос, за которым последовал приступ кашля, и сироты обернулись и увидели мистера По, который глядел на них, прикрывая рот белым платком.

— Что случилось? — спросил мистер По. — Где тот человек, которого вы загарпунили?

Бодлеры были так измучены и расстроены, что не стали даже оспаривать точку зрения мистера По.

— Он погиб, — сказала Вайолет, чувствуя, как на глаза опять наворачиваются слезы.

Мистер По снова закашлялся от изумления, а затем спустился со ступеней и встал перед детьми, за благополучие которых должен был отвечать.

— Погиб? — спросил он. — Как это случилось?

— Трудно сказать, — ответил Клаус.

— Трудно сказать? — нахмурился мистер По. — Но я же видел вас, Бодлеры. Вы держали оружие. Кто же, если не вы, может сказать, как это случилось?

— Анрибергсон, — сказала Солнышко, имея в виду «все не так просто, как кажется», но мистер По лишь покачал головой, словно с него было довольно.

— Идите-ка в отель, дети, — проговорил он с усталым вздохом. — Вынужден сказать, что я очень в вас разочарован. Когда я заведовал вашими делами, то сколько бы домов я для вас ни находил, всегда происходили ужасные вещи. А затем, когда вы решили сами заниматься своими делами, в «Дейли пунктилио» ежедневно стали печатать все новые и новые репортажи о ваших злодействах. И стоило мне снова вас найти, как я выясняю, что произошёл ещё один скверный инцидент — и опять погиб ваш опекун. Постыдились бы!

Бодлеры не ответили. Разумеется, Дьюи Денуман не был их официальным опекуном в отеле «Развязка», но он заботился о них даже тогда, когда они об этом не подозревали, и он изо всех сил старался защитить их от негодяев, которые шныряли вокруг их дома. И даже хотя он не был настоящим опекуном, но он был хорошим опекуном, и детям действительно было стыдно, ведь они были косвенно виновны в его нелепой смерти. Сироты молча ждали, пока мистер По справится с очередным приступом кашля,

а затем банкир положил им руки на плечи и подтолкнул детей ко входу в отель.

— Иногда говорят, что дети из разрушенных семей самой судьбой обречены на преступное будущее, — сказал мистер По. — Возможно, они правы.

— Наша судьба совсем не такая, — возразил Клаус, но возразил не очень-то уверенно, и мистер По лишь смерил его суровым и печальным взглядом и подтолкнул дальше.

Если когда-нибудь вас пытался подталкивать за плечо человек, который гораздо выше вас, то вы сами знаете, что это не самый приятный способ путешествовать, но Бодлерам было уже всё равно — так они расстроились и запутались. Они побрели вверх по ступеням, а банкир в своей уродливой пижаме плелся сзади, и лишь когда сироты дошли до облака пара, который по-прежнему застилал вход, им пришло в голову обернуться и посмотреть на загадочного незнакомца, который предложил их подвезти. К этому времени незнакомец уже скрылся в автомобиле, и дети, не зная, хороший он человек или нет, не знали и того, рады ли они его уходу или, наоборот, огорчены, и далее после долгих месяцев, посвящённых всякого рода исследованиям, и после долгих бессонных ночей, и после множества страшных дней, проведённых перед огромным прудом за бросанием в него камней в тщетной надежде, что кто-то заметит бегущие по воде круги, я так и не додумался, стоило ли Бодлерам радоваться его уходу или, наоборот, огорчаться. Я-то знаю, кто был этот человек, и я знаю, куда он отправился потом, и я знаю имя женщины, прятавшейся в багажнике, и название музыкального инструмента, аккуратно положенного на заднее сиденье, и ингредиенты бутерброда, засунутого в перчаточный ящик, и даже какой небольшой предмет лежал на переднем сиденье, ещё не успев просохнуть после того, как его вынули из тайника, но я не могу сказать вам, стали бы Бодлеры счастливее в обществе этого человека или даже лучше, что он уехал от двух сестёр и брата, поглядывая на них в зеркало заднего вида и стиснув в дрожащей руке салфетку с монограммой. Я-то знаю, что если бы Бодлеры сели в его такси, то горести, постигшие их в отеле «Развязка», не стали бы предпоследней передрягой в их жизни, так как впереди их ожидало бы множество новых горестных событий, для описания которых, вероятно, потребовалось бы ещё тринадцать книг, но я совсем не знаю, было бы это лучше для сирот, как и не знаю, было ли бы лучше для меня, если бы я решил закончить дело своей жизни, а не брался за расследование бодлеровской истории, и было ли бы лучше для моей сестры, если бы она решила остаться с детьми в отеле

«Развязка», а не ехала на водных лыжах к капитану Уиддершинсу, а впоследствии — на тех же водных лыжах — от него, и было ли бы лучше для вас, если бы вы сели в то такси, которое проехало мимо вас не так давно, и встретили собственные тридцать три несчастья, а не продолжали вести привычный образ жизни. Ничего нельзя знать наверняка. А если нельзя знать наверняка, приходится давать волю воображению, и я, дав волю воображению, предполагаю, что бодлеровские сироты были и в самом деле очень напуганы, когда вошли в отель и увидели целую толпу, поджидавшую их в вестибюле.

— Вот они! — взревел кто-то в дальнем конце зала.

Кто это был, дети не видели, поскольку в вестибюле было так же многолюдно, как и тогда, когда они впервые вошли в непостижимый отель. Но утром Бодлерам было даже странно идти по огромному залу под куполом и чувствовать, что в форме посыльных их никто не замечает, а на этот раз все до единого взгляда были нацелены прямо на них. Дети были потрясены, увидев великое множество знакомых лиц из каждой главы их жизни и много-много людей, которых они то ли знали, то ли нет. Все были в пижамах, ночных рубашках и другой подобной одежде, и все смотрели на Бодлеров, прищурясь из-за того, что пришлось встать посреди ночи. Наблюдать, как одеты люди по ночам, всегда интересно, однако можно найти и более приятные способы делать подобные наблюдения, нежели оказаться обвинёнными в убийстве.

— Это убийцы!

— Это не просто убийцы! — закричала Джеральдина Жюльен, одетая в жёлтую ночную сорочку и с шапочкой для душа на голове. — Это бодлеровские сироты!

По ночной толпе пробежала волна изумления, и дети пожалели, что не подумали надеть тёмные очки.

— Бодлеровские сироты? — закричал Сэр, на кармане пижамы которого были намалёваны краской буквы «С.З.», которые, по всей видимости, означали «Счастливые Запахи». — Помню-помню! Из-за них у меня на лесопилке произошло несколько несчастных случаев!

— Они не виноваты! — воскликнул Чарльз, который был одет в такую же пижаму, как и его компаньон. — Это все Граф Олаф!

— Граф Олаф — одна из их жертв! — воскликнула женщина, закутанная в ярко-розовый халат. Бодлеры узнали миссис Морроу, жительницу Города Почитателей Ворон. — Его убили в нашем городке!

— Это был Граф Омар! — напомнил другой житель этого города, мужчина по имени мистер Леско, который, судя по всему,

спал в тех же клетчатых брюках, в которых ходил днём.

— Я уверен, Бодлеры вовсе не убийцы! — сказал Джером Скволор. — Я был их опекуном и не сомневаюсь, что они дети вежливые и добрые!

— Если я правильно помню, они прекрасно учились, — добавил мистер Ремора, на голове которого был ночной колпак в виде банана.

— *Если я правильно помню, они прекрасно учились!* — передразнил его завуч Ниро. — Ничего подобного. Вайолет и Клаус завалили все контрольные, а Солнышко была худшей секретаршей в моей жизни!

— Я бы сказала, что они преступники, — сказала миссис Басс, поправляя паричок, — а преступников следует наказывать.

— Да! — сказал Хьюго. — Преступники — такие уроды, что их нельзя оставлять на свободе!

— Они не преступники, — твёрдо сказал Хэл. — Уж я-то знаю!

— И я знаю! — возразила Эсме Скволор. — Я должна сказать, что на них просто клейма негде ставить! — Её пальцы с длинными серебряными ногтями легли на плечо Кармелите Спатс, которая свирепо глядела на Бодлеров, когда мистер По провёл их мимо.

— По-моему, они даже хуже! — заявил какой-то коридорный.

— По-моему, они даже хуже, чем по- твоему! — воскликнул другой коридорный.

— По-моему, с виду они славные ребята! — сказал кто-то, кого дети не узнали.

— По-моему, с виду они отпетые мошенники! — сказал кто-то ещё.

— По-моему, с виду они благородные волонтёры! — сказал кто-то третий.

— По-моему, с виду они коварные негодяи!

— По-моему, с виду они посыльные!

— Одна из них с виду совсем как моя мамочка!

«Не так! Не так! Не так!»

Часы пробили три часа ночи, и вестибюль содрогнулся. Когда отзвуки последнего «Не так!» в огромном зале затихли, мистер По уже провёл детей через весь вестибюль к двери, помеченной цифрами 121, у которой их поджидал Франк или Эрнест с угрюмым выражением лица.

— Дамы и господа!

Дети обернулись и увидели судью Штраус — она встала на деревянную скамью, чтобы все ее видели, и захлопала в ладоши, призывая к вниманию.

— Прошу вас, успокойтесь! Не вам решать, виновны Бодлеры или нет!

— Сдаётся мне, это нечестно, — заметил человек в пижаме, расписанной изображениями лосося, плывущего против течения. — В конце концов, они разбудили нас среди ночи!

— Это дело будет рассмотрено в Верховном Суде, — продолжала судья Штраус. — Власти уже оповещены, и сюда едут другие судьи Верховного Суда. Заседание может начаться уже через несколько часов!

— А я думала, суд назначен на четверг, — сказала женщина в пеньюаре, украшенном танцующими клоунами.

— Благородным людям свойственно всегда прибывать заранее, — сказала судья Штраус. — Как только прибудут остальные благородные судьи, мы вынесем по этому делу — и по другим, не менее важным, — окончательный и бесповоротный вердикт.

По толпе пронёсся заинтересованный ропот.

— Правильно, — пробормотал кто-то.

— Правильно? — воскликнула Джеральдина Жюльен. — Да это просто восхитительно! Так и вижу заголовок: «Верховный Суд счёл Бодлеров виновными!»

— Никого нельзя считать виновным до окончания суда, — сказала судья Штраус и впервые поглядела сверху вниз на детей и ласково им улыбнулась. Эта улыбка была для них не более чем ложкой мёда в бочке дёгтя, но перепуганные Бодлеры улыбнулись в ответ.

Судья Штраус спустилась со скамейки и направилась к ним сквозь взволнованную толпу, а Джером Скволор шёл за ней.

— Не беспокойтесь, Бодлеры, — сказал Джером. — Судя по всему, вам не придётся дожидаться справедливого решения до завтра.

— Надеюсь, — сказала Вайолет.

— А я думал, судьям не разрешают судить знакомых, — сказал Клаус.

— В обычных обстоятельствах так оно и есть, — сказала судья Штраус. — Закон должен быть честным и беспристрастным. Но мне кажется, я способна быть честной и беспристрастной во всём, что касается Графа Олафа.

— Кроме того, в Верховном Суде есть ещё двое судей, — сказал Джером. — Мнение судьи Штраус — не единственное.

— Я доверяю моим коллегам, — сказала судья Штраус. — Я знаю их вот уже много лет, и всякий раз, когда я докладывала им о вашем деле, они выражали озабоченность. Но на время, пока мы их дожидаемся, я попросила управляющих выделить вам номер

121, чтобы укрыть от гнева толпы.

Франк или Эрнест без единого слова отпер дверь, а за ним оказалась та самая крошечная пустая кладовка, откуда Вайолет взяла гарпунное ружье.

— Нас запрут? — испуганно спросил Клаус.

— Ради вашей же безопасности, — ответила судья Штраус, — и только до суда.

— Да-да! — воскликнул голос, который дети не могли забыть. Толпа расступилась и пропустила Графа Олафа, который шагал к Бодлерам, победно сверкая глазами. — Заприте их! — сказал он. — Нельзя, чтобы по отелю разгуливали негодяи! Здесь собрались честные и благородные люди!

— Да что вы говорите! — воскликнула Колетт.

— Ха! — сказал Граф Олаф. — То есть конечно! Верховный Суд разберётся, кто тут благородный, а кто злодей. А пока запрём сирот в кладовку!

— Правильно! Правильно! — воскликнул Кевин, подняв в равнодействующем приветствии сначала одну руку, а потом другую.

— Они не единственные обвиняемые, — сурово сказала судья Штраус. — Вы, сэр, обвинялись во всякого рода кознях, и Верховный Суд интересует и ваше дело. Вас до начала суда запрут в номере 165.

Человек, который был не Франк, а Эрнест — или наоборот, — с суровым видом вышел из толпы и взял Олафа под локоть.

— Отлично, все по справедливости, — сказал Олаф. — С нетерпением ожидаю вердикта Верховного Суда. Ха!

Брат и сестры посмотрели друг на друга, а потом на толпу в вестибюле, встретив её ответный яростный многоликий взгляд.

Бодлерам не хотелось сидеть под замком в тесной каморке, под каким бы предлогом их туда ни заперли, и к тому же они не понимали, почему Граф Олаф рассмеялся при известии о том, что его будет судить Верховный Суд. Но сироты понимали, что спорить с толпой напрасно (здесь это слово означает «может навлечь на них новые бедствия»), и молча шагнули в кладовку. Джером и судья Штраус помахали им на прощание, а мистер По кашлянул, и то ли Франк, то ли Эрнест подошёл к двери запереть её. При виде управляющего дети вдруг подумали не о Дьюи, а об оставшихся его родственниках, вспомнив, как сами Вайолет, Клаус и Солнышко получили ужасное известие на Брайни-Бич и превратились в оставшихся родственников своих родителей.

— Простите нас, — сказала Солнышко, и управляющий поглядел на младшую Бодлер сверху вниз и моргнул.

Возможно, это был Франк, и он решил, будто Бодлеры

совершили что-то скверное, а возможно, это был Эрнест, и он решил, будто Бодлеры совершили что-то благородное, но так или иначе сиротам показалось, что управляющий удивился, услышав, как они просят прощения. На миг он замер, а затем еле заметно кивнул, но потом он запер дверь, и Бодлеры остались одни. Дверь 121-го номера оказалась на удивление толстой, и хотя под дверью отчётливо виднелась полоса света из вестибюля, гул толпы превратился в еле различимое жужжание, как будто поблизости вился пчелиный рой или работала какая-то машина. Сироты рухнули на пол, окончательно вымотавшись после тяжёлого дня и ужасной, ужасной ночи. Они сняли обувь и прижались друг к другу, стараясь устроиться поудобнее и послушать, как жужжит в вестибюле возбуждённая толпа.

— Что с нами будет? — спросила Вайолет.

— Не знаю, — ответил Клаус.

— Наверное, Клаус, надо было послушаться тебя и бежать, — сказала Вайолет.

— Наверное, теперь негодяев наконец отдадут в руки закона, — сказал средний Бодлер.

— Олафа или нас? — спросила Солнышко.

Разумеется, Солнышко хотела спросить, кто будет тот негодяй, которого отдадут в руки закона — Олаф или три Бодлера, — однако брат и сестра ничего не сказали. Вместо ответа старшая Бодлер наклонилась и поцеловала сестру в макушку, а Клаус наклонился и поцеловал в макушку Вайолет, а Солнышко повернулась сначала направо, а потом налево и поцеловала обоих. Если бы вы находились в вестибюле отеля «Развязка», вы бы не расслышали ни звука из-за толстой двери 121-го номера, но Бодлеры закончили разговор тяжким прерывистым вздохом и ещё теснее прижались друг к другу в крошечной каморке. А вот если бы вы были по другую сторону двери и сами прижались к ней, вы бы услышали тихие-тихие всхлипы — это бодлеровские сироты плакали, пока не уснули, не зная, что ответить на Солнышкин вопрос.

Глава одиннадцатая

Старинная пословица, созданная ещё до раскола, гласит, что широкой публике нельзя присутствовать при процессе изготовления сосисок и законов. В этом есть свой смысл, так как для изготовления сосисок берут различные части всевозможных животных и придают им такую форму, чтобы не стыдно было подать к завтраку, для изготовления законов берут различные части всевозможных мыслей и придают им такую форму, чтобы не стыдно было подать к завтраку, а широкая публика предпочитает за завтраком поглощать пищу и читать газеты и не иметь отношения ни к каким процессам.

Подобно большинству судов, Верховный Суд не был задействован в процессе изготовления законов, однако имел отношение к их толкованию, а это дело такое же непостижимое и запутанное, как и процесс их изготовления, и не предназначенное для посторонних глаз в той же степени, что и толкование колбасы. Если бы вам пришлось отложить эту книгу и отправиться к тому пруду, который теперь не отражает ничего, кроме небес и обгорелых балок, и если бы вам удалось найти потайной ход, который ведёт к подводному каталогу, который спустя столько лет все ещё цел и невредим, то вы смогли бы прочитать отчёт о крайне неудачной попытке толкования сосисок, которая привела к уничтожению важнейшего батискафа, и все потому, что я решил, будто сосиски на блюде выложены в виде буквы Е, но официант выкладывал их в виде буквы Ш, а также и отчёт о крайне неудачной попытке толкования закона, ради которого не стоило предпринимать столь далёкое путешествие, достаточно было прочитать оставшиеся главы этой книги. Если же у вас есть хоть малая толика здравого смысла, вы поняли бы, что нужно изо всех сил зажмуриться и не смотреть на подобные толкования, так как читать о них слишком страшно. Пока Вайолет, Клаус и Солнышко маялись за толстой дверью, что здесь означает «Пытались поспать урывками в 121-м номере, больше похожем на кладовку», — были сделаны все приготовления для заседания суда, во время которого три судьи Верховного Суда должны были истолковать законы и вынести решение о благородстве и коварстве Графа Олафа и Бодлеров, однако, когда детей разбудили резким стуком в дверь, они с удивлением узнали, что процесс толкования им видеть не положено.

— Держите повязки, — сказал один из управляющих, и сироты решили, что это Эрнест, поскольку он даже не пожелал им доброго утра.

— Зачем? — спросила Вайолет.

— На заседаниях Верховного Суда всем завязывают глаза, кроме, конечно, судей, — ответил управляющий. — Разве вы не слышали выражения «слепое правосудие»?

— Слышали, — кивнул Клаус, — но я думал, это значит, что правосудие должно быть честным и беспристрастным.

— По решению Верховного Суда это выражение следует понимать буквально, — сказал управляющий, — поэтому всем, кроме судей, ещё до начала заседания нужно завязать глаза.

— Чушики, — сказала Солнышко. Она имела в виду «Кажется, буквальное значение лишено смысла», однако её брат и сестра сочли за лучшее не переводить её реплику.

— Ещё я принёс вам чаю, — сказал управляющий и поставил перед детьми поднос с чайником и тремя чашками. — Я решил, что это подкрепит вас перед заседанием.

Управляющий имел в виду, что несколько глотков чаю дадут детям силы, столь необходимые для тяжких испытаний, и дети решили, что это, наверное, Франк, раз он оказал им подобную любезность.

— Вы так добры, — сказала Вайолет.

— Извините, что без сахара, — сказал управляющий.

— Ничего-ничего, — сказал Клаус и, быстро перелистав записную книжку, нашёл запись разговора с Кит Сникет. — «Чай должен быть горьким, словно полынь, и острым, словно шпага», — прочитал он.

Управляющий коротко и непостижимо улыбнулся Клаусу.

— Пейте чай, — сказал он. — Через несколько минут я зайду забрать вас на заседание.

Франк, если, конечно, не Эрнест, закрыл дверь и оставил Бодлеров одних.

— Почему ты процитировал слова Кит про чай? — спросила Вайолет.

— Я подумал — вдруг он использует шифр, — ответил Клаус. — И решил дать ему правильный ответ — вдруг что-нибудь да будет.

— Непостижимый, — заметила Солнышко.

— Здесь все непостижимое, — вздохнула Вайолет, наливая чаю брату и сестре. — Дошло до того, что я не могу отличить благородного человека от негодяя.

— Кит говорила, что единственный способ отличить негодяя от волонтёра — это за всеми наблюдать, — сказал Клаус, — но нам это совсем не помогло.

— Сегодня нас будет судить Верховный Суд, — сказала Вайолет. — Может быть, судьи нам помогут.

— Или подведут, — сказала Солнышко.

Старшая Бодлер улыбнулась и стала помогать Солнышку обуться.

— Жаль, родители не видят, как ты подросла, — сказала она. — Мама всегда говорила: тот, кто начал ходить, готов повидать мир.

— Вряд ли при этом она имела в виду кладовку в отеле «Развязка», — сказал Клаус и подул на чай, чтобы он быстрее остыл.

— Что она имела в виду, неизвестно, — сказала Вайолет. — Это ещё одна загадка, которую нам не разгадать.

Солнышко отпила чаю, который был и в самом деле горьким, словно полынь, и острым, словно шпага, хотя у младшей Бодлер пока имелось мало опыта по части металлического оружия и серебристых ароматических растений семейства сложноцветных, которые добавляют в некоторые тонизирующие напитки.

— Мамочка и папочка, — сказала она, помедлив, — и отравленные дротики?

У старших Бодлеров не оказалось времени на ответ, поскольку в дверь снова постучали.

— Допивайте чай, — велел не то Франк, не то Эрнест, — и завязывайте себе глаза. Скоро начнётся заседание.

Бодлеры поспешно последовали указаниям то ли волонтёра, то ли негодяя и быстро допили чай, завязали шнурки и закрыли глаза кусками ткани. В следующий миг они услышали, как дверь 121-го номера открылась и к ним шагнул либо Франк, либо Эрнест.

— Вы где? — спросил он.

— Тут, — ответила Вайолет. — Разве вы не видите?

— Нет, конечно, — ответил управляющий. — У меня тоже глаза завязаны. Берите меня за руку, и я отведу вас на суд.

Старшая Бодлер пошарила перед собой и нащупала большую грубую ладонь. Клаус взял за свободную руку Вайолет, а Солнышко — Клауса, и таким манером детей вывели из 121-го номера. Выражение «слепой слепца ведёт», как и выражение «слепое правосудие», обычно не понимают буквально, поскольку оно в простых словах обрисовывает сложную ситуацию, когда те, кто облечён властью, знают не больше тех, кем они руководят. Однако, как выяснили Бодлеры, пока их вели через вестибюль, если человек с завязанными глазами ведёт людей с завязанными глазами, ситуация оказывается столь же сложной. Детям из-за повязок ничего не было видно, а в зале стоял оглушительный гвалт, так как все искали знакомых, натыкались друг на друга, налетали на мебель и стены. Кто-то ткнул Вайолет в глаз корявым

пальцем. Ещё кто-то принял Клауса за некоего Джерри и страстно обнял, прежде чем понял свою ошибку. А кто-то третий наткнулся на голову Солнышка, решил, будто это расписная ваза, и попытался засунуть ей в рот зонтик. Бодлеры услышали, как, перекрывая гул толпы, часы пробили двенадцать настойчивых «Не так!» — и поняли, что проспали довольно долго. Уже настал полдень среды, а значит, до четверга, а с ним и до прибытия благородных друзей и союзников Бодлеров осталось совсем немного.

— Внимание! — Голос судьи Штраус послышался совсем близко и прозвенел над толпой, сопровождаемый стуком судейского молотка, при помощи которого судьи добиваются всеобщего внимания. — Внимание! Сейчас начнётся заседание! Прошу всех занять свои места!

— А как нам занять свои места, — спросил какой-то мужчина, — если мы их не видим?

— Пошарьте руками! — посоветовала судья Штраус. — Правее. Дальше. Дальше. Дальше. Даль…

— Ой!

— Не так далеко, — сказала судья. Вот! Садитесь! Остальные делайте, как он!

— А как же нам делать, как он, — спросил другой мужчина, — если мы его не видим?

— Можно подсмотреть? — спросил ещё кто-то.

— Ни в коем случае! — сурово ответила судья Штраус. — Наша система правосудия несовершенна, но другой у нас нет. Напоминаю, что три судьи Верховного Суда не завязывают себе глаза, и если вы станете подсматривать, то будете виновны в неуважении к суду! Кстати, слово «неуважение» означает принижение или отказ от признания достоинств…

— Я знаю, что значит слово «неуважение»! — сказал голос, который Бодлеры не узнали.

— Я разъяснила значение этого слова ради Бодлеров, — сказала судья Штраус, и дети склонили головы в том направлении, откуда доносился голос судьи, хотя сироты прекрасно знали, что означает слово «неуважение», с тех самых пор, когда Дядя Монти водил их в кино. — Бодлеры, три шага направо. Ещё три. Ещё один. Ага! Вот и ваша скамья. Садитесь, пожалуйста.

Бодлеры сели на одну из деревянных скамей, которые стояли в вестибюле, и услышали шаги управляющего, который оставил их одних и нырнул в толпу рассаживавшихся постояльцев. Наконец, судя по гулу, все так или иначе уселись, и после нескольких ударов молоточка и призывов к вниманию толпа

умолкла. Судья Штраус начала заседание.

— Добрый день, дамы и господа и все прочие слушатели, — сказала она. Ею голос доносился откуда-то спереди и справа от Бодлеров. — До сведения Верховного Суда дошло, что некие злодеяния остались безнаказанными и что злодейство продолжается и достигло настораживающих масштабов. Мы планировали провести заседание в четверг, однако после смерти мистера Денумана стало ясно, что в интересах правосудия и всех благородных людей суд должен состояться раньше. Мы выслушаем всех до единого свидетелей и раз и навсегда установим, кто несёт ответственность за вышеупомянутые злодеяния. Виновные будут переданы в руки властей, которые дожидаются нашего решения у входа в отель и обязаны следить, чтобы во время заседания никто не сбежал.

— Да, кстати, — добавил Граф Олаф, — после заседания все приглашаются на мою остромодную вечеринку с коктейлями! Я буду особенно рад состоятельным дамам!

— Это моя вечеринка! — зашипел голос Эсме Скволор. — Модным мужчинам — бесплатные подарки!

— Подарки всегда бесплатные, — сказал не то Франк, не то Эрнест.

— Тишина в зале! — сказала судья Штраус, постучав молоточком. — Мы будем обсуждать общественную справедливость, а не общественные мероприятия. А теперь прошу обвиняемую сторону встать и сообщить для протокола свои имена и род занятий.

Бодлеры, помедлив, поднялись.

— И вы тоже, Граф Олаф, — твёрдо сказала судья Штраус.

Деревянная скамья рядом с Бодлерами скрипнула, и они поняли, что знаменитого злодея тоже посадили на эту скамью и сейчас он стоит рядом с ними.

— Имя? — спросила судья.

— Граф Олаф, — ответил Граф Олаф.

— Род занятий?

— Антрепренёр, — ответил Олаф, употребив вычурное слово, которым называют тех, кто устраивает театральные представления.

— Признаете ли вы себя виновным? — спросила судья Штраус.

Дети подумали, что они так и слышат, как губы Графа Олафа трутся о его грязные зубы, растягиваясь в улыбке.

— Как можно, ваша честь, я несказанно невиновен, — заявил он, и по толпе, словно круги по поверхности пруда, пробежал ропот.

— Можете садиться, — сказала судья Штраус, постучав молоточком. — Теперь вы, дети. Имена?

— Вайолет Бодлер, — сказала Вайолет Бодлер.

— Клаус Бодлер, — сказал Клаус Бодлер.

— Солнышко Бодлер, — сказала Солнышко Бодлер.

Дети услышали скрип пера и поняли, что судья записывает все их слова.

— Род занятий?

Как отвечать на этот вопрос, Бодлеры не знали. Я думаю, вы понимаете, что в подобных обстоятельствах слово «занятия» обычно означает работу, но Бодлеры работали лишь урывками — здесь это выражение означает «У них было очень много разных занятий, но занимались ими сироты лишь короткое время и в крайне необычной обстановке». Правда, это слово может относиться и к тому, как человек вообще проводит досуг, но детям совсем не хотелось вспоминать все те ужасы, которые занимали их в последнее время. Бодлеры все думали и думали, и наконец каждый дал тот ответ, который казался ему подходящим.

— Волонтёр, — сказала Вайолет.

— Посыльный, — сказал Клаус.

— Ребёнок, — сказала Солнышко.

— Протестую! — сказал рядом Олаф. — Основное их занятие — быть сиротами или наследниками крупного состояния!

— Протест принят, — сурово сказала судья Штраус. — Признаете ли вы себя виновными, Бодлеры?

И на этот вопрос Бодлеры ответили не сразу. Судья Штраус не уточнила, в чем именно они виновны или невиновны, а нетерпеливый гул толпы заставлял их воздержаться от того, чтобы попросить судью пояснить свой вопрос. Разумеется, в целом Бодлеры считали себя невиновными, хотя, вообще говоря, они, как и все мы, были, конечно, повинны в некоторых поступках, которые никак нельзя назвать благородными. Но слова «вообще говоря» были к Бодлерам неприменимы. Из всех троих именно Клаусу удалось найти слова, которые позволяли наглядно сравнить виновность и невиновность бодлеровских сирот с виновностью и невиновностью человека, который заявил, будто он несказанно невиновен, и после паузы средний Бодлер ответил на вопрос судьи.

— Мы сравнительно невиновны, — сказал он, и по толпе снова побежали круги.

Дети снова услышали скрип пера судьи Штраус и бойкий голосок Джеральдины Жюльен.

— Так и вижу заголовок! — воскликнула та. — «ВСЕ НЕВИНОВНЫ!» Подождите, вот прочтут это читатели «Дейли

пунктилио»!

— Все виновны, — сказала судья Штраус. — По крайней мере, пока. А теперь есть ли в зале суда лица, располагающие свидетельствами и уликами, которые они хотели бы представить на рассмотрение суда? Прошу подойти к судьям!

В зале началось настоящее столпотворение, что здесь означает «Целая толпа людей с завязанными глазами ринулась представлять улики на рассмотрение трёх судей». Бодлеры сидели на скамье и слушали, как люди натыкаются друг на друга, стараясь представить Верховному Суду результаты своих исследований.

— Я представляю на рассмотрение газетные статьи! — объявил голос Джеральдины Жюльен.

— Я представляю на рассмотрение договоры о найме! — объявил Сэр.

— Я представляю на рассмотрение исследования окружающей среды! — объявил Чарльз.

— Я представляю на рассмотрение классный журнал! — объявил мистер Ремора.

— Я представляю на рассмотрение планы банковских хранилищ! — объявила миссис Басс.

— Я представляю на рассмотрение административные отчёты! — объявил завуч Ниро.

— Я представляю на рассмотрение деловые документы! — объявил Хэл.

— Я представляю на рассмотрение финансовые сметы! — объявил мистер По.

— Я представляю на рассмотрение уставные книги! — объявил мистер Леско.

— Я представляю на рассмотрение конституцию! — объявила миссис Морроу.

— Я представляю на рассмотрение карнавальные плакаты! — объявил Хьюго.

— Я представляю на рассмотрение анатомические схемы! — объявила Колетт.

— Я представляю на рассмотрение книги, — объявил Кевин. — И правой, и левой рукой!

— Я представляю на рассмотрение чистую бумагу, инкрустированную рубинами! — объявила Эсме Скволор.

— Я представляю на рассмотрение книгу о том, какая я замечательная! — объявила Кармелита Спатс.

— Я представляю на рассмотрение записную книжку! — объявил не то Франк, не то Эрнест.

— И я тоже! — объявил не то Эрнест, не то Франк.

— Я представляю на рассмотрение мою мамочку!

Этот последний голос оказался первым в параде голосов, который Бодлеры не узнали. Казалось, всем присутствующим в зале есть что представить на рассмотрение Верховного Суда, и Бодлеры почувствовали, как их накрывает лавина наблюдений, исследований и прочих свидетельств, часть из которых была реабилитирующей, — это слово здесь означает «Должна была доказать невиновность бодлеровских сирот», — а часть — осуждающей, и это слово заставляло детей дрожать при одной мысли о нем.

— Я представляю на рассмотрение фотографии!

— Я представляю на рассмотрение истории болезни!

— Я представляю на рассмотрение журнальные статьи!

— Я представляю на рассмотрение телеграммы!

— Я представляю на рассмотрение куплеты!

— Я представляю на рассмотрение карты!

— Я представляю на рассмотрение поваренные книги!

— Я представляю на рассмотрение бумажки!

— Я представляю на рассмотрение сценарии!

— Я представляю на рассмотрение обратные словари!

— Я представляю на рассмотрение любовные письма!

— Я представляю на рассмотрение либретто опер!

— Я представляю на рассмотрение словари синонимов!

— Я представляю на рассмотрение брачные лицензии!

— Я представляю на рассмотрение талмудические комментарии!

— Я представляю на рассмотрение завещания!

— Я представляю на рассмотрение каталоги аукционов!

— Я представляю на рассмотрение таблицы шифров!

— Я представляю на рассмотрение мифологические энциклопедии!

— Я представляю на рассмотрение меню!

— Я представляю на рассмотрение расписания паромов!

— Я представляю на рассмотрение театральные программки!

— Я представляю на рассмотрение визитные карточки!

— Я представляю на рассмотрение памятки!

— Я представляю на рассмотрение романы!

— Я представляю на рассмотрение пирожные!

— Я представляю на рассмотрение разрозненные улики, которые я не желаю систематизировать!

Наконец Бодлеры услышали оглушительное «Бум!» и победный голос Джерома Скволора.

— Я представляю на рассмотрение всеобщую историю несправедливости! — объявил он, и вестибюль наполнился

аплодисментами и шиканьем — так волонтёры и негодяи ответили на это известие.

Чтобы утихомирить толпу, судье Штраус пришлось довольно долго стучать молоточком.

— Прежде чем Верховный Суд рассмотрит эти свидетельства, — сказала судья, — мы просим каждого из обвиняемых выступить с речью, объясняющей их поступки. Излагать свою историю вы можете сколь угодно долго, лишь бы не упустить ничего важного. Сначала вы, Граф Олаф.

Негодяй поднялся, деревянная скамья снова скрипнула, и Бодлеры услышали вздох Графа Олафа и почувствовали его зловонное дыхание.

— Дамы и господа, — сказал он, — я настолько невероятно невиновен, что слово «невиновен» нужно написать крупными буквами у меня на лбу. Буква «Н» означает «Ничего плохого» — это про мои поступки. Буква «И» означает…

— «Невиновен» пишется иначе, — перебила его судья Штраус.

— При чем здесь олафография? Какая разница, как пишется? — заворчал Граф Олаф.

— Очень большая, — сурово сказала судья.

— Значит, «невиновен» пишется «О-Л-А-Ф», — заявил Граф Олаф, — и на этом моя речь кончается.

Скамья скрипнула — Олаф уселся обратно.

— Больше вы ничего не хотите сказать? — удивлённо спросила судья Штраус.

— Ага, — ответил Граф Олаф.

— Я велела вам не упускать ничего важного, — напомнила судья.

— На свете нет ничего важного, кроме меня, — упёрся Олаф, — а я совсем-совсем невиновен. В этой куче вещественных доказательств, не сомневаюсь, гораздо больше свидетельств моей невиновности, чем улик против меня.

— Ладно, — с сомнением сказала судья. — Теперь, Бодлеры, расскажите нам свою часть истории.

Бодлеры поднялись, пошатываясь, так как ноги у них дрожали от тревожных предчувствий, и снова оказалось, что они не знают, какие подобрать слова.

— Говорите, — ласково сказала судья. — Мы слушаем.

Бодлеровские сироты стиснули руки. Хотя о предстоящем суде детям сообщили всего несколько часов назад, они чувствовали себя так, словно всю жизнь ждали, когда им наконец будет можно встать и рассказать свою историю тем, кто будет их слушать. Хотя их история по большей части была изложена мистеру По и законспектирована в записной книжке Клауса и

сироты обсуждали её с тройняшками Квегмайр и с другими благородными людьми, которые повстречались им во время странствий, Бодлерам никогда не выпадала возможность рассказать её целиком — с того ужасного дня на Брайни-Бич, когда мистер По сообщил им страшную весть о гибели родителей, до этого самого часа, когда сироты предстали перед Верховным Судом, надеясь, что все негодяи в их жизни наконец-то будут переданы в руки закона. То ли им всегда было некогда рассказать свою историю так, как им хотелось, то ли история эта была так печальна, что они не решались посвятить кого бы то ни было во все её мрачные подробности. А может быть, Бодлерам просто не встретился человек, который выслушал бы их так же внимательно, как сделали бы это их родители. Стоя перед Верховным Судом, Бодлеры представляли себе лица отца и матери и выражение, которое появлялось на этих лицах, когда родители слушали рассказы детей. Иногда кто- то из младших Бодлеров рассказывал родителям какую-то историю, но что-то им мешало — телефонный звонок, вой сирены, доносившийся с улицы, или даже замечание брата или сестры. «Тише, — говорили тогда старшие Бодлеры, обращаясь к досадной помехе. — Тебе слова не давали», — и снова смотрели на того Бодлера, которого слушали, и кивком показывали, что можно говорить дальше. Но сейчас сиротам наконец-то дали слово, и они стояли плечом к плечу и, слушая поскрипывание скамьи, начали рассказ о своей жизни, который всю эту жизнь дожидался того, чтобы его рассказали.

— В общем, — сказала Вайолет, — однажды мы с братом и сестрой были на Брайни-Бич. Я обдумывала устройство, которое возвращало бы камушек, брошенный в океан. Клаус исследовал живность в лужах, оставшихся после отлива. А Солнышко увидела, что к нам идёт мистер По.

— Гм, — сказала судья Штраус, но это было вовсе не задумчивое «гм».

Вайолет решила, что судья говорит «гм» так же, как она сама говорила «гм» Франку или Эрнесту, — надеясь выдать это словечко за ответ.

— Продолжайте, — сказал глубокий низкий голос, принадлежавший кому-то из остальных судей. — Судья Штраус выражает задумчивость.

— Мистер По сказал нам, что был ужасный пожар, — продолжил Клаус. — Наш дом сгорел, а родители погибли.

— Гм, — снова сказала судья Штраус, но это было вовсе не сочувственное «гм». Клаус подумал, будто судья, вероятно, отхлебнула чаю, решив набраться сил, перед тем как выслушать

историю сирот.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал другой голос. Этот голос был очень хриплый, словно третий судья несколько часов кричал и теперь едва мог говорить. — Судья Штраус выражает сочувствие.

— Бильдунгсроман, — сказала Солнышко.

В её устах это означало «С того самого дня наша жизнь была непрерывным и ужасным процессом изучения всего несовершенства мира и загадочных тайн, сокрытых в каждом его уголке», но не успели её брат и сестра перевести её слова, как судья Штраус снова произнесла «гм», и это было самое странное «гм» из всех. Это было не задумчивое «гм», и сойти за ответ оно не могло, и сочувствия в нем не было ни на грош, и оно отнюдь не напоминало тот звук, который издаёт человек, решивший отхлебнуть чаю. Солнышку показалось, будто этот звук был похож на тот, который она слышала довольно давно, вскоре после того дня на Брайни-Бич, который дети начали описывать. Младшая Бодлер слышала, как тот же самый звук сорвался с её собственных губ, когда она висела на башне Графа Олафа в клетке, а рот у неё был заклеен липкой лентой. Солнышко ахнула, узнав этот звук, в тот самый миг, когда Вайолет узнала голос второй судьи, а Клаус узнал голос третьего. Бодлеры в панике нащупали руки друг друга.

— Что будем делать? — как можно тише спросила Вайолет.

— Подсмотр, — шёпотом ответила Солнышко.

— Если мы будем подсматривать, нас обвинят в неуважении к суду, — напомнил Клаус.

— Чего вы ждёте, сироты? — спросил глубокий низкий голос.

— Да-да, — сказал хриплый. — Продолжайте рассказ.

Но бодлеровские сироты понимали — продолжать рассказ они не смогут, сколько бы им ни пришлось дожидаться возможности это сделать. При звуке знакомых голосов им ничего не оставалось, кроме как снять повязки. Дети не беспокоились о том, что их обвинят в неуважении к суду, поскольку они знали: если те два судьи — именно те, кто они думают, значит, Верховный Суд не обладает никакими достоинствами, которые они могли бы принизить или отказаться признать, и поэтому без дальнейших разговоров сироты размотали чёрную ткань, которая закрывала им глаза, и посмотрели на судей.

Их ожидало ошеломляющее и обескураживающее зрелище. Прищурившись от яркого света, Бодлеры посмотрели прямо вперёд, туда, откуда доносились голоса судьи Штраус и двух остальных судей. Как выяснилось, дети смотрели на стойку посыльных, на которой громоздились все улики, в том числе

газетные статьи, договоры о найме, исследования окружающей среды, классный журнал, планы банковских хранилищ, административные отчёты, деловые документы, финансовые сметы, уставные книги, конституция, карнавальные плакаты, анатомические схемы, книги, чистая бумага, инкрустированная рубинами, книга о том, какая замечательная Кармелита Спатс, записные книжки, фотографии, истории болезни, журнальные статьи, телеграммы, куплеты, карты, поваренные книги, бумажки, сценарии, обратные словари, любовные письма, либретто опер, словари синонимов, брачные лицензии, талмудические комментарии, завещания, каталоги аукционов, таблицы шифров, мифологические энциклопедии, меню, расписания паромов, театральные программки, визитные карточки, памятки, романы, пирожные, разрозненные улики, которые кто-то не пожелал систематизировать, и чья-то мамочка — все свидетельства, которые Дьюи Денуман рассчитывал внести в свой каталог. При этом за стойкой явно не хватало судьи Штраус, а осмотрев вестибюль, Бодлеры поняли, что не хватает ещё одного человека, поскольку, кроме них, на деревянной скамье никого не было и виднелось лишь несколько круглых отпечатков, которые оставили своими стаканами люди, преступно пренебрегающие подставками. Дети лихорадочно оглядели толпу, которая слепо ожидала, когда же они продолжат рассказ, и наконец заметили Графа Олафа в дальнем конце вестибюля. При нем находилась и судья Штраус — Олаф зажал её голову у себя под мышкой, как носят зонтик, когда обе руки заняты. Впрочем, обе грязные руки Графа Олафа были свободны, однако в некотором смысле задействованы, а это слово здесь означает, что одной рукой негодяй залеплял судье Штраус рот липкой лентой — именно поэтому бедняжка не могла произнести ничего, кроме «гм», — а другой торопливо жал на кнопку вызова лифта. К стене, поближе к коварному злодею, было прислонено гарпунное ружье, и последний оставшийся гарпун зловеще поблёскивал.

Зрелище это было обескураживающее и ошеломляющее, однако Бодлеры были ещё больше обескуражены и ошеломлены, когда снова посмотрели на стойку посыльных. По обе стороны от неё, облокотившись на груду улик, сидели два негодяя, на которых дети так надеялись никогда больше не смотреть, негодяи столь мерзопакостные, что если я напишу их имена, то попросту не вынесу такого ошеломления и обескураживания. Мне остаётся лишь описать их как мужчину с бородой, но без волос, и женщину с волосами, но без бороды, однако для бодлеровских сирот взгляд на этих судей-злодеев был ещё одним шагом к познанию несовершенств этого мира.

Глава двенадцатая

Мужчина с бородой, но без волос поднялся, задев коленями звоночки, которые призывали бодлеровских сирот к исполнению обязанностей посыльных. Женщина с волосами, но без бороды нацелила на троих детей скрюченный палец, столь же грозный, как и она сама. Палец она сломала давным-давно во время спора по поводу игры в кости, но это другая история, изложение которой потребовало бы ещё по меньшей мере тринадцати томов, однако в истории Бодлеров этот палец сыграл лишь краткую роль, взбудораженно нацелившись на сирот.

— Бодлеры сняли повязки! — низким глубоким голосом воскликнула злодейка.

— Да-да! — хриплым голосом подхватил злодей. — Они виновны в неуважении к суду!

— Конечно! — звенящим от ярости голосом согласилась Вайолет. — Этот суд недостоин уважения!

— Двое из судей — прославленные негодяи! — объявил Клаус, перекрывая аханье толпы.

— Подсмотр! — крикнула Солнышко.

— Не сметь подсматривать! — крикнул мужчина с бородой, но без волос. — Все, кто осмелится подсматривать, будет передан в руки властей!

— Снимите повязки! — взмолилась Вайолет, обращаясь к толпе. — Граф Олаф прямо сейчас похищает судью Штраус!

— Гм!!! — закричала судья Штраус из-под липкой ленты, отчаянно пытаясь кивнуть.

— Судья Штраус кушает вкусную ириску! — нашлась женщина с волосами, но без бороды. — Вот почему она не говорит, а только гмыкает!

— Ничего она не кушает! — закричал Клаус. — Если среди публики есть хоть один волонтёр, пожалуйста, снимите повязку и помогите нам!

— Дети пытаются вас обмануть! — сказал человек с бородой, но без волос. — Не снимайте повязки!

— Да-да! — закричала женщина с волосами, но без бороды. — Они хотят, чтобы власти арестовали всех благородных людей!

— Чтодатода! — возмутилась Солнышко.

— Мне кажется, дети, возможно, говорят правду, — подумав, заметил Джером Скволор.

— Эти отродья — отъявленные лгуны! — бросила Эсме. — Они хуже моего бывшего приятеля!

— Я верю им! — сказал Чарльз и потянулся к повязке. — Они знают, кто такие негодяи!

— А я нет! — объявил Сэр. Есть ли на нем повязка, было непонятно, поскольку лицо его по-прежнему скрывалось за облаком дыма. — От них одни неприятности!

— Они говорят правду! — воскликнул, видимо, Франк, если не Эрнест.

— Они лгут! — воскликнул скорее всего Эрнест, хотя я полагаю, что это мог быть и Франк.

— Они хорошие ученики! — сказал мистер Ремора.

— Они паршивые секретарши! — сказал завуч Ниро.

— Они грабители! — сказала миссис Басс, повязка у которой целиком закрывала узенькую полумаску.

— Грабители? Ничего себе! — воскликнул мистер По. — Кто вам сказал?

— Они виновны! — воскликнул мужчина с бородой, но без волос.

— Они невиновны! — воскликнул Хэл.

— Они уроды! — завизжал Хьюго.

— Они излишне гибки! — завопила Колетт.

— Они правши! — заверещал Кевин.

— Они заголовки! — проскрежетала Джеральдина Жюльен.

— Они сейчас сбегут! — сказала женщина с волосами, но без бороды, и наконец-то прозвучала правда.

Вайолет, Клаус и Солнышко сразу поняли, что толпа не станет мешать Графу Олафу утащить судью Штраус из зала суда и что все собравшиеся в вестибюле подведут их, как подводили уже столь многие. И пока волонтёры и негодяи вовсю спорили, дети проворно и незаметно проложили себе путь от скамьи подсудимых к судье Штраус и Графу Олафу, который как раз схватился за гарпунное ружье. Если вам случалось хотеть на одно печенье больше, чем вам, по мнению окружающих, полагалось, то вы понимаете, как трудно действовать одновременно проворно и незаметно, но если у вас имеется столько же опыта, сколько у Бодлеров, по части увиливания от людей, которые на вас кричат, то вы прекрасно знаете: при надлежащей тренировке можно двигаться проворно и незаметно практически везде, в том числе и в громадном вестибюле под куполом, когда толпа вознамерилась вас изловить.

— Надо их поймать! — воскликнул чей- то голос из толпы.

— Чтобы поймать Бодлеров, нужен целый город! — завопила миссис Морроу. — Из-за повязок их не видно!

— А вдруг нас обвинят в неуважении к суду?! — завизжал мистер Леско. — Давайте лучше нащупаем выход из отеля, и

тогда они не сбегут!

— У входа дежурит полиция! — напомнил толпе мужчина с бородой, но без волос. — Бодлеры бегут к лифтам! Держите их!

— Только не ловите других людей, которые случайно окажутся возле лифтов! — добавила женщина с волосами, но без бороды, встревоженно глядя на Олафа.

Раздвижные двери лифта начали открываться, а Бодлеры проворно и тихо проталкивались сквозь толпу, которая слепо тыкалась во все стороны.

— Прочешите отель и приведите нам каждого, кто покажется вам подозрительным! — сказал злодей.

— Мы скажем вам, негодяи они или нет, — сказала злодейка. — Ведь сами вы не в состоянии вынести вердикт!

«Не так!»

Громадные часы отеля «Развязка», давно ставшие легендарными, провозгласили час, оглушительно пробив над целым вестибюлем слепцов, которые вели слепых, как раз в тот миг, когда Бодлеры добрались до лифтов. Граф Олаф уже затащил судью Штраус в кабинку и торопливо жал на кнопку закрывания дверей, но Солнышко сунула внутрь ногу и не давала дверям закрыться, а на такой поступок могут отважиться лишь очень храбрые люди.

Олаф нагнулся к Бодлерам и угрожающе зашептал:

— А ну отпустите меня, а то я всем скажу, где вы!

Однако угрожающе шептать умел не только Олаф.

— А ну впустите нас, а то мы всем скажем, где *вы!* — угрожающе зашептала Вайолет.

— Гм! — сказала судья Штраус.

Граф Олаф свирепо поглядел на детей, а дети свирепо поглядели на него, и наконец негодяй посторонился и впустил Бодлеров в лифт.

— Вниз? — спросил он, и дети растерянно заморгали. Они так хотели сбежать от толпы и добраться до судьи, что даже не подумали, куда им, собственно, направиться потом.

— Куда вы, — ответил Клаус.

— У меня куча дел, — сказал Олаф. — Ха! Сначала я направлюсь в подвал и заберу сахарницу. Ха! Потом я направлюсь на крышу и заберу медузообразный мицелий. Ха! Потом я направлюсь в вестибюль и отравлю грибком всех, кто там окажется. Ха! И наконец, я вернусь на крышу и сбегу, не замеченный властями.

— Не выйдет, — сказала Солнышко, и Олаф сердито взглянул на младшую Бодлер сверху вниз.

— Вот и твоя мама мне вечно твердила то же самое, — сказал

он. — Ха! Но однажды, когда мне было семь лет…

Двери лифта раздвинулись, так как он приехал в подвал, и негодяй умолк и быстро потащил судью Штраус в коридор.

— За мной! — позвал он Бодлеров.

Детям, конечно, хотелось следовать за этим страшным человеком не больше, чем захотелось бы втирать плавленый сырок в причёску, но они переглянулись и не знали, что им ещё делать.

— Вы не сможете забрать сахарницу, — сказала Вайолет. — Вам не открыть Глагольно Перекрытый Вход.

— Правда? — спросил Граф Олаф, останавливаясь у номера 025. На двери по-прежнему висел замок — точно так же, как тогда, когда его приделала Солнышко. — Этот отель — как огромная библиотека, — сказал негодяй. — А в библиотеке можно найти что угодно, если у тебя есть одна вещь.

— Каталог? — спросила Солнышко.

— Нет, — ответил Граф Олаф и прицелился в судью из гарпунного ружья. — Заложник.

С этими словами он протянул руку к судье Штраус и содрал с её рта липкую ленту — очень медленно, чтобы было как можно больнее.

— Вы мне поможете открыть эту дверь, — сообщил он пленнице с гнусной усмешкой.

— Не стану делать ничего подобного! — ответила судья Штраус. — Бодлеры помогут мне оттащить вас обратно в вестибюль, и там свершится правосудие!

— В вестибюле не свершится никакого правосудия! И нигде не свершится! — зарычал Граф Олаф.

— Вы уверены? — спросила судья Штраус и сунула руку в большой карман. Бодлеры с надеждой затаили дыхание — но надежда покинула их, когда они увидели, что же судья там прятала.

— «Отвратительные и Лицемерные Аферисты-Финансисты», — прочитала судья, подняв всеобщую историю несправедливости Джерома Скволора. — Здесь достаточно улик, чтобы упрятать вас за решётку до конца дней!

— Судья Штраус, — сказала Вайолет, — ваши коллеги по Верховному Суду — союзники Графа Олафа. Эти негодяи ни под каким видом не упрячут Олафа за решётку!

— Не может быть! — ахнула судья Штраус. — Я же знаю их много лет! Я сообщала им обо всех коллизиях вашей жизни, и они всегда выражали крайний интерес!

— Ещё бы не выражали, дура вы набитая, — сказал Граф Олаф. — Они передавали все эти сведения мне, чтобы я мог

поймать вас, сироты! Все это время вы мне помогали, сами об этом не зная! Ха!

Судья Штраус оперлась на узорчатую вазу, утирая слезы.

— Я снова подвела вас, Бодлеры, — сказала она. — Как бы ни старалась я вам помочь, я лишь навлекала на вас все новые опасности. Я думала, справедливость восторжествует, как только вы изложите свою историю Верховному Суду, но…

— Их история никого не интересует, — с язвительной усмешкой сказал Граф Олаф. — Даже если бы вы записали её всю до последней подробности, все эти ужасы никто и читать бы не стал. Я победил этих сирот — и всех тех, кто оказался настолько глуп или настолько благороден, что пытался мне помешать. В этом таится разгадка моей истории — или, как говорят французы, noblesse oblige.

— Denouement, — поправила его Солнышко. — Развязка.

Однако Олаф притворился, будто не слышит, и стал смотреть на замок.

— Этот недоумок-библиотекарь говорил, будто первая фраза — это медицинское описание состояния, в котором одновременно находятся все три младших Бодлера, — пробормотал он и повернулся к судье Штраус. — А ну говорите, что это, или приготовьтесь отведать гарпуна!

— Не дождётесь! — отчеканила судья Штраус. — Может быть, я и подвела этих детей, но Г. П. В. я не подведу! Чем бы вы мне ни грозили, сахарницы вам не видать!

— Я скажу вам первое словосочетание, — спокойно подал голос Клаус, и сестры уставились на него в ужасе. Судья Штраус поглядела на него в изумлении. Граф Олаф казался несколько озадаченным.

— Правда? — спросил он.

— Конечно, — сказал Клаус. — Все идёт именно так, как вы говорили, Граф Олаф. Благородные люди подвели нас — все до единого. И зачем нам тогда защищать сахарницу?

— Клаус! — воскликнули Вайолет и Солнышко, охваченные одним ужасом на двоих.

— Не надо! — воскликнула судья Штраус, которой пришлось переживать своё изумление в одиночку.

Граф Олаф снова принял несколько озадаченный вид, а затем пожал посыпанными перхотью плечами.

— Ладно, — сказал он. — И в каком таком состоянии находишься ты со своими сестрицами-сиротками?

— У нас аллергия на мятные карамельки, — ответил Клаус и быстро напечатал на замке: «А-Л-Л-Е-Р-Г-И-Я-Н-А-М-Я-Т-Н-Ы-Е-К-А-Р-А-М-Е-Л-Ь-К-И».

И тут же из недр механизма раздался приглушенный щелчок.

— Разогревается, — заметил Граф Олаф, радостно присвистнув. — Отойди, четырёхглазый! Второе словосочетание — это оружие, из-за которого я остался сиротой, так что это я и сам могу напечатать. «А-Т-Р-А-В»…

— Стойте! — закричал Клаус, не успел Олаф коснуться клавиш. — Это неправильно! Не бывает слов, которые так пишутся!

— Какая разница, как пишется? При чем здесь олафография? — взвился Граф Олаф.

— Очень большая! — возразил Клаус. — Скажите, из-за какого оружия вы остались сиротой, и я вам все сам напечатаю!

Граф Олаф улыбнулся Клаусу медленной улыбкой, от которой Бодлеры вздрогнули.

— Скажу, конечно, — произнёс он. — Отравленные дротики.

Клаус взглянул на сестёр и в угрюмом молчании напечатал: «О-Т-Р-А-В-Л-Е-Н-Н-Ы-Е-Д-Р-О-Т-И-К-И», отчего замок начал тихонько жужжать. Граф Олаф, сверкая глазами, смотрел на затрепетавшие провода, которые протянулись к краям двери, ведущей в прачечную.

— Работает, — заметил он и провёл языком по гнилым зубам. — Сахарница так близко, что у меня уже сладко во рту!

Клаус вытащил из кармана записную книжку и несколько минут внимательно её просматривал. Затем он повернулся к судье Штраус.

— Дайте мне, пожалуйста, эту книгу, — попросил он, показав на труд Джерома Скволора. — Третье словосочетание — это знаменитый непостижимый вопрос в самом известном романе Ричарда Райта. Ричард Райт — американский романист реалистического направления, сочинения которого посвящены расовой дискриминации. Скорее всего во всеобщей истории несправедливости должны быть цитаты из его романов.

— Не будешь же ты читать всю эту томину! — испугался Граф Олаф. — Толпа нас найдёт, не успеешь ты дойти до конца первой главы!

— Посмотрю в указателе, — ответил Клаус, — как я делал в библиотеке Тёти Жозефины, когда мы расшифровали её записку и обнаружили её убежище.

— Мне всегда было интересно, как тебе это удалось, — сказал Олаф, и прозвучало это так, словно он восхищался исследовательскими способностями среднего Бодлера. А указатель, как вам, не сомневаюсь, известно, — это список всего, что содержится в книге, со ссылками на те места, где об этом можно прочитать.

— Райт Ричард, — прочитал Клаус. — Непостижимый вопрос в романе «Родной сын», страница пятьсот восемьдесят один.

— Значит, на пятьсот восемьдесят первой странице, — объяснил Граф Олаф, что было совершенно излишне, а это здесь означает «Не было нужно никому из находившихся в коридоре».

Клаус поспешно пролистал книгу до нужной страницы и быстро её просмотрел, поблёскивая глазами из-под очков.

— Нашёл, — сказал он вполголоса. — И правда, очень интересный вопрос.

— Интересный-шминтересный! — завопил Граф Олаф. — А ну печатай!

Клаус улыбнулся и забарабанил по клавишам. Его сестры подошли поближе, и каждая положила руку брату на плечо.

— А почему? — спросила Солнышко.

— Солнышко права, — кивнула Вайолет. — Почему ты решил пустить Графа Олафа в прачечную?

Средний Бодлер напечатал последнее слово — это было слово «Н-Е-Б-О-С-К-Р-Е-Б-Ы» — и посмотрел на сестёр.

— Так ведь сахарницы там нет, — сказал он и распахнул дверь.

— Чего? — заорал Олаф. — Как это нет? Есть!

— К сожалению, Олаф прав, — сказала судья Штраус. — Вы же слышали, что сказал Дьюи. Когда ворон подобьют из гарпунного ружья, они упадут на липучку для птиц и уронят сахарницу в трубу…

— Якобы, — хитро усмехнулся Клаус.

— Хватит городить чушь! — закричал Граф Олаф, потрясая гарпунным ружьём, и зашагал в прачечную. Однако почти сразу же стало ясно, что средний Бодлер говорил правду. Прачечная отеля «Развязка» была очень маленькая, и помещалось в ней всего лишь несколько стиральных и сушильных машин, груды грязного постельного белья и несколько пластмассовых бутылок, в которых, по всей видимости, хранилось некоторое количество крайне горючих химикалий, как и говорил Дьюи. В углу, под потолком, виднелась толстая металлическая труба, по которой пар из машин выходил наружу, но не было никаких признаков того, что сахарница попала в эту металлическую трубу и вывалилась на деревянный пол прачечной. Граф Олаф с хриплым яростным рёвом принялся открывать и тут же захлопывать дверцы стиральных и сушильных машин, а потом подхватил груду грязного постельного белья и раскидал её по полу.

— Где она? — прорычал он, и из свирепо перекошенного рта полетели брызги слюны. — Где сахарница?!

— Тайна, — ответил Клаус. — Тайна, которую Дьюи Денуман

унёс в могилу.

Граф Олаф развернулся лицом к бодлеровским сиротам, которым никогда ещё не доводилось видеть его таким страшным. Никогда ещё не сверкали так ярко его глаза, и никогда ещё улыбка его не была такой извращённой — здесь это слово означает «Отмеченной столь сильной жаждой зла, что это казалось нездоровым». И при этом лицо его напоминало лицо Дьюи Денумана, когда он тонул, словно злоба негодяя причиняла ему самому ужасную боль.

— Он будет не последним волонтёром, которому суждено погибнуть сегодня, — произнёс Граф кошмарным шёпотом. — Я уничтожу в этом отеле всех до единого, и плевать мне на сахарницу. Я выпущу медузообразный мицелий, и все разом, и волонтёры, и негодяи, испустят дух в страшных мучениях. Союзники подводили меня не реже, чем враги, и мне не терпится от них избавиться. А тогда я столкну с крыши лодку и уплыву вместе с…

— Лодку с крыши сталкивать нельзя, — сказала Вайолет. — Она разобьётся из-за силы тяжести.

— Кажется, пора вносить силу тяжести в список моих врагов, — пробормотал Олаф.

— Я сниму вам лодку с крыши, — спокойно продолжала Вайолет, и брат с сестрой уставились на неё в ужасе. Судья Штраус поглядела на неё в изумлении. Даже Граф Олаф казался несколько озадаченным.

— Правда? — спросил он.

— Конечно, — сказала Вайолет. — Все идёт именно так, как вы говорили, Граф Олаф. Благородные люди подвели нас все, как один. У нас нет причин не помочь вам сбежать.

— Вайолет! — воскликнули Клаус и Солнышко, охваченные одним ужасом на двоих.

— Не надо! — воскликнула судья Штраус, которой пришлось переживать своё изумление в одиночку.

Граф Олаф все ещё выглядел несколько озадаченным, однако лишь поглядел на старшую Бодлер и пожал плечами.

— Ладно, — сказал он. — И что тебе для этого нужно?

— Несколько грязных простыней, — сказала Вайолет. — Я свяжу их вместе и сделаю парашютный тормоз, как в Мёртвых Горах, когда я остановила летевший с горы фургон.

— Мне всегда было интересно, как тебе это удалось, — сказал Олаф, и прозвучало это так, словно он восхищался изобретательскими способностями старшей Бодлер.

Вайолет вошла в прачечную и подобрала с пола несколько простыней, стараясь выбрать почище.

— Пойдём на крышу, — тихо сказала она. Брат с сестрой подошли к ней поближе, и каждый положил руку ей на плечо.

— А почему? — спросила Солнышко.

— Солнышко права, — кивнул Клаус. — Почему ты помогаешь Графу Олафу сбежать?

Старшая Бодлер посмотрела сначала на охапку простыней, а затем на брата с сестрой.

— Так ведь он возьмёт нас с собой, — сказала она.

— И с чего вдруг? — поинтересовался Олаф.

— Одному вам с лодкой не управиться, — хитро усмехнулась Вайолет, — а нам надо покинуть отель так, чтобы не заметила полиция.

— Дело говоришь, — сказал Олаф. — Ну и ладно, так или иначе вы окажетесь у меня в руках. Пошли.

— Рано, — сказала Солнышко. — Ещё одно.

Все уставились на младшую Бодлер, на лице у которой появилось непостижимое выражение. Даже брат и сестра не понимали, что она задумала.

— Ещё одно? — переспросил Граф Олаф, глядя на Солнышко сверху вниз. — Ну?

Старшие Бодлеры посмотрели на сестру и почувствовали, как по спине у них побежали мурашки — словно круги по воде. Пройти по жизненному пути, не совершив ни одного сколько-нибудь злодейского поступка, очень трудно — ведь прежде всего в мире столько злодейства. Когда на жизненном пути Бодлеров возникали непостижимые ситуации и сироты не знали, как поступить, детям часто казалось, что они чудом балансируют на вершине чего-то ужасно хрупкого и ужасно опасного и что если они не будут очень осторожны, то им предстоит падение с огромной высоты прямо в пропасть злодейства. Вайолет чувствовала, что чудом балансирует на этой хрупкой вершине, когда предложила Графу Олафу устроить побег, хотя и думала, будто делает это ради спасения своих брата и сестры и себя самой, а Клаус чувствовал, что чудом балансирует на этой хрупкой вершине, когда помогал Олафу отпереть дверь прачечной, хотя и знал — сахарницы там нет. И разумеется, все трое сирот чувствовали, что чудом балансируют на этой хрупкой вершине, когда думали о Дьюи Денумане и о том страшном мгновении, когда он погиб от оружия в их руках. Но когда Солнышко ответила на вопрос Графа Олафа, часы отеля «Развязка» дважды пробили «Не так!», и брат с сестрой задумались, не потеряли ли они равновесие и не летят ли они прочь от всех благородных людей на свете.

— Поджечь отель, — сказала Солнышко, и все бодлеровские

сироты почувствовали, что летят в пропасть.

Глава тринадцатая

— Ха! — каркнул Граф Олаф. — Приз в студию!

Он употребил выражение, которое здесь означает «Сдаётся мне, это предложение сулит поразительные развлечения и сладостные скандалы!» — хотя в подводном каталоге Дьюи Денумана содержится перечень из двадцати семи случаев, когда призы доставались Графу Олафу нечестным и обманным путём. С глумливой улыбкой он опустил ту руку, в которой не было гарпунного ружья, и погладил Солнышко Бодлер по голове.

— Как я погляжу, младшая сиротка все-таки пошла по моим стопам! Значит, не такой уж я плохой опекун! — закричал он.

— Вы вообще не опекун, — возразила Вайолет, — а Солнышко вообще не поджигатель. Моя сестра сама не знает, что говорит.

— Поджечь отель, — настойчиво повторила Солнышко.

— Тебе нехорошо, да, Солнышко? — заботливо спросил Клаус, заглядывая сестре в глаза. Он испугался, что медузообразный мицелий, который всего несколько дней назад угрожал жизни младшей Бодлер, скверно на неё повлиял. Клаус провёл исследование и придумал, как обезвредить зловредный грибок, но теперь ему показалось, что, быть может, он обезвредил его не до конца.

— Мне отлично, — ответила Солнышко. — Поджечь отель.

— Ах ты, моя цыпочка! — воскликнул Граф Олаф. — Да если бы Кармелите хоть чуточку твоих мозгов! Я так закрутился со всеми делами, что мне и в голову не пришло поджечь этот отель! Но даже если очень занят, не следует забывать о хобби!

— Ваши хобби, Граф Олаф, — попросту злодейство! — сказала судья Штраус. — Даже если Бодлеры решили принять участие в ваших кознях, я сделаю все, что в моей власти, и не допущу этого!

— Нет у вас никакой власти, — осклабился Граф Олаф. — Ваши коллеги-судьи — мои союзники, ваши коллеги-волонтёры болтаются по вестибюлю с завязанными глазами, а у меня гарпунное ружье!

— А у меня всеобщая история несправедливости! — воскликнула судья Штраус. — Ведь должна же эта книга на что-то сгодиться!

Негодяй не стал спорить, а просто нацелил на судью оружие.

— Давайте, сиротки, разводите огонь в прачечной, — сказал он, — а я тут позабочусь, чтобы судья Штраус нам не помешала.

— Есть, сэр, — сказала Солнышко и протянула руки брату и

сестре.

— Не смейте! — закричала судья Штраус.

— Зачем ты это делаешь, Солнышко? — спросила сестру Вайолет. — Ведь ты причинишь вред невинным людям!

— Почему ты помогаешь Графу Олафу сжечь это здание? — закричал Клаус.

Солнышко оглядела прачечную и подняла глаза на брата и сестру. Она молча покачала головой, как будто ей было некогда пускаться в подробные объяснения.

— Помогите, — сказала она, и больше ей ничего говорить не понадобилось.

Хотя Клаусу и Вайолет поведение сестры казалось непостижимым, они вошли в прачечную вместе с ней, а Олаф разразился лаконичным победным хохотом.

— Ха! — воскликнул Граф Олаф. — Послушайте меня, сиротки, и я научу вас лучшим моим фокусам! Сначала расстилаете по полу грязное белье. Потом берете бутылки с крайне горючими химикалиями и поливаете белье.

Вайолет молча расстелила на деревянном полу прачечной грязные простыни, а Клаус и Солнышко взяли пластмассовые бутылки, открыли их и разлили содержимое по полу. По прачечной поплыл сильный резкий запах, а дети повернулись к Олафу и спросили, что делать дальше.

— А теперь? — спросила Солнышко.

— Теперь нужна спичка и растопка, — ответил Олаф и полез в карман той рукой, в которой не было ружья. — Всегда ношу с собой спички, — сообщил он, — а мои враги всегда носят с собой растопку. — Он подался вперёд и вырвал из рук судьи Штраус книгу «Отвратительные и Лицемерные Аферисты-Финансисты». — На что-то она действительно сгодится, — заметил злодей и швырнул книгу на грязное белье, едва не попав в Бодлеров, которые как раз выходили в коридор.

Упав на простыни, книга Джерома Скволора раскрылась, и дети увидели аккуратную диаграмму со стрелками, отточиями и пояснениями мелким шрифтом внизу. Бодлеры наклонились прочитать, что же написал специалист по несправедливости, и успели заметить лишь слова «подземный ход», когда Олаф зажёг спичку и мастерски кинул её в самую середину страницы. Бумага тут же занялась, и книга запылала.

— Ой, — тихо сказала Солнышко и прижалась к брату и сестре. Все три Бодлера и двое взрослых, стоявших рядом с ними, молча глядели через дверь в прачечную.

Горящая книга — исключительно печальное зрелище, ведь хотя книга — это всего-навсего бумага и типографская краска,

возникает такое чувство, словно все содержащиеся в ней мысли обращаются в пепел, чернеют и скручиваются вместе со страницами, корешком и переплётом — это слово означает не только «обложка», но и «ткань, клей и нитки, которые скрепляют страницы». Когда кто-то жжёт книгу, то проявляет глубочайшее неуважение к мыслительной работе, породившей её идеи, к тому труду, который потребовался, чтобы связать воедино слова и предложения, и ко всем бедам, которые постигли автора, от нашествия термитов, которые едва не уничтожили все черновики, до большого валуна, которым кто-то придавил художника, когда тот сидел на берегу пруда, поджидая, когда ему доставят рукопись. Судья Штраус смотрела на книгу, потрясённо нахмурившись и думая, вероятно, об исследованиях Джерома Скволора и обо всех негодяях, которых с их помощью можно было бы передать в руки закона. Вайолет, Клаус и Солнышко думали о пожаре, который унёс жизни их родителей, лишил их дома и вынудил бороться за жизнь самостоятельно, что здесь означает «Сначала переходить от опекуна к опекуну, а затем от одной отчаянной опасности к другой отчаянной опасности, пытаясь уцелеть и разгадать тайны, которые висели у них над головой, словно пелена дыма». Бодлеровские сироты думали о первом пожаре, который ворвался в их жизнь, и не знали, окажется ли этот пожар последним.

— Лучше бы нам убраться отсюда, — нарушил молчание Граф Олаф. — Как показывает мой богатый жизненный опыт, стоит пламени добраться до химикалий, и пожар распространяется очень быстро. Боюсь, вечеринку с коктейлями придётся отменить, но если мы не будем слишком долго копаться, у нас останется время на то, чтобы перед отплытием заразить всех постояльцев медузообразным мицелием. Ха! К лифту!

Крутанув в руках гарпунное ружье, негодяй зашагал по коридору, волоча за собой судью, а Бодлеры побежали следом. Но когда они добежали до лифта, дети обратили внимание на табличку, привинченную возле узорных ваз. Точно такая же табличка висела и в вестибюле, да вы и сами скорее всего видели такие таблички. «ПРИ ПОЖАРЕ, — гласили вычурные буквы, — ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЛИФТОМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЛЕСТНИЦАМИ».

— По лестнице, — сказала Солнышко, показывая на табличку.

— Наплевать, — презрительно скривился Граф Олаф, нажимая кнопку вызова.

— Опасно, — упёрлась Солнышко. — По лестнице.

— Может, это ты придумала поджечь отель, крошка, — сказал Граф Олаф, — но командую здесь я! Если мы поплетёмся по лестнице, то не успеем взять мицелий! Едем на лифте!

— Да тьфу, — вполголоса сказала Солнышко и задумчиво нахмурилась.

Вайолет и Клаус с подозрением взглянули на сестру, не понимая, как это ребёнок, которому ничуть не претило поджечь целый отель, расстраивается из-за такого пустяка, как лифт. Но тут Солнышко поглядела на брата и сестру с хитрой улыбкой и произнесла одно-единственное слово, которое все прояснило.

— Прелюдия, — сказала она, и в следующий миг её брат и сестра просияли.

— Чего? — свирепо спросил Олаф и нажал на кнопку ещё несколько раз, хотя подобное варварство, как всем известно, не ускоряет работу лифта.

— Моя сестра имеет в виду, — сказала Вайолет, — что она усвоила урок по поджигательству.

Однако младшая Бодлер имела в виду совсем не это. Клаус и Вайолет поняли: словом «прелюдия» Солнышко хотела напомнить им об отеле «Прелюдия» и о том, как однажды семья Бодлеров в полном составе провела там выходные. Как и говорила Кит Сникет, отель «Прелюдия» — очень славное место, и я рад сообщить вам, что он все ещё цел и невредим — ложка мёда в бочке дёгтя, — и что в бальном зале там по-прежнему висят знаменитые люстры в виде громадных медуз, которые раскачиваются вверх-вниз в такт музыке, которую играет оркестр, и что книжный киоск в вестибюле по-прежнему специализируется на сочинениях американских романистов реалистического направления, а открытый бассейн по-прежнему прекрасен, и когда кто- то прыгает в него, собираясь поплавать наперегонки, отражения окон отеля мерцают и переливаются. Однако бодлеровские сироты вспомнили не люстры, не киоск и даже не бассейн, где Солнышко училась плескаться и булькать. Они вспомнили одну шалость с лифтом, на которую подбил их отец, когда на него однажды нашло. Шалость — здесь это слово означает «Способ разыграть того, с кем ты едешь в лифте», — лучше всего удаётся в тот момент, когда вы собираетесь выходить из лифта, а ваши попутчики едут выше. Мама Бодлер возражала против того, чтобы её супруг учил детей подобным шалостям, так как, по её словам, шалость была недостойная, однако отец возразил ей, что это не более недостойная шалость, чем волшебные фокусы с булочками, которые мама Бодлер проделала в тот же день за завтраком в ресторане отеля, и тогда она неохотно согласилась поучаствовать в розыгрыше. Разумеется,

данный конкретный момент в жизни Бодлеров не слишком подходил для розыгрышей, однако Вайолет и Клаус тут же поняли, что затеяла их сестра, и когда двери лифта наконец раздвинулись и Граф Олаф протопал в лифт, трое Бодлеров вошли следом и немедленно нажали сразу на все кнопки. Когда папа Бодлер проделал это, выходя из лифта, оставшаяся в лифте пассажирка, невероятная зануда по имени Элеонора, была вынуждена по пути в номер посетить все этажи отеля, однако здесь, в отеле «Развязка», шалость служила сразу двум целям — в данном случае это выражение означает «давала Бодлерам возможность сделать сразу две вещи».

— Что вы делаете? — возмутился Граф Олаф. — Так я нипочём не успею вовремя добраться до медузообразного мицелия и всех отравить!

— Зато мы сможем предупредить о пожаре как можно больше народу! — закричала судья Штраус.

— Две цели, — сказала Солнышко и обменялась с братом и сестрой лёгкой улыбкой, когда лифт доехал до вестибюля и открыл двери. Громадный зал под куполом уже почти опустел, и Бодлеры увидели, что все последовали советам злодеев-судей Верховного Суда и бродят по отелю с завязанными глазами.

— Пожар! — закричала Вайолет, пока двери лифта не закрылись. — Внимание! Внимание! В отеле пожар! Прошу всех покинуть здание!

Мужчина с бородой, но без волос стоял у самого лифта, держа за плечо Джерома Скволора, чтобы было удобнее подталкивать специалиста по несправедливости в нужную ему сторону.

— Пожар? — спросил он своим странным хриплым голосом. — Молодчина, Олаф!

— Как это молодчина? — возмутился Джером, и стало видно, что он нахмурился под повязкой.

— Я хотел сказать: «Здесь Олаф!» — поспешно поправился мужчина, подтолкнув Джерома к лифту. — Держи его! Нужно передать его в руки властей!

— Олаф здесь? — спросил, видимо, Франк, который вместе с братом ощупью пробирался вдоль стены. — Я его задержу!

— Где Бодлеры? — закричал, видимо, Эрнест. — Я их задержу!

— В лифте! — закричала женщина с волосами, но без бороды из дальнего конца вестибюля, однако двери уже закрылись.

— Вызовите пожарных! — отчаянно закричала Вайолет.

— Которых? — был ответ, однако дети не поняли, кто им ответил — Франк или Эрнест. Не успели Бодлеры бросить

последний взгляд на волонтёров и негодяев, двери закрылись, и лифт поехал на второй этаж.

— Эти судьи обещали, что если я подожду до завтра, то увижу поражение всех моих врагов, — проворчал Граф Олаф, — а теперь сами же всех на меня натравливают! Так и знал — когда-нибудь и они меня подведут!

Бодлерам было некогда напоминать Олафу, что он и сам подвёл судей, собравшись отравить их медузообразным мицелием вместе со всеми, кто был в *вестибюле*, поскольку лифт остановился на втором этаже и открыл двери.

— В отеле пожар! — закричал Клаус в коридор. — Пожалуйста, покиньте здание!

— Пожар? — спросила Эсме Скволор. К удивлению Бодлеров, коварная женщина не сняла повязки, но, возможно, она решила, будто полоса чёрной ткани на глазах — это модно. — Кто сказал?

— Клаус Бодлер, — сказал Клаус Бодлер. — Уходите из отеля!

— Не слушайте этого кексолиза! — заверещала Кармелита Спатс, которая носилась по коридору, шлёпая рукой по всем узорным вазам. — Он пытается от нас улизнуть! Давайте снимем повязки и подсмотрим!

— Не вздумайте снимать повязки! — закричал Граф Олаф. — Эти Бодлеры виновны в неуважении к суду и пытаются заманить вас в ту же ловушку! Никакого пожара нет! Не покидайте отель ни при каких обстоятельствах!

— Мы никуда вас не заманиваем! — закричал Клаус. — Это Олаф вас заманивает! Пожалуйста, послушайтесь нас!

— Не знаю, кому и верить, — презрительно скривилась Эсме Скволор. — Вы, сироты, такие же подлецы, как и мой бывший приятель.

— Оставьте нас в покое! — велела Кармелита, натыкаясь на стену. — Мы сами разберёмся!

Двери закрылись, прежде чем Бодлеры успели продолжить спор, — и больше им уже никогда не пришлось спорить ни с этой неприятной женщиной, ни с этой неприятной девочкой. Вскоре лифт приехал на третий этаж, и Солнышко, набрав побольше воздуху, чтобы все, и злодеи, и благородные люди, слышали её голосок, закричала.

— Пожар! — закричала она. — Ходите по лестницам! Никаких лифтов!

— Солнышко Бодлер? — крикнул в ответ мистер По, узнав голос своей подопечной. Лицом банкир стоял совершенно не в ту сторону и прижимал к чёрной повязке белый носовой платок. — Не следует добавлять к перечню своих преступлений ещё и

ложный сигнал о пожаре! Ты и так виновна в неуважении к суду, а может быть, и в убийстве!

— Это не ложный сигнал! — воскликнула судья Штраус. — Мистер По, отель действительно горит! Пожалуйста, бегите!

— Не могу, — ответил мистер По, кашляя в платок. — Я при исполнении служебных обязанностей: слежу за делами Бодлеров и распоряжаюсь состоянием их роди…

Двери лифта закрылись, оборвав мистера По на полуслове, и Бодлеры в последний раз уехали от банкира, и вынужден с огорчением сообщить, что на каждом этаже более или менее повторялась та же история.

На третьем этаже Бодлеры увидели миссис Басс, на которой по-прежнему красовался крошечный белокурый паричок, словно снежная шапка на вершине горы, а глаза были по-прежнему завязаны чёрной тканью поверх узкой полумаски, а на седьмом этаже видели мистера Ремору, который бродил там вместе с завучем Ниро. Они видели и Джеральдину Жюльен, которая нащупывала дорогу микрофоном, как слепой — белой тросточкой, и они видели Чарльза и Сэра, которые взялись за руки, чтобы не потерять друг друга, и они видели Кевина, Хьюго и Колетт, державших липучку для птиц, которую вывесил за окно сауны Клаус, и они видели, как мистер Леско спорит с миссис Морроу, и они видели мужчину с гитарой, который знакомился с женщиной в шляпке в виде вороны, и ещё многих людей, в которых не узнали ни волонтёров, ни негодяев, — все эти люди бродили по коридорам отеля, пытаясь поймать всякого, кто покажется им подозрительным. Одни из них верили Бодлерам, когда те сообщали им о пожаре, а другие верили Графу Олафу, когда тот сообщал им, что Бодлеры лгут, когда говорят о пожаре. Но лифт останавливался на каждом этаже совсем ненадолго, и всех этих людей дети видели лишь мельком. Они слышали, как миссис Басс пробормотала что-то об ожидающем её автомобиле и как мистер Ремора спросил что-то о жареных бананах. Они слышали, как Ниро вспомнил о своей скрипке, а Джеральдина запищала про заголовки, а Чарльз с Сэром начали препираться о том, выгодны пожары деревообрабатывающей промышленности или нет. Они слышали, как Хьюго спросил, действует ли ещё план касательно hors d'oeuvres, и слышали, как Колетт спросила, не нужно ли будет ощипать ворон, и слышали, как Кевин жалуется на то, что не знает, какой рукой держать липучку для птиц — правой или левой, и слышали, как мистер Леско говорит гадости миссис Морроу, а бородатый мужчина поёт песни женщине в шляпке в виде вороны, и они слышали, как какой-то мужчина зовёт Брюса, а какая-то женщина зовёт свою мамочку, и как

дюжины и дюжины людей о чем-то шепчутся и на кого-то кричат, с кем-то спорят и в чем-то соглашаются, гневно обвиняют или кротко защищаются, осыпают яростными комплиментами и добросердечными оскорблениями дюжины и дюжины других людей и в самом отеле «Развязка», и за его дверями, — одних из них Бодлеры узнали, других забыли, третьих впервые видели.

На каждом этаже развёртывался свой сюжет, и сюжет каждого этажа был для Бодлеров непостижим, так как их визиты на этажи были столь краткими, а сюжеты некоторых этажей остались непостижимыми и для меня — даже спустя столько одиноких лет и после стольких исследований, предпринятых в одиночку.

Быть может, какие-то из этажных сюжетов вы знаете лучше меня, поскольку выследили замешанных в них персонажей. Быть может, миссис Басс сменила фамилию и живёт рядом с вами, быть может, мистер Ремора оставил себе прежнюю фамилию и живёт на другом краю земли. Быть может, Ниро теперь работает продавцом в продуктовом магазине, а Джеральдина Жюльен ведёт уроки труда. Быть может, Чарльз и Сэр больше не компаньоны, и вам представился случай подробно рассмотреть одного из них, когда он сидел напротив вас в автобусе, и, быть может, Хьюго, Колетт и Кевин по-прежнему вместе, и вы проследили за этими непостижимыми людьми, так как заметили, что один из них одинаково владеет обеими руками. Быть может, мистер Леско теперь ваш сосед, а миссис Морроу теперь ваша сестра, или мать, или тётушка, или жена, или даже муж. Быть может, шорох за окном производит бородатый мужчина, который пытается забраться к вам в комнату, а может быть, это такси, которое вызвала женщина в шляпке в виде вороны. Быть может, вам случалось заметить в толпе и управляющих отелем «Развязка», и судей Верховного Суда, и официантов из кафе «Сальмонелла», и, быть может, вы знакомы со специалистом по несправедливости или сами им стали. Быть может, для вас люди, которые встретились на вашем непостижимом жизненном пути, и их непостижимые судьбы яснее ясного, но когда лифт остановился в последний раз и двери раздвинулись, а за ними оказалась крыша отеля «Развязка», Бодлеры чувствовали себя так, словно чудом балансируют на загадочной и неверной груде непостижимых тайн. Они не знали, кто уцелеет в пожаре, который они разожгли, а кто погибнет. Они не знали, кто считал их волонтёрами, а кто думал, будто они негодяи, и кто верил, что они невиновны, а кто верил, будто виновны. И они не знали, что означают их собственные наблюдения, дела и поступки и кто они — благородные люди, злодеи или нечто среднее. Когда бодлеровские сироты вышли из лифта и проходили через солярий

на крыше, они чувствовали, что их жизнь — словно книга, полная важнейших сведений, которую сожгли, как сожгли всеобщую историю несправедливости, превратившуюся в пепел пожара, который с каждой секундой разгорался все сильнее.

— Глядите! — закричал Граф Олаф, свесившись с крыши отеля и показывая куда-то вниз.

Бодлеры поглядели туда, надеясь увидеть просторную безмятежную гладь пруда, отражающую отель «Развязка», словно гигантское зеркало. Но в воздухе вились клубы густого чёрного дыма, валившего из подвальных окон, за которыми распространялось пламя, и поверхность пруда стала похожа на мозаику из крошечных зеркал, каждое из которых было разбито на множество кусочков непостижимых очертаний. То там, то сям среди огня и зеркал дети различали бегавшие фигурки, но не понимали, кто это — полиция при исполнении служебных обязанностей или постояльцы, которые выбежали из отеля, спасаясь от стихии.

Олаф продолжал глядеть вниз, и Бодлеры не понимали, доволен он или расстроен.

— Вашими стараниями, сироты, уничтожить всех медузообразным мицелием уже поздно, — сказал Граф, — зато мы, по крайней мере, запалили пожар.

Судья Штраус продолжала глядеть на дым, который валил из окон и вился к небу, и выражение её лица было столь же непостижимым.

— Вашими стараниями, сироты, отель сгорит дотла, — тихо сказала она Бодлерам, — зато мы, по крайней мере, не дали Графу Олафу отравить всех мицелием.

— Огонь распространяется не очень быстро, — сказал Граф Олаф. — Многие спасутся.

— Но он распространяется и не очень медленно, — возразила судья Штраус. — Некоторые не успеют.

Бодлеровские сироты переглянулись, но не успели они ничего сказать, как все здание содрогнулось, и дети с трудом устояли на ногах. Зеркальные коврики для загара беспорядочно заскользили по солярию, а вода в бассейне всплеснулась и ударила в борт большой деревянной лодки, окатив фигуру осьминога, напавшего на водолаза.

— Пламя затронуло несущие конструкции здания, — сказала Вайолет.

— Пора выбираться, — сказал Клаус.

— Живо, — сказала Солнышко.

Не тратя время на разговоры, Бодлеры отвернулись от взрослых и зашагали к лодке. Переложив простыни на одну руку,

Вайолет сняла фуражку посыльной, пошарила в кармане и вытащила ленту, которую ей дала Кит Сникет, чтобы подвязать волосы. Клаус пошарил в кармане и вытащил записную книжку, в которой принялся лихорадочно рыться. Солнышко не стала шарить в карманах, а только задумчиво стиснула свои острые зубы, как будто предчувствовала — скоро они понадобятся.

Вайолет придирчиво оглядела лодку.

— Парашютный тормоз я привяжу к фигуре на носу лодки, — сказала она. — Можно завязать узел «Язык Дьявола» под водолазным шлемом. — Она помолчала и продолжила: — Там-то Граф Олаф и прятал медузообразный мицелий, ведь туда никто не догадается заглянуть.

Клаус придирчиво перечитал свои записи.

— Я подниму парус так, чтобы поймать ветер, — сказал он. — Иначе такая тяжёлая лодка просто свалится в воду. — Он тоже немного помолчал и продолжил: — Именно это и произошло с сахарницей. Дьюи Денуман убедил всех в том, будто она в прачечной, и теперь никто не догадается поискать её в пруду.

— Лопатки-весла, — сказала Солнышко, указывая на приспособления, которыми Хьюго переворачивал загорающих.

— *Отличная мысль*, — согласилась Вайолет и посмотрела на неспокойные свинцовые волны моря. — Может быть, друзья найдут нас. Здесь должен пролететь Гектор с Кит Сникет и Квегмайрами.

— И Фионой, — добавил Клаус.

— Нет, — сказала Солнышко.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Вайолет, осторожно перебираясь с края бассейна на борт лодки, а оттуда начиная карабкаться по верёвочной лестнице на нос.

— Они собирались прибыть в четверг, — сказал Клаус, помогая Солнышку забраться на борт и залезая следом. Палуба была размером с большой матрас, и поместиться на ней могли три Бодлера и ещё, может быть, один-два пассажира. — А сейчас ещё среда.

— Пожар, — сказала Солнышко и показала на вздымавшийся к небу столб дыма.

Старшие Бодлеры ахнули. Они едва не забыли, как Кит говорила им, что будет смотреть в небо и ждать сигнала, который отменит собрание в четверг.

— Так вот почему ты решила поджечь отель! — сказала Вайолет, торопливо обвязывая статую жгутами из простыней. — Это сигнал!

— Г. П. В. его увидит, — сказал Клаус, — и поймёт, что все её чаяния растаяли как дым.

Солнышко кивнула.

— Последнее убежище уже небезопасно, — сказала она.

Для младшей Бодлер это высказывание было очень выразительным — и очень печальным.

— Может быть, друзья все равно нас найдут, — сказала Вайолет. — Может быть, они — последние благородные люди в нашей жизни.

— Если они по-настоящему благородны, то не станут больше с нами дружить, — сказал Клаус.

Вайолет кивнула, и на глаза ей навернулись слезы.

— Ты прав, — признала она. — Мы убили человека.

— Случайность, — твёрдо возразила Солнышко.

— И сожгли отель, — добавил Клаус.

— Сигнал, — сказала Солнышко.

— У нас были добрые намерения, но мы совершали недобрые поступки, — сказала Вайолет.

— Мы хотим быть благородными, но нам пришлось совершить злодейства, — сказал Клаус.

— Мы достаточно благородны, — сказала Солнышко, но тут здание снова содрогнулось, словно качая головой в знак протеста.

Вайолет вцепилась в фигуру на носу, а Клаус и Солнышко вцепились друг в друга, потому что лодка стала колотиться о края бассейна.

— Помогите! — крикнула Вайолет взрослым, которые все глядели на дым. — Хватайте лопатки и толкайте лодку к краю крыши!

— Раскомандовалась! — фыркнул Граф Олаф, однако вместе с судьёй направился к тому углу солярия, где стояли лопатки, отражая послеполуденное солнце и задымленное небо.

Взрослые взяли по лопатке и стали тыкать ими в лодку, как тыкают в паука, когда хотят выгнать его из ванны. Бум! Бум! Лодка несколько раз ударилась о край бассейна, а затем выскочила из него и с долгим скрежетом медленно съехала к краю крыши. Бодлеры крепко держались за борта, и вот носовая часть лодки миновала зеркала солярия и нависла над пустотой, где не было ничего, кроме дыма. Лодка тихонько покачивалась, чудом балансируя между отелем и раскинувшимся внизу морем.

— Забирайтесь! — крикнула Вайолет, потуже затягивая узлы.

— Конечно заберусь! — объявил Олаф, прищурясь на водолазный шлем на носу лодки. — Я же капитан этого судна!

И он швырнул лопатку на палубу, едва не попав в Клауса и Солнышко, а затем залез в лодку, из-за чего она угрожающе закачалась на краю крыши.

— И вы тоже, судья Штраус! — позвал Клаус, но судья

отложила лопатку и печально взглянула на детей.

— Нет, — сказала она, и дети увидели, что она плачет. — Я не поплыву с вами. Это было бы нечестно.

— Что же нам делать? — спросила Солнышко, но судья Штраус лишь покачала головой.

— Я не стану убегать с места преступления, — сказала она. — А вы, дети, должны отправиться со мной, и мы все объясним полиции.

— Полиция нам не поверит, — сказала Вайолет, держа парашютный тормоз наготове. — К тому же в её ряды могли затесаться враги — как негодяи в Верховный Суд.

— Возможно, но это не повод убегать, — сказала судья.

Граф Олаф огрел бывшую соседку презрительным взглядом и повернулся к Бодлерам.

— Ну и пусть себе горит, как свечка, если ей так хочется, — сказал он, — а нам пора отправляться.

Судья Штраус глубоко вздохнула, а потом шагнула вперёд и положила руку на кошмарную деревянную фигуру на носу лодки, словно собиралась затащить все судно обратно на крышу.

— Иногда говорят, что дети из разрушенных семей самой судьбой обречены на преступное будущее, — сказала она сквозь слезы. — Пусть ваша судьба будет совсем не такая, Бодлеры.

Клаус стоял у мачты, привязывая снасти.

— У нас нет другой семьи, кроме нас самих, и другого дома, кроме этой лодки, — сказал он.

— Все это время я следила за вами, — сказала судья, крепче сжимая пальцы на деревянной фигуре. — И вам постоянно удавалось ускользнуть от меня — с того самого мига, когда мистер По увёз вас из театра в своей машине, до того момента, когда Кит Сникет провезла вас в такси через живую изгородь. Я не отпущу вас, Бодлеры!

Солнышко шагнула к судье, и на секунду старшим Бодлерам показалось, будто она собирается вылезти из лодки. Но она лишь взглянула в полные слез глаза судьи и улыбнулась ей печально-печально.

— Чао-какао, — сказала младшая Бодлер, открыла рот и укусила судью в руку.

С криком боли и досады судья Штраус разжала пальцы, и здание снова содрогнулось, свалив судью с ног, а лодку с крыши в то самое мгновение, когда часы отеля «Развязка» пробили в последний раз.

«Не так! Не так! Не так!» — трижды пробили часы, и трое Бодлеров с криком устремились навстречу морским волнам, и даже Граф Олаф завопил: «Мамочка!» — поскольку на один

ужасный миг им показалось, что удача отвернулась от них окончательно и что сейчас лодка разобьётся в щепки из-за силы тяжести. Но тут Вайолет отпустила грязные простыни, и в небо взвился парашютный тормоз, похожий на очередной клуб дыма, а Клаус повернул парус и поймал ветер, и лодка перестала падать и начала парить, словно птица, поймавшая восходящие потоки воздуха и решившая дать крыльям отдохнуть, особенно если она устала, так как долго несла тяжёлый и важный груз. Несколько секунд лодка плыла по воздуху, словно ковёр-самолёт из волшебной сказки, и Бодлеры, несмотря на ужас и панику, не могли не восхититься при мысли о том, как чудесно они спаслись. Ещё на один ужасный миг, когда лодка плюхнулась в воду, им показалось, Что сейчас они утонут, как утонул в пруду Дьюи Денуман, унося с собой все тайны своего подводного каталога и оставив любимую женщину беременной и отчаявшейся. Но тут парус развернулся, фигура на носу выровнялась, и Олаф поднял лопатку и вручил её Солнышку.

— Давай греби, — велел он и загоготал, сверкая глазами. — Ну вот, сироты, наконец-то вы в моих руках, — заявил он. — Мы с вами в одной лодке.

Бодлеры поглядели сначала на негодяя, а потом на берег. На миг им захотелось прыгнуть за борт и вплавь добраться до города, чтобы оказаться подальше от Олафа. Но когда они поглядели на дым, который валил из окон отеля, и на пламя, которое вилось вокруг лилий и мха, выращенных на стенах искусным садовником, то поняли, что на суше так же опасно. Дети видели стоявшие вокруг отеля крошечные фигурки, которые яростно махали руками в сторону моря, и видели, как содрогается здание. Судя по всему, отель был готов вот-вот обрушиться, и детям хотелось оказаться от этого подальше. Дьюи заверил их, что им больше не придётся скитаться по морям, по волнам, но сейчас именно морские волны стали для Бодлеров последним убежищем.

Ричард Райт, американский романист реалистического направления, в своём самом прославленном романе «Родной сын» задаёт знаменитый непостижимый вопрос. «Кто знает, — спрашивает он, — не окажется ли одного крошечного потрясения, которое нарушит хрупкий баланс между социальными установлениями и неуёмней алчностью, довольно для того, чтобы в наших столицах обрушились все небоскрёбы?» Прочитать этот вопрос не так-то просто, и звучит он так, как будто это некий шифр, однако после долгих исследований я смог извлечь из этих таинственных слов определённый смысл. Например, «социальные установления» — это слова, которые, вероятно, относятся к тем

системам, с помощью которых люди организуют свою жизнь, в частности к Десятичной Системе Дьюи или к процессам Верховного Суда, на которых присутствующих заставляют завязать глаза. А «неумная алчность» — это слова, которые, вероятно, относятся к тому, чем люди стремятся обладать, например к бодлеровскому состоянию, сахарнице или убежищу, которое одинокие усталые сироты могут назвать своим домом. Видимо, мистер Райт, задавая этот вопрос, хотел спросить, не может ли крошечное событие, вроде камешка, брошенного в пруд, привести к тому, что по всем системам мира побегут круги, и потрясти основы того, к чему стремится человечество, пока все эти круги и потрясения не обрушат что-нибудь громадное вроде здания.

Разумеется, у Бодлеров в деревянной лодке, которая служила им новым домом, не было экземпляра «Родного сына», однако, глядя на удаляющийся отель «Развязка», они задавали себе вопросы, очень похожие на вопрос мистера Райта. Вайолет, Клаус и Солнышко вспоминали все свои поступки, большие и малые. Они думали о своих фланёрских наблюдениях, которые оставили нераскрытыми столько тайн. Они думали о своих обязанностях посыльных, из-за которых случилось столько бед. И они думали о том, кто они — по-прежнему благородные волонтёры, которыми хотели стать, или из-за того, что огонь прокладывал себе зловещий путь по этажам отеля и здание должно было вот-вот обрушиться, им было самой судьбой предназначено стать кем-то другим.

Бодлеровские сироты оказались в одной лодке с Графом Олафом, прославленным негодяем, и глядели в море, где надеялись найти своих благородных друзей, не зная, что им теперь делать и кем они могут стать.

notes

Примечания

1

Здесь и далее стихи в пер. С. Степанова.